

НИС ГАВОР

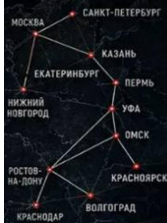
ПАМЯТЬ. ПРОШЛОЕ. ПРАВДА.
ИНОГДА ОСКОЛКИ МИРАЖЕЙ СЛИШКОМ РЕАЛЬНЫ.

М-13
217

М-13-217
ПРОЕКТ «ПАМЯТЬ»

ПАРАЛЛЕЛИ МИРАЖЕЙ

— НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КОГДА ПРАВДА СКРЫТА В ПАМЯТИ, ОНА СТАНОВИТСЯ ОПАСНЕЕ ЛЮБОЙ ЛЖИ.

2026

ДЕТЕКТИВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТАЙНЫ ПРОШЛОГО

18+

Нис Павор

Параллели миражей.

Наследие памяти

<https://litres.ru/74273838>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сызрань. Дождь превращает улицы в зеркало, а отражения начинают жить собственной жизнью. Бывший дворник Артём Ковалёв устраивается к эксцентричному расследователю Вольскому, который разговаривает с тараканами, и берётся за дело пропавшей курьерши. Камеры фиксируют невозможное: её отражение останавливается и смотрит в объектив, пока сама девушка продолжает идти. В городе, где время течёт иначе, а люди возвращаются не всегда теми же, уже поздно искать рациональные объяснения.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	276

Нис Павор

Параллели миражей.

Наследие памяти

Глава 1

Дождь в Сызрани умеет делать две вещи: превращать улицы в грязное зеркало и заставлять людей идти быстрее, будто за ними кто-то наблюдает. В тот вечер он делал и то, и другое. Я стоял у перекошенной остановки возле старого мясокомбината и смотрел, как по асфальту растекаются красные и синие отблески вывесок. Неон дешёвого круглосуточного магазина «СПУТНИК 24» дрожал в лужах так, словно город пытался вспомнить, каким он был лет двадцать назад, и у него не получалось. Моя семёрка стояла неподалёку. Вернее, делала вид, что стояла. Со стороны казалось, будто её бросили здесь ещё при Ельцине и забыли забрать. Ржавчина на дверях напоминала карту неизвестного архипелага, а глушитель звучал так, словно внутри него задыхался астматический медведь.

Я докурил сигарету и посмотрел на адрес, записанный на мокром клочке бумаги:

улица Достоевского, 11, агентство частных исследований «Вольский и партнёры». Слова «и партнёры» всегда вызывают у меня подозрение. Обычно за ними скрывается либо бухгалтер в декрете, либо алкоголик с принтером. Подняв воротник куртки, я пошёл вдоль улицы.

Сызрань ночью выглядела странно. Будто город пытался

играть в киберпанк на зарплату дворника. Старые панельки облепили светодиодными вывесками, над дорогами висели рекламные экраны, половина из которых мигала ошибками, а у ларьков стояли постаматы доставки, разрисованные матерными граффити. На одном из экранов крутили рекламу: «NEUROLIFE™. Подари мозгу вторую молодость».

Экран дёрнулся помехами. На долю секунды женщина из рекламы посмотрела прямо на меня. Я остановился, потом усмехнулся. Недосып. Последние месяцы я спал по четыре часа в сутки, иногда по три, иногда не спал вообще. Когда тебе тридцать шесть, ты живёшь в комнате общежития размером с холодильник и работаешь у мужика, который на собеседовании обещает «перспективы роста», — мозг начинает развлекать себя самостоятельно.

Дом номер одиннадцать оказался старым административным зданием. Серый бетон, чёрные окна, выцветшая табличка. Третий этаж. Лифт, разумеется, не работал. Пока я поднимался, лампы на лестнице моргали с интервалом ровно в три секунды.

Я заметил это только на втором пролёте. На третьем уже начал считать. Одна, две, три — мерцание. Одна, две, три — мерцание. Странно, как быстро человек начинает искать закономерности. Особенно когда в жизни у него нет ничего стабильного.

На двери офиса висела металлическая табличка: «М. Г. Вольский. Частный исследователь» Не детектив. Именно

расследователь. Это уже настораживало. Я постучал. Изнутри раздался грохот.

Потом чей-то крик:

— Не трогай провода, Лейберихт, идиот с хитиновой жопой!

Я замер — тишина. Потом снова крик:

— Входите, пока они не убежали!

Я вошёл и почти сразу пожалел об этом. Кабинет выглядел так, словно внутри него одновременно жили следователь, радиолюбитель и человек, проигравший войну с шизофренией. Повсюду лежали папки, провода, мониторы, старые фотографии. На стенах висели карты города, исписанные красными символами. Под потолком медленно вращался вентилятор, скрипя так ритмично, будто пытался передать сообщение азбукой Морзе.

За столом сидел мужчина лет семидесяти. Худой, седой, в длинном тёмном свитере. Его глаза были слишком живыми для человека с такими мешками под глазами. Он смотрел на меня секунд пять. Потом перевёл взгляд куда-то вправо.

— Нет, это не он.

Пауза.

— Да вижу я, что у него лицо уставшее. У вас у всех лица как у недоеденных пельменей.

Я медленно оглянулся - никого.

— Вы... с кем разговариваете? — осторожно спросил я.

Мужчина уставился на меня так, будто вопрос был глупее

некуда.

— С тараканами, конечно.

Он протянул руку.

— Марк Григорьевич Вольский.

Я пожал её. Ладонь была ледяной.

— Артём.

— Фамилия?

— Ковалёв.

— Угу.

Он снова повернул голову вправо.

— Запиши.

Тишина.

— Я СКАЗАЛ ЗАПИШИ, ЛЕЙБЕРИХТ!

Я начал подозревать, что либо собеседование закончится очень быстро, либо моя жизнь только что резко свернула не туда. Вольский откинулся на спинку кресла.

— Значит, бывший дворник.

— Бывший.

— Продал всё, что было, поездка в США на ПМЖ.

— Было дело.

— Не получилось?

— Не получилось.

— Отлично.

— Что именно?

— Люди, у которых всё получилось, редко умеют искать чужое дерьмо.

Он сказал это совершенно спокойно, будто озвучил прогноз погоды. Я сел напротив. Кресло подо мной жалобно хрустнуло.

— А вы всегда разговариваете с тараканами?

— Не всегда. Иногда они со мной.

Он достал сигарету, закурил.

Несмотря на знак «НЕ КУРИТЬ», висевший у него прямо над головой.

— Вы верите в совпадения, Артём?

— Нет.

— Молодец. Нормальный человек не должен.

Он внезапно ткнул пальцем в угол комнаты.

— Вот видишь?! Я ЖЕ ГОВОРИЛ!

Я снова обернулся - ничего. Только старый системный блок.

Вольский прищурился.

— Убежал.

— Кто?

— Хайнц.

— Таракан?

— Нет, налоговый инспектор, Артём. Конечно таракан.

Он сделал затяжку.

— Их четверо. Хайнц, Лейберихт, Марфа и Енох.

— И они вам помогают расследовать дела?

— Иногда. Иногда мешают. Как и люди.

Я решил пока не уточнять, существуют ли эти тараканы

физически. Некоторые вопросы лучше откладывать.

— Почему вы ищете помощника? — спросил я.

— Потому что прошлый умер.

Он сказал это так буднично, что я не сразу понял смысл.

— В смысле?

— В прямом. Сердце. — пауза. — Наверное.

— Наверное?

— Его нашли в ванной с открытыми глазами и включённым феном. Врач сказал, что сердце. Он пожал плечами.

— А вы что думаете?

Вольский улыбнулся. Очень нехорошей улыбкой.

— А я думаю, что люди слишком любят простые объяснения.

За окном ударил гром. Лампы в кабинете мигнули. И на долю секунды мне показалось, что на стене за спиной Вольского висит не карта города, а что-то другое. Какие-то линии, круги, фотографии. Но свет сразу вернулся в норму. Я снова увидел обычную карту. Наверное.

Вольский внимательно смотрел на меня.

— Вы нервный человек, Артём?

— Смотря по ситуации.

— Хороший ответ. — он выдвинул ящик стола и бросил мне папку, — Первое дело.

Я открыл её. Внутри лежала фотография девушки. Лет двадцати пяти. Тёмные волосы, светлая куртка, обычное лицо, которое через пять минут забудешь. Но глаза... Было в

них что-то неправильное. Будто фотограф сделал снимок за секунду до того, как она увидела что-то страшное.

— Пропала три месяца назад, — сказал Вольский. — Алина Руднева. Курьер компании «НеоФуд». Последний раз её видели возле речного вокзала.

— Полиция?

— Работает.

— Тогда зачем мы?

— Потому что полиция ищет пропавшую девушку, — он наклонился ко мне, — А её мать уверена, что дочь кто-то подменил ещё за неделю до исчезновения.

Я усмехнулся.

— Подменил?

— Именно это она и сказала.

— И вы ей поверили?

— Нет, — пауза, — Но я проверил записи с камер. Он замолчал. Я ждал продолжения, но его не было.

— И?

Вольский медленно потушил сигарету.

— На одной из камер Алина проходит мимо витрины магазина.

— И?

— В отражении витрины она на секунду останавливается.

— А сама девушка?

— Продолжает идти.

В кабинете стало тихо. Настолько тихо, что я услышал

скрип вентилятора.

Скрип...

Пауза.

Скрип...

Я смотрел на Вольского. Он — на меня. Потом он спокойно сказал:

— И нет, монтаж исключён. Я проверял.

Я хотел что-то ответить. Не смог. Потому что мозг уже начал искать объяснение. Угол съёмки, задержка кадра, сбой нейросети, повреждение видео. Что угодно.

— Вы покажете запись? — спросил я.

— Позже.

Он снова повернул голову вправо.

— Нет, Лейберихт, я не собираюсь его пока убивать, — пауза, — Потому что это незаконно.

Он посмотрел на меня.

— Пока незаконно.

Я невольно улыбнулся. И тут же поймал себя на мысли, что начинаю привыкать к этому месту. Это было плохим знаком. Очень плохим. Вольский встал из-за стола. Высокий, сутулый. Он подошёл к окну и несколько секунд смотрел на дождь.

— Знаете, что самое неприятное в пропавших людях, Артём?

— Что?

— Иногда они возвращаются.

Он произнёс это тихо. Почти задумчиво. Я хотел спросить, что он имеет в виду. Но в этот момент в коридоре слышались шаги. Тяжёлые, медленные. Кто-то остановился прямо за дверью кабинета. Потом постучал. Три раза. Ровно, без пауз. Вольский резко напрягся. Впервые за весь разговор.

— Сидите тихо, — сказал он. И вдруг добавил уже совершенно другим голосом:

— Феракх таул мерид.

Я нахмурился.

— Что?

Он не ответил. Подошёл к двери. Очень медленно открыл её. На пороге стояла женщина в чёрном плаще. Лет пятидесяти. Мокрые волосы прилипли к лицу. Она посмотрела сначала на Вольского. Потом на меня. И тихо сказала:

— Она снова появилась.

Вольский побледнел. По-настоящему.

— Где?

Женщина сглотнула.

— На записи.

Повисла тишина. Потом из угла кабинета раздался тихий треск. Я повернул голову. Старый монитор, который до этого был выключен, внезапно загорелся сам. Белый шум, помехи, рябь. А затем на экране появилась фигура девушки. Той самой с фотографии из дела - Алины Соколовой. Она стояла посреди тёмной улицы и смотрела прямо в камеру. Неподвижно. Слишком неподвижно. Будто это была не за-

пись. Будто она видела нас. И вдруг экран дёрнулся. Лицо девушки приблизилось. Настолько резко, словно она оказалась вплотную к объективу. А потом изображение исчезло, монитор погас. В кабинете запахло палёной проводкой. Я медленно повернулся к Вольскому.

— Это тоже тараканы?

Он смотрел на чёрный экран так, будто увидел призрак собственного будущего.

И впервые за всё время я заметил в его глазах страх. Настоящий.

— Нет, Артём, — тихо сказал он. — Вот это уже проблема.

Никто не говорил секунд десять. Только дождь бил по подоконнику. Где-то внизу проехал грузовик, и стёкла кабинета коротко задрожали. Женщина в плаще медленно закрыла дверь за собой.

— Я принесла накопитель, — сказала она.

Голос у неё был низкий, усталый. Так разговаривают люди, которые давно перестали удивляться. Она положила на стол маленькую чёрную флешку. Вольский не притронулся к ней.

— Кто видел запись?

— Я и оператор.

— Оператор сейчас где?

— Курит во дворе. Кажется, у него начинается истерика.

— Прекрасно.

Вольский повернулся ко мне.

— Артём, знакомьтесь. Это Инга Руднева.

Женщина кивнула.

— Архивист, — добавил Вольский. — Бывший.

— Бывших архивистов не бывает, — спокойно ответила она.

Я не совсем понял, шутка это была или предупреждение. Инга сняла мокрый плащ и повесила его на спинку стула. Под плащом оказался тёмный брючный костюм, слишком строгий для Сызрани и слишком дорогой для человека, который работает ночью. Она заметила мой взгляд.

— Не пытайтесь угадать, кем я работала раньше. Всё равно не угадаете.

— А кем вы работали?

— Видите? Уже не угадали.

Вольский коротко усмехнулся. Потом резко стал серьёзным.

— Показывай.

Инга вставила флешку в системный блок. Монитор ожил. Появилось изображение ночной улицы. Дата в углу: 17 октября 22:14. Камера наблюдения висела высоко над перекрёстком. Дождь, пустая дорога, мигающая вывеска ломбарда. Я машинально отметил, что видео слегка тормозит. Старое оборудование, плохой сервер. Обычная история.

В кадре появилась Алина. Светлая куртка, тёмный капюшон. Она шла быстро, почти не поднимая головы.

— Стоп, — сказал Вольский.

Инга поставила запись на паузу.

— Смотри внимательно на витрину справа.

Я прищурился. В отражении действительно виднелась Алина. Ничего необычного.

— Теперь медленно.

Видео продолжилось. Алина в кадре сделала ещё два шага, третий, четвертый. А отражение... Оно остановилось. У меня внутри что-то неприятно сжалось. Отражение девушки застыло возле витрины и медленно повернуло голову. Прямо в сторону камеры. Настоящая Алина в это время продолжала идти. Я почувствовал, как по спине прошёл холод. Рациональная часть мозга тут же начала работать. Сбой кадров, наложение, ИИ-реконструкция, битый поток данных. Но чем дольше я смотрел, тем хуже работали эти объяснения. Потому что отражение двигалось слишком... независимо. Словно это был другой человек.

Видео закончилось. Экран замер. Я несколько секунд молчал. Потом сказал:

— Хороший монтаж.

Инга посмотрела на меня почти с уважением.

— Спасибо.

— Что?

— Вы первый за три дня, кто не сказал “какая-то хрень”.

Вольский снова закурил.

— Я проверял исходники прошлых записей. Подделки

нет.

— Тогда что это?

— Не знаю.

— А вы обычно берёте дела, где не знаете, что происходит?

— Самые интересные дела начинаются именно так.

Он выпустил дым в сторону вентилятора. Тот лениво размазал его по комнате.

— Есть ещё кое-что, — сказала Инга.

Мне не понравилась эта фраза. Обычно после неё жизнь становится хуже. Она достала из папки распечатку.

— Это детализация звонков Алины за последние два месяца.

Я взял лист. Большинство номеров были обычными. Курьерская служба, такси, мать, подруга. Ничего интересного. А потом я заметил повторяющийся номер. Без имени, без регистрации. Звонки шли каждый день ровно в 03:13 ночи.

— Кто это? — спросил я.

Инга пожала плечами.

— Номер не существует.

— В смысле?

— В прямом. Его нет в базе операторов.

— Так не бывает.

— Поздравляю. Вы уже начинаете понимать суть нашего агентства.

Я снова посмотрел на распечатку. Все разговоры длились

ровно одну минуту и тринадцать секунд. Ни секундой больше, ни меньше. Вольский заметил, как изменилось моё лицо.

— Да. Вот это меня тоже напрягло.

— Может, ошибка системы?

— Тринадцать раз подряд?

— Совпадение.

— Не люблю это слово.

Он резко встал. Подошёл к одной из стен. Я только сейчас заметил, что карта города там висела не одна. Под ней были фотографии. Десятки. Люди, улицы, куски каких-то схем. Красные линии соединяли снимки между собой. Сначала всё выглядело хаотично. Но потом я уловил странную закономерность. Некоторые линии образовывали почти идеальную окружность. Слишком ровные для случайности. Вольский ткнул пальцем в одну фотографию. На ней был подземный переход возле речного вокзала.

— Здесь её видели последний раз.

Потом в другую — старая водонапорная башня.

— Здесь за неделю до исчезновения у неё отключился навигатор.

Следующая фотография. Заброшенная трамвайная диспетчерская.

— Здесь нашли её служебный планшет.

Я смотрел на снимки. Что-то в их расположении цепляло глаз. Но я пока не понимал что именно. Вольский заметил это.

— Ну?

— Что “ну”?

— Ты видишь.

Не вопрос. Утверждение. Я медленно подошёл ближе. И вдруг понял. Фотографии были расположены не случайно. Они складывались в форму. Очень знакомую форму. Я нахмурился.

— Это...

— Да.

— Похоже на...

— Часы.

Повисла тишина. На стене действительно был огромный циферблат. Импровизированный, кривой, почти незаметный. Но теперь я уже не мог этого развидеть. Точки исчезновения, поломок техники и странных событий образовывали окружность. А речной вокзал находился ровно в центре.

— Это шутка? — спросил я.

— Хотелось бы.

Инга подошла ближе.

— За последние полгода в этих местах произошло двадцать семь странных инцидентов.

— Каких именно?

— Люди сообщали о провалах памяти. Одинаковых снах. Потере времени.

Я усмехнулся.

— И вы решили соединить это ниточками на стене?

— Нет, — спокойно сказала она. — Сначала мы решили, что это бред.

— А потом?

Она посмотрела на монитор. Тот самый, который недавно включился сам.

— А потом одна из камер сняла отражение, которое не совпадало с человеком.

Вольский внезапно выругался:

— Кхерат вол нурдакх!

Я вздрогнул.

— Это ещё что?

— Старый язык.

— Какой именно?

— Несуществующий.

Он сказал это настолько серьёзно, что я не понял, шутит он или нет. Потом Вольский посмотрел на часы. Не те, которые мы увидели на схеме, а настоящие. Наручные. И нахмурился.

— Уже почти одиннадцать.

— И что?

Он медленно повернулся к Инге.

— Ты ему не сказала?

Она отвела взгляд. Мне это сразу не понравилось.

— Не сказала что?

Никто не ответил. Вольский подошёл к окну. Посмотрел вниз. Потом тихо произнёс:

— После одиннадцати возле речного вокзала лучше не ходить.

Я устало выдохнул.

— Только не говорите, что там призраки.

— Нет.

— Маньяк?

— Тоже мимо.

— Маньяк-призрак?

— Хуже.

— Что может быть хуже маньяка-призрака?

Вольский посмотрел прямо мне в глаза.

— Люди, которые ведут себя так, будто маньяка видят только они.

Тишина. Потом он добавил:

— Трое свидетелей за последние месяцы утверждали, что видели возле вокзала женщину в светлой куртке.

— Алину?

— Возможно.

— Но она же пропала.

— Именно это и смущает.

Инга тихо сказала:

— Проблема в том, что первые сообщения появились ещё до её исчезновения.

Я почувствовал, как внутри снова неприятно похолодело.

— Насколько “до”?

— Примерно за восемь дней.

Никто не говорил. Вентилятор продолжал свой мерзкий скрип.

Скрип...

Пауза.

Скрип...

А потом снизу, с улицы, донёлся резкий крик. Женский. Короткий. Мы одновременно повернулись к окну. Вольский подбежал первым. Я за ним. Во дворе возле здания стоял мужчина. Видимо тот самый оператор. Он смотрел куда-то вверх. Прямо на окна офиса. Лицо у него было белое как бумага. Он пытался назад. Медленно, будто боялся повернуться спиной. А потом закричал:

— ОНА ТАМ!

И ткнул пальцем на соседнее тёмное окно. Я машинально перевёл взгляд. И в тот момент мне показалось, что за стеклом действительно кто-то стоит. Женский силуэт. Неподвижный. Слишком высокий. Слишком тонкий.

Молния осветила двор. Окно оказалось пустым. Оператор побежал. Просто сорвался с места и рванул через дорогу под дождь. Вольский выругался и бросился к двери.

— Артём, за мной!

— Куда?!

— Если этот идиот сейчас сдохнет, мне придётся снова искать помощника!

Мы вылетели в коридор. Вольский нёсся вниз по лестнице с такой скоростью, будто ему снова было двадцать, а не семь-

десять с лишним и пачка сигарет в день вместо нормального питания. Я едва успевал за ним. Лампы снова мигали. Ровно через одинаковые промежутки. Одна, две, три — мерцание

Почему-то именно сейчас это начало раздражать. На втором пролёте Вольский резко остановился. Так резко, что я чуть не врезался ему в спину.

— Тихо.

— Что?

Он поднял руку. Снизу доносился звук. Будто кто-то медленно волочил по полу что-то тяжёлое.

Шшшх...

Пауза.

Шшшх...

Я нахмурился.

— В здании ещё кто-то есть?

— Ночью? Всегда.

— Это не ответ.

— Других у меня нет.

Он осторожно выглянул вниз. Тишина. Звук исчез. Вольский секунду постоял неподвижно, потом буркнул:

— Показалось.

И снова пошёл вниз. Я заметил, что он врёт. Совсем немного, но врёт. На улицу мы выбежали под ливень. Холодный воздух ударил в лицо.

Оператор уже был на другой стороне дороги. Стоял воз-

ле закрытого цветочного киоска и тяжело дышал, постоянно озираясь. Машин почти не было. Только редкие беспилотные такси скользили по мокрому асфальту, отражаясь в лужах неоном. Вольский подошёл к оператору. Парню было лет двадцать семь. Худой, бледный, с дрожащими руками.

— Спокойно, — сказал Вольский. — Что ты увидел?

— Она... она стояла там...

— Где именно?

— В окне...

— В каком?

Парень ткнул пальцем вверх. Я посмотрел. На третьем этаже темнели наши окна. Ничего необычного. Кроме одного. В кабинете свет был выключен. Хотя мы выбежали оттуда секунд десять назад и никто его не гасил. Вольский тоже это заметил. И мне очень не понравилось его лицо в этот момент.

— Ты уверен, что видел девушку? — спросил он.

— Да!

— Лицо видел?

— Нет... силуэт... но это была она...

— Откуда ты знаешь?

Парень замолчал. Потом тихо сказал:

— Я почувствовал.

Я едва сдержал усмешку. Вольский — нет.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Обожаю людей, которые что-то “чувствуют”.

Он закурил прямо под дождём. Сигарета моментально на-

мокла. Он посмотрел на неё с искренним оскорблением.

— Ну конечно.

Парень нервно вытер лицо.

— Я больше туда не вернусь.

— Вернёшься. — сказал Марк.

— Нет.

— Вернёшься, потому что у тебя ипотека и кредит на китайский электросамокат.

Оператор моргнул.

— Откуда вы...

— У тебя лицо человека, который платит банку больше, чем самому себе.

Вольский махнул рукой.

— Иди домой. Завтра созвонимся.

Парень не стал спорить. Почти бегом ушёл вниз по улице и быстро исчез за дождевой пеленой. Мы остались вдвоём. Несколько секунд Вольский молча смотрел на окна офиса. Потом сказал:

— Пойдём обратно.

— А если там действительно кто-то был?

— Тогда это либо человек, либо проблема.

— Очень исчерпывающе.

— Стараюсь.

Мы вернулись в подъезд. На этот раз внутри было темнее. Одна из ламп окончательно сдохла. Теперь лестница выглядела так, словно здесь снимали дешёвый триллер про манья-

ка. На втором этаже я снова услышал тот звук.

Шшшх...

Будто что-то тащили по полу. Я резко остановился.

— Слышали?

Вольский тоже замер. И впервые за всё время ответил не сразу.

— Да.

Звук повторился. Где-то сверху. Третий этаж.

Шшшх...

Пауза.

Шшшх...

У меня внутри неприятно кольнуло. Рационально я понимал, что это может быть что угодно. Трубы, старый лифт, бомж, крысы. Но тело уже решило за меня, что происходит что-то неправильное. Вольский медленно сунул руку под свитер. Я напрягся. Он достал... отвёртку. Длинную, ржавую.

— Вы серьёзно?

— А что, по-твоему, у меня должен быть дробовик?

— Было бы спокойнее.

— Мне тоже.

Он двинулся дальше. Мы поднялись на третий этаж. Дверь офиса была приоткрыта. Хотя я точно помнил, что Вольский захлопнул её, когда мы выбегали. Изнутри доносился тихий треск. Как от старой электроники. Вольский остановился возле двери. Посмотрел на меня.

— Если что - беги.

— Отличный план.

— Других нет.

Он толкнул дверь. Кабинет оказался пуст. Свет действительно был выключен. Только монитор у дальней стены слабо мерцал белым шумом. Треск шёл от него. Вольский медленно вошёл внутрь. Я - следом. В комнате стало холоднее. Или мне показалось. Инга всё ещё была здесь. Она сидела возле стола и спокойно листала какие-то документы, будто ничего не произошло. Я уставился на неё.

— Вы не слышали шум?

— Какой именно?

— Тут кто-то ходил.

— В этом здании постоянно кто-то ходит.

— Очень успокаивает.

Она подняла глаза.

— Если хотите успокоиться, то вам не сюда.

Вольский подошёл к монитору. На экране по-прежнему была рябь. Но теперь среди помех иногда проскальзывали кадры. Улица, подземный переход, чья-то рука, мокрый асфальт. словно система случайно ловила куски разных видео.

— Это откуда? — спросил я.

Инга нахмурилась.

— Этого не было.

Вольский наклонился ближе к экрану. И вдруг изображение остановилось. На мониторе появился коридор. Очень

знакомый коридор. Старые стены, мигающая лампа, лестница. Я почувствовал, как желудок неприятно сжался. Это было наше здание. Камера смотрела сверху вниз на лестничную площадку второго этажа. Это была не запись, видео шло в реальном времени.

По лестнице медленно поднимался человек. Высокий, в тёмной одежде, лица не видно.

— У вас есть камера в подъезде? — тихо спросил я.

— Нет, — ответил Вольский.

Фигура продолжала подниматься. Медленно. Неестественно медленно. Будто человек специально подстраивался под ритм мерцающих ламп. Одна, две, три, — шаг, мерцание. Одна, две, три — шаг. Я не заметил, как перестал дышать нормально. Инга встала из-за стула.

— Это шутка?

— Не думаю, — сказал Вольский.

Фигура поднялась на третий этаж. И остановилась прямо перед нашей дверью. На мониторе. В реальности за дверью было тихо. Слишком тихо. Потом человек на экране медленно поднял голову. Лица всё ещё не было видно. Только тень. И в этот момент в настоящую дверь кабинета постучали. Три раза. Ровно. Без пауз.

У меня внутри всё похолодело. Потому что стук идеально совпал с движением фигуры на мониторе. Никто не шевелился. Даже вентилятор словно стал скрипеть тише. Стук повторился. Три ровных удара. Вольский очень медленно по-

вернул голову к двери. Потом вдруг тихо сказал:

— Лейберихт считает, что открывать не стоит.

Я сглотнул.

— А вы?

Он смотрел на дверь несколько секунд. Потом неожиданно усмехнулся. Усталой, почти злой усмешкой.

— А я считаю, что если неизвестная хрень приходит к тебе в офис ночью, то рано или поздно придётся познакомиться.

Он взялся за ручку двери. Я сам не заметил, как задержал дыхание. Вольский медленно нажал на ручку. Щелчок замка прозвучал слишком громко. Дверь открылась. За ней никого не было. Пустой коридор, мигающая лампа, облупленная зелёная краска на стенах. Тишина. Только где-то далеко в трубах шумела вода. Я выдохнул.

— Отлично. Значит, кто-то решил пошутить.

— Нет, — тихо сказал Вольский.

Он смотрел вниз. Я проследил за его взглядом. На полу, прямо перед дверью, лежала мокрая женская перчатка. Светлая. Почти белая. Инга резко подошла ближе.

— Это её?

Вольский не ответил. Он осторожно поднял перчатку двумя пальцами. Вода с неё капала на пол. Будто её только что достали из реки. На внутренней стороне была вышивка: А.С. Мы с Ингой переглянулись.

— Слишком театрально, — сказал я.

— Согласен, — ответил Вольский. — Поэтому мне и не нравится.

Он принялся к перчатке. И вдруг нахмурился сильнее.

— Чувствуешь?

— Что именно?

— Запах.

Я взял перчатку. Сначала ничего не понял. Потом уловил. Металл, озон и ещё что-то странное. Как пахнет воздух возле старой электрощитовой после короткого замыкания.

— Электрика?

— Возможно.

Вольский вернулся в кабинет. Подошёл к стене с фотографиями. И внезапно начал срывать некоторые снимки. Быстро. Нервно. Красные нитки падали на пол.

— Что вы делаете?

— Исправляю ошибку.

— Какую именно?

Он не ответил. Снял ещё несколько фотографий. Потом резко ткнул пальцем в пустое место на карте.

— Вот.

Я подошёл ближе. Теперь схема выглядела иначе. Раньше круг из отметок был почти идеальным. Теперь я увидел, что одна точка действительно выбивалась. Дом номер одиннадцать. Наше здание. Я нахмурился.

— Вы хотите сказать...

— Что это не просто совпадение.

Инга тихо выругалась.

— Нет.

— Да.

— Нет, Марк.

— Инга, если она оставила перчатку здесь, значит...

— Не договаривай.

Повисла тишина. Я начал раздражаться.

— Может, кто-нибудь объяснит, что происходит?

Вольский посмотрел на меня. И впервые за всё время в его взгляде появилось что-то похожее на сомнение. Будто он решал, стоит ли вообще втягивать меня в это дело. Потом он тяжело сел за стол.

— Артём... ты когда-нибудь замечал, что некоторые места в городе ведут себя странно?

— “Ведут себя” — не очень научный термин.

— А у нас тут давно закончилась наука.

Он закурил новую сигарету.

— Бывают участки, где техника начинает сбоить. Люди теряют время. Путают даты. Видят одно и то же.

— Массовая психология.

— Возможно.

— Электромагнитные помехи.

— Возможно.

— Городские легенды.

— Тоже возможно.

Он кивнул на монитор. На экране снова шёл белый шум.

— Но потом появляются вещи, которые не хотят укладываться в “возможно”.

Инга подошла к окну. Дождь постепенно стихал. Город за стеклом светился размытым неоном. Красным, синим, фиолетовым. Как дешёвое будущее, которое забыли отменить.

— Пять года назад, — сказала она, не оборачиваясь, — в Самаре пропала группа студентов.

Я насторожился.

— И?

— Их нашли через двое суток.

— Живыми?

— Да.

— Тогда в чём проблема?

Инга медленно повернулась.

— Для них прошло около пятнадцати минут.

Я молчал.

— Обморожение, обезвоживание, нервное истощение. У одного седина появилась за ночь.

— Стресс.

— Возможно.

— Галлюцинации.

— Возможно.

Она посмотрела прямо мне в глаза.

— Но проблема в том, что за эти двое суток камеры несколько раз снимали их в разных частях города.

У меня внутри снова появилось то неприятное ощущение,

будто реальность слегка перекосило. Я усмехнулся. Специально. Чтобы самому стало легче.

— А потом, наверное, появились говорящие тараканы.

— Они появились раньше, — спокойно ответил Вольский.

Я невольно рассмеялся. И Инга вдруг тоже. Коротко. Устало. Нервно. Смех быстро закончился. Потому что в следующую секунду в коридоре снова раздался звук.

Шшшх...

Будто что-то тяжёлое тащили по полу. Но теперь гораздо ближе. Прямо возле двери. Вольский медленно поднялся. На этот раз даже он выглядел напряжённым.

— Это уже начинает надоедать, — тихо сказал он.

Шшшх...

Пауза.

Шшшх...

Я посмотрел на дверь. Потом на монитор. Белый шум. Никакой лестницы. Никакого человека. Только помехи. И вдруг среди ряби на долю секунды мелькнуло лицо. Женское. Искажённое. С пустыми глазами. Экран снова зашипел. Инга резко выдернула флешку из компьютера. Монитор погас. Звук в коридоре прекратился мгновенно. Тишина ударила по ушам. Никто не двигался. Потом Вольский очень медленно произнёс:

— Ну вот. Теперь официально хреново.

Я посмотрел на флешку у Инги в руке. Маленькая чёр-

ная пластмасса. Обычный кусок электроники. Но почему-то именно сейчас мне очень не хотелось к ней прикасаться.

— Что на ней? — спросил я.

Инга ответила не сразу.

— Не знаю.

— Вы же сами принесли запись.

— Да. — она сглотнула. — Но этой женщины там раньше не было.

Вольский закрыл глаза. Потёр переносицу.

— Лейберихт говорит, что нам пора уходить.

— А остальные тараканы что думают?

— Хайнц предлагает сжечь офис.

— Звучит разумно.

— Вот и я о том же.

Он подошёл к шкафу и достал старую кожаную сумку. Бросил туда несколько папок. Но я уже почти не смотрел на него. Потому что заметил кое-что другое. На стене, там, где висела схема города. Одна из красных нитей едва заметно двигалась. Будто её тянул сквозняк. Но окна были закрыты. Я шагнул ближе. Нить дёрнулась снова. И только тогда я понял. Она была натянута не к кнопке, не к фотографии, а уходила в стену. Словно кто-то протянул её дальше. Внутрь бетона. Я почувствовал, как по коже пробежал холод.

— Вольский...

— Что?

Я молча указал на нить. Он посмотрел. И впервые за всё

время по-настоящему выругался. Длинно. На своём странном языке. Инга побледнела.

— Нет...

Вольский подошёл к стене. Осторожно коснулся нити. Та едва заметно дрожала. Как леска. Словно на другом конце кто-то медленно тянул её на себя. Потом из стены донёсся звук. Очень тихий. Почти неслышный.

Тук...

Тук...

Тук...

Будто по бетону кто-то стучал пальцами изнутри. Никто не двигался. Я смотрел на стену и пытался придумать хоть одно нормальное объяснение происходящему. Старые трубы, вибрация, соседи, эхо. Да что угодно. Но проблема была в том, что звук шёл ровно из того места, куда уходила красная нить.

Тук...

Тук...

Тук...

Спокойно. Равномерно. Будто кто-то терпеливо ждал, пока ему откроют. Вольский очень медленно убрал руку от стены.

— Артём.

— Что?

— Скажи, что ты тоже это слышишь.

— К сожалению.

— Уже хорошо.

— Почему?

— Потому что если бы слышал только я, мне пришлось бы снова пить таблетки.

Инга резко схватила со стола фонарик.

— Нужно уходить.

— Согласен, — сказал я. — Желательно ещё вчера.

Но Вольский не двигался. Он смотрел на стену так внимательно, будто пытался вспомнить что-то важное. Потом вдруг спросил:

— Сколько лет зданию?

— Откуда я знаю? — ответил я.

— Семьдесят два, — тихо сказала Инга.

— Точно?

— Я поднимала архивы.

— Конечно поднимала...

Тук...

Тук...

Тук...

Теперь звук стал чуть громче. Я заметил, что лампы в кабинете начали едва заметно мерцать в том же ритме. Это мне совсем не понравилось. Вольский внезапно подошёл к шкафу и вытащил монтировку. Настоящую. Тяжёлую. С облупившейся синей краской. Я уставился на него.

— Вы серьёзно собираетесь ломать стену?

— Нет.

Он перехватил монтировку удобнее.

— Я собираюсь проверить одну очень плохую мысль.

— А если за стеной действительно кто-то есть?

— Тогда это уже не самая плохая мысль.

И, прежде чем мы успели что-то сказать, он ударил. Глухой треск разнёсся по кабинету. Штукатурка посыпалась на пол.

Тук...

Тук...

Тук...

Звук прекратился. Повисла тишина. Только дождь шумел за окном.

— Отлично, — сказал я. — Теперь мы официально сошли с ума.

Вольский ударил снова. На этот раз кусок штукатурки отвалился полностью. Из стены посыпалась старая пыль. И я увидел металл. Не трубу и не арматуру. Металлическую дверцу. Небольшую. Врезанную прямо внутрь стены. Инга побледнела.

— Этого не было на планах здания.

— Потому что хорошие сюрпризы в планах не отмечают, — пробормотал Вольский.

Он начал счищать остатки штукатурки руками. Под слоем бетона действительно скрывалась старая металлическая дверь размером примерно полтора на полтора метра. Без ручки, без замка. Только круглая выцветшая эмблема посе-

редине. Я прищурился.

— Что это за знак?

Вольский молчал. Инга тоже. И именно это мне не понравилось больше всего. На эмблеме был изображён круг, пересечённый несколькими линиями. Похожий на схему часов. Только стрелки указывали сразу в разные стороны. Где-то я уже видел этот символ. Совсем недавно. И через секунду понял где. На стене. Вольский использовал такую же форму для своей схемы города. Я медленно повернулся к нему.

— Вы знали?

— Нет.

— Врёте.

Он устало потёр лицо.

— Не совсем.

— Это как?

Вольский сел на край стола. Несколько секунд молчал. Потом тихо сказал:

— Три месяца назад я расследовал исчезновение инженера с завода “Вектор”.

— И?

— Его нашли в психиатрической клинике под Тольятти.

— Что с ним было?

— Он повторял одну и ту же фразу.

— Какую?

Вольский посмотрел на металлическую дверцу. И впервые за всё время голос у него стал совсем серьёзным.

— “Не открывайте комнаты между минутами”.

У меня внутри что-то неприятно сжалось. Я попытался усмехнуться. Не получилось.

— Это звучит как бред сумасшедшего.

— Да.

— Но?

— Но перед тем как окончательно сломаться, он нарисовал этот символ.

Вольский указал на дверцу. Инга тихо произнесла:

— Марк... не надо.

— Надо.

— Ты сам говорил, что после Самары...

— Именно поэтому надо.

Он подошёл ближе к двери. Осторожно провёл ладонью по металлу. Пыль осыпалась вниз. И вдруг изнутри снова донёсся звук. Но уже другой. Не стук. А тихий скрежет. Словно кто-то медленно провёл ногтем по металлу с обратной стороны. Инга отшатнулась. Я почувствовал, как сердце начало биться быстрее. Рациональная часть мозга всё ещё пыталась сопротивляться. Там мог быть старый механизм. Вентиляция, трубы. Любая чёртова ерунда. Но почему-то тело уже знало, что всё гораздо хуже. Вольский наклонился ближе. И тихо сказал:

— Кто там?

Несколько секунд ничего не происходило. Потом из-за дверцы донёсся очень слабый звук. Будто далёкий шёпот. Я

не разобрал слов. Инга резко закрыла уши руками.

— Нет...

— Что? — спросил я.

Она смотрела на дверцу расширенными глазами.

— Вы не слышите?!

— Что именно?!

Но вместо неё ответил Вольский. Очень тихо. Очень медленно.

— Там кто-то говорит моим голосом.

У меня по спине прошёл холод. Скрежет повторился. А затем металлическая дверца едва заметно дрогнула. Будто кто-то с другой стороны попробовал открыть её изнутри. И в этот момент во всём здании одновременно погас свет.

Глава 2

Свет погас так резко, будто кто-то выдернул город из розетки. Не только кабинет. Во всём здании. За окном тоже исчез неон. Потухли вывески, экраны, фонари. Даже реклама «NEUROLIFE™», мигавшая через дорогу весь вечер, растворилась во тьме. Остался только дождь и наше дыхание. Инга тихо выругалась. Где-то внизу хлопнула дверь. Потом ещё одна. Дом начал жить звуками, которых раньше не было слышно. Старые трубы, шорох воды, скрип бетона. И где-то

очень далеко - мерный металлический гул. Будто в глубине здания заработал огромный механизм.

Вольский не двигался. Он стоял возле встроенной в стену дверцы и слушал темноту.

— Марк, — тихо сказала Инга. — Нам нужно уходить.

— Тихо.

— Ты слышал, что оно сказало?

— Тихо.

Я достал телефон. Экран не включился. Вообще. Ни зарядки. Ни логотипа. Ничего.

— Замечательно.

Я нажал кнопку ещё раз. Безрезультатно. Инга тоже проверила свой телефон. Тот был мёртв. Вольский даже не стал доставать свой.

— Не трать время.

— Что происходит?

— Пока не знаю.

— Очень обнадёживает.

В темноте щёлкнул фонарик. Инга направила луч на стену. Металлическая дверца выглядела теперь иначе. Раньше мне казалось, что металл просто старый. Теперь я увидел мелкие царапины. Много. Слишком много. Будто кто-то годами пытался открыть её иголкой. У меня внутри неприятно кольнуло.

— Скажите честно... вы уже видели что-то подобное?

Вольский ответил не сразу.

— Нет. — пауза. — Но слышал.

— От кого?

Он повернулся ко мне. Лицо освещалось только холодным светом фонаря. Из-за этого Вольский выглядел старше. Сильно старше.

— От людей, которые потом либо исчезали, либо начинали бояться часов.

— Часов?

— Любых. Наручных, настенных, электронных. Некоторые даже заклеивали экраны на микроволновках.

— И почему?

— Потому что им начинало казаться, что время иногда пропускает куски.

Повисла тишина. Я хотел ответить что-нибудь саркастичное. Но не смог. Потому что снова услышал звук. Тихий. Почти неслышный. Из-за металлической дверцы. Шёпот. Инга тоже его услышала. Она резко отвела фонарь в сторону.

— Не направляй свет туда! — почти шёпотом сказала она.

— Почему?

— Просто не надо.

— Это не аргумент.

— Здесь давно не работают аргументы.

Вольский вдруг поднял руку.

— Замолчите.

Мы застыли. Из-за входной двери донеслись шаги. Медленные, шаркающие. Кто-то поднимался по лестнице. Одна

ступень. Пауза. Ещё одна. Пауза. И снова. В темноте эти звуки казались ненормально громкими. Я почувствовал, как напрыглись плечи.

— Оператор вернулся? — тихо спросил я.

— Нет, — сказал Вольский.

— Почему вы так уверены?

— Потому что оператор сейчас где-то бежит. А это... идёт.

Шаги становились ближе. Третий этаж. Коридор. Теперь их слышали уже все.

Шарк...

Пауза.

Шарк...

Инга выключила фонарь. Кабинет мгновенно утонул в темноте. Я хотел возмутиться. Но в следующую секунду понял зачем. Под дверью появилась тень. Кто-то стоял снаружи. Неподвижно. Я слышал собственное дыхание. Слишком громкое. Слишком быстрое. Тень не двигалась секунд десять. Потом раздался звук. Очень тихий. Будто человек за дверью втянул носом воздух. Принюхивался. У меня по коже пошли мурашки. Вольский медленно поднял монтировку. Инга одной рукой держала фонарь, другой - что-то маленькое и металлическое. Я прищурился. Пистолет. Маленький. Компактный.

— У вас оружие? — шепнул я.

— Было бы странно, если бы нет.

Тень за дверью едва заметно качнулась. А потом раздался голос. Женский. Очень спокойный.

— Марк... открой.

Вольский замер. Я посмотрел на него. Даже в темноте было видно, как изменилось его лицо.

— Нет... — тихо сказал он.

Голос повторил:

— Марк, это я.

Инга медленно побледнела.

— Ты её знаешь? — шепнул я.

Никто не ответил. Голос за дверью снова заговорил:

— Марк, тут холодно.

Теперь в нём появилось что-то странное. Неестественное. Будто человек говорил через плохой динамик. Слишком ровно. Без дыхания, без живых интонаций. Я вдруг понял, что всё это время не слышал, как человек за дверью двигается. Вообще. Ни шороха одежды, ни шагов, ничего. Только голос. Вольский очень тихо выругался на своём языке. Потом наклонился ко мне и почти беззвучно сказал:

— Что бы ни случилось — дверь не открывай.

— А вы?

— Я сейчас воплощу крайне плохую идею.

И прежде чем я успел что-то спросить, он шагнул вперёд.

— Кто ты? — громко спросил он.

Несколько секунд тишины. Потом голос ответил:

— Ты знаешь.

У меня внутри что-то сжалось. Потому что теперь я понял, кому принадлежит этот голос. Алина. Та самая девушка с записи. Вольский тоже понял.

— Нет, — сказал он уже жёстче. — Настоящая Алина так не говорит.

Тишина. Потом за дверью раздался тихий смешок. Очень короткий. Очень неправильный. И в этот момент лампы в кабинете внезапно вспыхнули. На долю секунды. Этого хватило. Я успел увидеть силуэт за матовым стеклом двери. Женщина. Светлая куртка. Слишком длинные руки. А потом свет снова погас. Инга резко включила фонарь и направила луч на дверь. За стеклом уже никого не было. Тишина. Абсолютная. Только дождь.

Я медленно выдохнул.

— Ладно... теперь даже у меня вопросы закончились.

Вольский не ответил. Он смотрел вниз. На пол. Я проследил за его взглядом. Из-под двери медленно затекала вода. Тёмная. Почти чёрная. Словно за дверью кто-то стоял под проливным дождём. Но дождя в коридоре быть не могло. Инга первой подошла ближе. Присела. Коснулась жидкости пальцем. Потом резко отдернула руку.

— Это не вода.

— А что тогда?

Она посмотрела на нас и тихо сказала:

— Масло.

Повисла тишина. Где-то внизу снова загудел тот далёкий

металлический звук. Только теперь он был ближе. Гораздо ближе. Будто что-то огромное медленно просыпалось внутри здания. Инга вытерла пальцы о платок так быстро, словно боялась, что чёрная жидкость впитается в кожу. Запах дошёл и до меня. Густой. Тяжёлый. Машинное масло вперемешку с сыростью и чем-то палёным. Так пахнут старые заводские цеха после аварии. Или подземные станции, куда давно перестали пускать людей.

— Почему здесь масло?.. — тихо спросил я.

— Потому что это не человек, — ответил Вольский.

— Очень расплывчато.

— Других формулировок пока нет.

Чёрная жидкость продолжала медленно растекаться по полу. Но теперь я заметил кое-что ещё. Она двигалась не хаотично. Масло словно тянулось в определённую сторону — стене. Туда, где была спрятана металлическая дверца. Я почувствовал, как неприятно похолодели ладони. Инга тоже это заметила.

— Марк...

— Вижу.

Масло поползло до стены и начало исчезать в тонкой щели под металлической пластиной. Будто её кто-то пил с другой стороны. Вольский резко шагнул вперёд и ударил монтировкой по дверце. Грохот разнёсся по кабинету. Шёпот за стеной мгновенно исчез. И одновременно прекратился гул внизу. Тишина. Такая резкая, что у меня заложило уши. Воль-

ский тяжело дышал.

Потом тихо сказал:

— Всё. Хватит.

— Что именно?

— Игры закончились.

Он повернулся к Инге.

— Где ключ?

Я нахмурился.

— Ключ?

Инга смотрела на него несколько секунд. Потом медленно покачала головой.

— Нет.

— Инга.

— Нет.

— У нас нет времени.

— Ты обещал, что мы никогда больше...

— Я знаю, что обещал!

Его голос впервые сорвался на крик. И в этот момент я окончательно понял: эти двое знают намного больше, чем говорят. Гораздо больше. Инга закрыла глаза. Потом полезла во внутренний карман пиджака. И достала маленький металлический предмет. Необычной формы. Что-то среднее между ключом и старой микросхемой. Поверхность была покрыта странными символами. Не буквами. Скорее геометрией. Слишком правильной. Слишком точной. Я почувствовал, как внутри снова просыпается то мерзкое ощущение,

будто мир слегка сместился в сторону.

— Что это? — спросил я.

— Ошибка, — тихо ответил Вольский.

Он взял ключ. И на секунду мне показалось, что рука у него дрогнула. Совсем немного.

— Марк, — сказала Инга. — Если откроем её сейчас...

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

Повисла тишина. Потом Вольский посмотрел на меня.

— Артём.

— Что?

— Сейчас у тебя будет очень важный выбор.

— Ненавижу такие фразы.

— Либо ты уходишь прямо сейчас и забываешь всё, что видел.

— А второй вариант?

— Остаёшься.

— И?

Он усмехнулся. Очень устало.

— И начинаешь жить в значительно более странном мире, чем думал раньше.

Я посмотрел на дверь. На масло. На металлическую дверь в стене. Потом на Вольского.

— Зарплата хоть нормальная?

Инга неожиданно фыркнула. Даже Вольский усмехнулся.

— Нет.

— Тогда я остаюсь чисто из любопытства.

— Это худшая причина из возможных.

— Зато честная.

Вольский кивнул. А потом вставил ключ в едва заметный разъём сбоку металлической дверцы. Раздался тихий щелчок. И сразу после него во всём здании снова включился свет. Резко. Ярko. Лампы вспыхнули так внезапно, что глаза заболели. Вентилятор под потолком снова заскрипел. Монитор включился. Город за окном ожил неонами. Будто ничего и не происходило. Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что дверь кабинета теперь была открытой. Хотя никто её не трогал. Коридор снаружи был пуст. Никаких следов масла. Никаких отпечатков ног. Ничего. Словно всё происходило только у нас в голове. Я медленно выдохнул.

— Отлично. Теперь я начинаю понимать, почему предыдущий помощник умер.

— Это ещё не самое неприятное, — сказал Вольский.

И повернул ключ. Внутри стены что-то тихо щёлкнуло. Потом заскрежетало.

Старый механизм начал медленно двигаться. Пыль посыпалась вниз. Металлическая дверца дрогнула и начала открываться. Из щели повеяло холодом. Не обычным. Таким холодом, который бывает глубоко под землёй. И ещё запахом старой бумаги, архивов, плесени, времени.

Инга сделала шаг назад. Вольский наоборот вперёд. А я внезапно поймал себя на странной мысли: мне казалось, что

я уже видел эту дверцу раньше. Не здесь. Не в Сызрани. Вообще непонятно где. Как забытый сон, который внезапно решил вернуться.

Дверца открылась полностью. За ней оказался узкий тёмный проход. Старые бетонные ступени уходили вниз. Очень глубоко. Слишком глубоко для обычного административного здания. Ламп внутри не было. Только темнота. Живая, плотная. Вольский долго смотрел вниз. Потом тихо произнёс:

— Ну здравствуй.

Я нахмурился.

— Вы здесь уже были?

Он ответил не сразу.

— Нет. — пауза. — Но, кажется, однажды уже спускался.

Фраза повисла в воздухе. Я посмотрел на Вольского.

— Это как вообще понимать?

Он не ответил. Продолжал смотреть в темноту прохода так, будто пытался вспомнить что-то, чего помнить не должен.

Инга первой нарушила молчание:

— Марк... не начинай опять.

— Я ничего не начинаю.

— У тебя сейчас то самое лицо.

— Какое ещё “то самое”?

— Будто ты уже видел следующий час.

Вольский усмехнулся краем рта. Но как-то невесело. Я

перевёл взгляд на лестницу. Снизу тянуло холодом. Сырым, металлическим.

И ещё там был звук. Очень слабый. Почти незаметный. Будто далеко внизу работал старый трансформатор. Низкий гул. Ровный. Монотонный.

— Под зданием есть подвал? — спросил я.

— По документам — нет, — ответила Инга.

— А по факту?

— По факту Сызрань построена на таком количестве советских коммуникаций, что под городом можно снять ещё один город.

Вольский достал фонарь из шкафа. Старый, тяжёлый, с потёртым корпусом. Включил. Жёлтый луч света скользнул вниз по ступеням. Лестница уходила глубоко под землю и терялась во тьме. Я машинально начал считать ступени. После тридцатой сбился.

— Только не говорите, что мы туда полезем прямо сейчас.

— Именно это я и собираюсь сказать, — спокойно ответил Вольский.

— Отлично. Тогда я официально подтверждаю, что устраивался на работу не туда.

Инга посмотрела на меня.

— Поздно.

— Почему?

Она кивнула на дверцу.

— Потому что теперь оно знает, что ты его видел.

Я несколько секунд молчал. Потом усмехнулся.

— У вас тут все разговаривают загадками или это корпоративный стиль?

— Обычно хуже, — сказал Вольский.

Он подошёл к стене и сорвал с неё одну из фотографий. Ту самую, с речным вокзалом. Перевернул. На обратной стороне оказался написан адрес: ул. Пристанская, 8

— Что это? — спросил я.

— Место, где пропала Алина.

— Мы уже знаем.

— Нет. Это место, где её видели в последний раз официально.

Он сунул фотографию в карман. Потом посмотрел вниз, в проход.

— А неофициально её видели здесь.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно шевельнулось.

— Подождите... хотите сказать, она заходила в этот тоннель?

— Не знаю.

— Но предполагаете?

— Я давно перестал любить слово “предполагаю”.

Инга резко повернулась к нему.

— Марк, если это связано с “Вектором”, мы не должны лезть туда втроём.

— А впятером?

— Не смешно.

— Я не шучу.

Он вдруг посмотрел куда-то в угол комнаты.

И совершенно серьёзно произнёс:

— Нет, Хайнц, гранату тоже нельзя.

Я закрыл лицо ладонью.

— Господи...

— Не поминай его здесь, — спокойно сказала Инга.

И я уже не понял, прикалывается она или нет. Вольский сделал первый шаг вниз по лестнице. Ступень скрипнула. Звук ушёл далеко вниз и будто повторился эхом через несколько секунд. Но эхо было странным. Чуть запоздалым. Словно звук вернулся не сразу. Я нахмурился. Инга тоже это заметила.

— Ты слышал?

— Да. — ответил Марк

— Что именно? — спросил я.

Вольский медленно поднял голову.

— Эхо было неправильным.

— Вы сейчас серьёзно анализируете эхо?

— Артём, когда нормальное эхо начинает вести себя ненормально - это повод напрячься.

Он снова посветил вниз. Луч фонаря дрогнул. И на секунду мне показалось, что далеко внизу кто-то стоит. Человек. Неподвижный. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо. Я моргнул. Фигура исчезла.

— Вы тоже это видели? — тихо спросил я.

— Нет, — сразу ответила Инга.

— Да, — одновременно с ней сказал Вольский.

Мы переглянулись.

— Прекрасно, — пробормотал я. — Просто прекрасно.

Вольский начал спускаться. Медленно. Очень осторожно.

Инга пошла следом. У меня было ровно две причины остаться наверху: здравый смысл и инстинкт самосохранения. К сожалению, обе в моей жизни давно работали с перебоями. Я выругался и пошёл за ними. Дверца за спиной медленно закрылась сама. Металлический щелчок прозвучал неожиданно громко. Я резко обернулся.

— Эй.

Вольский даже не остановился.

— Не дёргайся. Ты уже спускался.

— Она сама закрылась.

— Здесь многое делает что-то само.

— Вы можете хоть иногда говорить нормально?!

Он обернулся через плечо. Луч фонаря осветил его лицо снизу. Из-за этого Вольский выглядел почти как покойник.

— Нет.

Мы спускались примерно минуту. Может, две. А может, десять. Очень быстро я понял странную вещь: лестница казалась длиннее, чем должна была быть. Намного длиннее. Снаружи здание было всего три этажа. Но вниз мы ушли уже явно глубже любого подвала. Стены вокруг стали влажны-

ми. На бетоне появились старые технические надписи. Полустёртые. Советские. Некоторые буквы было уже невозможно разобрать. Я провёл рукой по стене. Пыль, сырость и ещё что-то. Мелкая металлическая крошка. Будто здесь когда-то работало огромное оборудование.

Гул снизу стал громче. Теперь он напоминал не трансформатор. Скорее... ритмичную работу чего-то механического.

БУМ...

Пауза.

БУМ...

Пауза...

Я внезапно понял, что звук похож на сердцебиение. И очень пожалел, что понял это. Инга остановилась первой.

— Марк...

Фонарь осветил площадку внизу лестницы. Там была дверь. Огромная. Металлическая. Старая гермодверь, как в бункерах. Поверхность покрывали те же символы, что и на ключе. А прямо посередине чёрной краской было написано: ОБЪЕКТ М-13. ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

Я почувствовал, как внутри всё окончательно перестало быть нормальным.

— Что за хрень?.. — тихо сказал я.

И в этот момент за дверью кто-то очень медленно постукал. Стук был глухим. Тяжёлым. Будто с той стороны ударили не костяшками пальцев, а чем-то металлическим. Один раз. Потом второй. И третий. Мы замерли. Гул под землёй

продолжал размеренно биться сквозь бетон:

БУМ...

Пауза.

БУМ...

Я поймал себя на том, что машинально подстраиваю дыхание под этот ритм. Это было плохим знаком. Очень плохим. Инга первой пришла в себя.

— Нет.

Вольский не ответил.

— Марк, даже не думай.

— Уже думаю.

— Ты обещал после Самары...

— Инга, если за этой дверью действительно то, о чём я думаю, то у нас проблемы уже есть. Открыли мы её или нет.

Он подошёл ближе к гермодвери. Луч фонаря скользнул по ржавому металлу. Я заметил старые царапины возле замков. Глубокие. Неровные. Будто кто-то пытался открыть дверь чем-то острым. Или выбраться наружу. У меня пересохло во рту.

— “Объект М-13” — это что вообще такое?

— Не знаю, — ответил Вольский.

— Врёте.

— Частично.

— Уже прогресс.

Он присел возле двери и провёл пальцами по символам.

— В девяносто восьмом завод “Вектор” занимался закры-

тыми разработками.

— Какими именно?

— Никто толком не знает.

— Очень удобно.

— В те годы половина страны работала по принципу “если документы исчезли, значит, так надо”.

Инга тихо добавила:

— Формально “Вектор” разрабатывал нейроинтерфейсы.

Я нахмурился.

— Для чего?

— Для военных.

Конечно. Куда же без этого. Вольский неожиданно поступал по двери в ответ. Три раза. Ровно. Изнутри сразу пришёл ответ. Тоже три удара. Я почувствовал, как по спине пошёл холод. Потому что паузы между стуками были абсолютно одинаковыми. Слишком одинаковыми. Не по-человечески точными. Вольский прищурился.

— Интересно...

— Что именно?!

— Оно повторяет ритм.

— Кто “оно”?!

Он проигнорировал вопрос. Снова постучал. Два коротких. Один длинный. Изнутри ответили так же. Инга побледила.

— Марк, прекрати.

— Подожди.

— Нет!

Вольский замолчал.

Потом тихо произнёс:

— Это не человек.

Я нервно усмехнулся.

— Слава богу, а то я начал переживать.

Никто не оценил шутку. Вольский поднялся и подошёл к стене рядом с дверью. Там висел старый технический щиток. Почти полностью ржавый. Он с усилием открыл крышку. Внутри находились какие-то древние переключатели и маленький экран. Мёртвый.

— Только не говорите, что вы знаете, как этим пользоваться.

— Не знаю.

— Тогда зачем открыли?

— Любопытно.

— У вас любопытство когда-нибудь заканчивается?

— Обычно вместе с проблемами.

Он нажал один из тумблеров. Ничего. Второй. Третий. Где-то внутри стены щёлкнуло реле. Экран внезапно ожил. По нему пробежали полосы помех.

А затем появились буквы:

СИНХРОНИЗАЦИЯ...

Я почувствовал, как внутри неприятно кольнуло.

— Мне уже не нравится слово “синхронизация”.

— Поздно, — тихо сказала Инга.

На экране побежали цифры.

00:00:03

00:00:04

00:00:05

Обычный таймер. Но что-то было не так. Я понял это через пару секунд. Секунды шли неравномерно. Иногда быстрее. Иногда медленнее. А один раз цифры вообще дёрнулись назад.

00:00:09

00:00:08

00:00:10

У меня внутри всё сжалось.

— Вы это видели?

— Да, — ответил Вольский.

Он смотрел на экран слишком спокойно. Будто ожидал чего-то подобного. Инга отвернулась. Кажется, её начинало трясти.

— Марк, выключи это.

— Сейчас.

Таймер продолжал прыгать. И вдруг экран мигнул.

Вместо цифр появилась надпись:

ОБНАРУЖЕН НАБЛЮДАТЕЛЬ

Я нахмурился.

— Наблюдатель — это кто?

Никто не успел ответить. Потому что в следующую секунду гермодверь издала тяжёлый металлический звук. И нача-

ла открываться сама. Очень медленно. С ржавым скрежетом. Из щели ударил ледяной воздух. Фонарь Вольского замигал. Гул под землёй стал громче.

БУМ...

БУМ...

БУМ...

Теперь он шёл прямо из-за двери. Я почувствовал странную вещь: мне хотелось уйти. Не просто испугаться. Именно уйти. Как будто организм внезапно понял что-то раньше мозга. Инга тоже это почувствовала.

— Нет, — тихо сказала она. — Нет-нет-нет...

Щель стала шире. Внутри было темно. Но я успел заметить движение. Кто-то стоял за дверью. Высокая фигура, неподвижная. И тут фонарь Вольского окончательно вспыхнул. На секунду помещение за дверью осветилось полностью. Этого хватило. Я увидел комнату. Круглую. Огромную. На стенах были провода и старые мониторы. Посередине стояло что-то вроде металлического кресла с ремнями. А рядом... Человек. Нет, не человек. Слишком худой. Слишком длинные руки. И лицо... Я почувствовал, как желудок резко сжался. Потому что у существа было моё лицо. Я не сразу понял, что смотрю именно на себя. Мозг сопротивлялся. Пытался собрать лицо по кускам и доказать, что это просто совпадение. Плохой свет. Тени. Игра воображения. Но чем дольше длилась эта секунда вспышки, тем хуже становилось.

Потому что у существа действительно было моё лицо. Только словно неправильно собранное. Слишком бледное. Слишком вытянутое. И глаза... Они смотрели не на нас. А будто сквозь нас. Фонарь погас. Комната снова утонула во тьме. Гермодверь продолжала медленно открываться. С металлическим скрежетом. Я почувствовал, как сердце начинает колотиться где-то в горле.

— Что за херня?.. — выдохнул я.

Вольский очень тихо произнёс:

— Тхар кел мерракх...

— Это ещё что значит?!

— Это значит, Артём, что сегодня у нас очень паршивый вечер.

Инга сделала шаг назад.

— Марк... оно смотрело на него.

— Вижу.

— Почему оно выглядит как он?!

— Потому что мир любит издеваться.

Гермодверь окончательно открылась. Гул стал громче.

БУМ...

БУМ...

БУМ...

Теперь он шёл будто прямо через пол. Я внезапно понял, что звук идёт не из комнаты. Он идёт из глубины дальше. Ниже. Гораздо ниже. Вольский медленно поднял монтировку.

— Хайнц, ты слева. Лейберихт, справа.

Я повернулся к нему.

— Вы сейчас серьёзно отдаёте приказы тараканам?!

— А ты предлагаешь мне рассчитывать на людей?

И, не дожидаясь ответа, шагнул внутрь помещения. Инга выругалась.

— Уваркх елэн душкаркх, Марк!

— Сама такая, — огрызнулся Вольский и посветил фонарём вперёд.

Я нервно сглотнул и пошёл следом. Комната оказалась намного больше, чем выглядела через щель двери. Круглая. Метров сорок в диаметре. Стены были утыканы древней аппаратурой. Старые мониторы встроены. Катушки. Провода толщиной с руку. Некоторые устройства выглядели настолько странно, будто их собирали люди, которые знали о физике чуть больше остальных и потому слегка сошли с ума. Воздух был холодным и сухим. Неестественно сухим для подполья. Посередине действительно стояло металлическое кресло с ремнями, с кучей проводов и с шлемом странной формы над подголовником.

Я старался не смотреть туда, где стояло существо. Но взгляд всё равно возвращался. Оно не двигалось. Вообще. Словно манекен. Только иногда слишком медленно моргало. Я почувствовал приступ тошноты. Потому что, когда оно моргнуло, я тоже моргнул одновременно. Вольский резко остановился.

— Не смотри ему долго в глаза.

— Почему?

— Потом объясню.

— Когда “потом”?!

— Если доживём, сразу.

Инга медленно обходила комнату справа, держа пистолет двумя руками.

— Здесь всё ещё есть питание...

Она посветила на панели. Некоторые индикаторы действительно горели тусклым зелёным светом. Хотя оборудованию на вид было лет сто.

— Этого не может быть, — пробормотал я.

— Здесь много чего не может быть, — сказал Вольский.

— И это, кхared мор, начинает утомлять.

Он подошёл ближе к существу. Тварь медленно повернула голову вслед за ним. Абсолютно синхронно. Без единого лишнего движения. Как механизм. Я почувствовал, как по спине течёт холодный пот. Потому что существо снова улыбнулось. Моей улыбкой. Только чуть шире, чем должен улыбаться человек.

— Нет, — тихо сказал Вольский. — Ты не Артём.

Существо молчало. Потом вдруг заговорило. Моим голосом.

— А ты уверен?

У меня внутри всё оборвалось. Собственный голос со стороны звучал неправильно. Как запись, пропущенная через

плохой фильтр. Инга резко подняла пистолет.

— Не двигайся!

Существо медленно перевело взгляд на неё. И улыбка исчезла.

— Инга Руднева, — произнесло оно. — Архивный сектор семь.

Инга побледнела.

— Откуда оно знает?..

— Потому что оно читает, — тихо сказал Вольский.

— Что читает?!

— Нас.

Я почувствовал, как внутри начинает закипать паника. Настоящая. Холодная. Та, которая приходит раньше крика.

— Так. Стоп. Нет. Давайте без этих ваших загадочных фраз, хорошо? Что это за тварь?!

Вольский ответил не сразу. Он смотрел на существо так, будто пытался понять, узнаёт ли оно его. Потом тихо произнёс:

— Думаю... это отражение.

— Чего?!

— Не знаю.

— Великолепно!

Существо вдруг наклонило голову. И снова заговорило моим голосом:

— Ты уже был здесь.

Я застыл.

— Что?..

— Не дёргайся. Ты уже спускался.

Я почувствовал неприятный удар где-то под рёбрами. Потому что фраза странным образом совпала с тем, что говорил Вольский наверху. Нет. Не совпала. Повторила. Точь-в-точь. Вольский тоже это понял.

— Мерракх тхуль ...

— Что оно несёт?!

— Оно не несёт, Артём. Оно вспоминает.

Существо медленно подняло руку. Мою руку. И указало куда-то за кресло. Туда, где в темноте находился ещё один проход. Узкий коридор, уходящий дальше под землю. Из глубины снова донёсся гул:

БУМ...

БУМ...

БУМ...

А потом - далёкий женский крик. Инга резко обернулась.

— Там кто-то есть!

Вольский выругался:

— Кхарртрадт вэл нокс!

Существо одновременно с ним произнесло те же самые слова. С той же интонацией.

Секунда тишины. Потом Вольский очень медленно произнёс:

— Ну вот это уже совсем херово.

Женский крик повторился. На этот раз тише. Будто чело-

век кричал через несколько толстых стен. Или через огромное расстояние. Но в этом звуке было что-то ещё. Помехи. Словно голос проходил через старый динамик.

БУМ...

БУМ...

Гул подземелья начал ощущаться уже не ушами. Грудной клеткой. Пол едва заметно вибрировал под ногами. Инга первой двинулась к проходу за креслом.

— Если там кто-то живой — сказала она.

— Стоять, — резко сказал Вольский.

Она обернулась.

— Ты слышал крик.

— Слышал.

— Тогда какого чёрта?!

— Потому что здесь, ин феракх тал, всё очень любит притворяться людьми.

Существо с моим лицом всё ещё стояло неподвижно. Но теперь я заметил новую деталь. Оно дышало с задержкой. Я делал вдох. Через секунду вдох делало оно. Я сглотнул. Через секунду сглотнуло оно. Холод внутри стал почти физическим.

— Вольский...

— Не смотри на него долго.

— Оно повторяет меня.

— Вижу.

— И вы так спокойно об этом говорите?!

— Артём, я однажды видел мужика, который трое суток разговаривал со своим отражением в выключенном телевизоре. На четвёртые сутки отражение начало отвечать. Поверь, у нас пока ещё терпимо.

— Это вообще не помогает!

Инга посветила фонарём в сторону прохода. Узкий бетонный коридор уходил дальше вниз под небольшим углом. На стенах тянулись старые кабели. Некоторые искрили. Воздух там был ещё холоднее. И пахло озоном. Тем самым запахом, который был у перчатки Алины. Я почувствовал, как внутри неприятно сжалось.

— Запах...

Вольский тоже замер.

— Да.

— Это тот же самый?

— Да.

Существо внезапно улыбнулась снова. И тихо произнесло моим голосом:

— Она прошла дальше.

Инга резко навела на него пистолет.

— Закрой рот.

Существо повернуло голову к ней. Слишком плавно. Слишком медленно.

— Ты боишься не меня.

Инга побледнела.

— Марк...

— Я вижу.

— Оно знает.

— Оно читает реакцию, не мысли.

— Это ты сейчас себя успокаиваешь или меня?!

Вольский не ответил. Он подошёл к креслу в центре комнаты. Провёл рукой по подлокотнику. Старый металл был покрыт странными царапинами. Будто кто-то годами выцарапывал ногтями одни и те же символы. Я прищурился. Некоторые знаки повторялись. Круг. Линии. И... часы. Опять часы.

— Что это за место?

Вольский тихо выругался:

— Тхарек морвул...

— Да переведите уже хоть раз!

— “Лучше бы это оказался наркопритон”.

Я нервно усмехнулся.

— С этим согласен.

Инга вдруг замерла возле стены.

— Марк.

— Что?

— Здесь фотографии.

Мы подошли ближе. В бетон действительно были врезаны маленькие металлические рамки. Штук двадцать. Большинство пустые. Но в нескольких сохранились старые снимки. Чёрно-белые, размытые. Люди в лабораторных халатах, аппаратура, какие-то схемы. На одном фото я увидел групп-

пу учёных возле этого самого кресла. Лица были нечёткими. Кроме одного. Мужчина в центре смотрел прямо в камеру. И я узнал его. Вольский тоже. Потому что одновременно со мной тихо произнёс:

— Да ну нахер...

Я медленно повернулся к нему.

— Вы его знаете?

Вольский не ответил. Продолжал смотреть на фотографию.

Потом очень тихо сказал:

— Это мой отец.

Повисла тишина. Даже гул будто стал тише.

— Подождите... ваш отец работал здесь?

— Он умер в девяносто третьем.

— А это фото?

Инга осторожно посветила на угол снимка. Дата: 2001 год. Я почувствовал, как внутри всё неприятно провалилось. Вольский молчал. И это молчание было хуже любых объяснений.

Существо за спиной вдруг тихо засмеялось. Моим голо- сом.

— Он тоже сначала не понял.

Вольский резко обернулся.

— Заткнись.

Существо шагнуло вперёд. Первое движение за всё это время. Очень медленное. Очень плавное. И я сразу понял,

что оно двигается неправильно. Будто человек, который видел людей только на видео. Инга передёрнула затвор пистолета.

— Ещё шаг — стреляю.

Существо посмотрело на неё. Потом на меня.

И вдруг сказало:

— Ты вспомнишь лестницу.

У меня внутри словно что-то дёрнулось. На секунду. Очень коротко. Перед глазами мелькнуло изображение. Тёмная лестница. Красный свет. Чья-то рука в крови. И голос: «Не оборачивайся».

Картинка исчезла мгновенно. Я резко схватился за стену.

— Артём? — Инга шагнула ко мне.

— Всё нормально...

Но это было не нормально. Совсем. Потому что воспоминание ощущалось настоящим. Слишком настоящим. Хотя я точно знал: никогда здесь не был. Существо улыбнулось шире.

— Видишь?

Вольский вдруг рявкнул:

— КХАР ВЭЛ ТОРРАТШ!

От его крика даже я дёрнулся. Существо мгновенно замолчало. Гул подземелья снова усилился.

БУМ...

БУМ...

А затем из коридора впереди донёсся новый звук. Шаги.

Много. Не один человек. Идут медленно. В унисон.

Шарк...

Шарк...

Шарк...

Инга побледнела.

— Марк...

Вольский поднял фонарь.

И очень устало произнёс:

— Ну конечно. Конечно, блять. Куда же без этого.

Шаги приближались. Медленно. Размеренно.

Шарк...

Шарк...

Шарк...

Будто по бетонному коридору тащилась группа людей, слишком уставших, чтобы поднимать ноги. Инга подняла пистолет обеими руками. Я заметил, что её пальцы дрожат. Совсем немного. Но дрожат. Вольский стоял неподвижно. Фонарь в его руке слегка подрагивал, выхватывая из темноты куски коридора.

Существо с моим лицом за спиной тихо произнесло:

— Они опять идут раньше времени.

Я резко обернулся.

— Что значит “опять”?!

Существо улыбнулось.

— Ты задавал этот вопрос.

— Когда?!

— Почти всегда.

Вольский рывкнул:

— Мерахк кхор вэлен!

Существо сразу замолчало. Но улыбаться не перестало. Шаги стали ближе. Теперь к ним добавился ещё один звук. Тихое позвякивание металла. Цепь? Инструменты? Я не понимал. И не хотел понимать. Луч фонаря скользнул дальше по коридору. На секунду мне показалось, что впереди мелькнули силуэты. Высокие. Сутулые. Но свет тут же дёрнулся, и всё снова утонуло во тьме.

Инга тихо сказала:

— Нам нужно уходить.

— Поздно, — ответил Вольский.

— Почему?!

Он посмотрел на старые мониторы вдоль стены. На нескольких из них внезапно появились помехи. А потом изображение лестницы. Той самой, по которой мы спускались сюда. Я почувствовал, как внутри всё холодеет. Потому что на записи кто-то стоял возле дверцы наверху. Высокий силуэт. Неподвижный. И даже через рябь было видно: у него моё лицо.

— Да вы издеваетесь... — выдохнул я.

Существо за спиной тихо засмеялось.

БУМ...

БУМ...

Гул стал сильнее. Лампы под потолком начали мигать. Од-

на из них вспыхнула так ярко, что на секунду осветила дальний конец коридора. И мы увидели их. Людей. Штук пятнадцать. Они медленно шли к нам из темноты. Рабочие комбинезоны. Старые каски. Суточные фигуры. У одного отсутствовала половина лица. У другого руки двигались слишком длинно, будто суставов было больше, чем нужно. Но хуже всего были глаза. Пустые. Как у манекенов.

Инга выдохнула:

— Господи...

— Не уверен, что он здесь главный, — пробормотал Вольский.

Одна из фигур остановилась. Медленно повернула голову. И я увидел номер на комбинезоне. М-13.

Вольский тихо выругался:

— Тхар вэл нокх ...

— Что это за хрень?!

Он не ответил. Фигуры продолжали приближаться.

Шарк...

Шарк...

Шарк...

Существо с моим лицом вдруг снова заговорило:

— Они не любят свет.

Инга резко повернулась к нему.

— И ты решил сказать это только сейчас?!

— Вы редко спрашиваете правильно.

— Марк, я сейчас пристрелю эту тварь!

— Не уверен, что поможет.

Фигура впереди дёрнулась. Слишком резко. Слишком быстро. И свет над ней мигнул. На долю секунды мне показалось, что под каской вообще нет лица. Только тьма.

Вольский внезапно рывкнул:

— ФОНАРИ В ГЛАЗА!

Мы одновременно подняли свет. Луч Инги ударил по ближайшей фигуре. И та резко дёрнулась назад. Послышался странный звук. Не крик. Скорее скрежет металла по стеклу. Фигура закрыла лицо руками. Остальные тоже начали отстраниваться.

— Работает! — крикнул я.

— Конечно работает, кхарэд! Всё странное боится, когда на него внимательно смотрят!

— Это вообще сейчас была философия или инструкция?!

— И то и другое!

Инга медленно отступала назад.

— Марк... дверь.

— Вижу.

Гермодверь за нами всё ещё была открыта. Но теперь мне казалось, что проход обратно стал уже. Хотя это было невозможно.

Существо с моим лицом вдруг тихо сказала:

— Она жива.

Все одновременно замерли. Даже шаги впереди будто стали тише. Вольский медленно повернулся.

— Где?

Существо подняло руку. Указало в глубину коридора. Тогда, откуда шли фигуры.

— За ними.

Инга побледнела.

— Алина...

— Она плачет уже сорок семь минут.

Я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось. Потому что существо сказала это не сочувственно. А так, будто просто озвучило температуру воздуха. Вольский крепче сжал монтировку.

— Значит, идём дальше.

— Ты псих, — сказала Инга.

— Это давно не новость.

Он шагнул вперёд. Прямо навстречу фигурам.

И тихо произнёс:

— Ну что, уроды... посмотрим, кто из нас здесь больше не должен существовать.

Лампы снова мигнули. Фигуры одновременно дёрнулись. А потом весь коридор впереди погрузился в абсолютную темноту. И в этой темноте кто-то тихо произнёс:

— Марк... мне холодно...

Глава 3

Темнота впереди дышала. Я понимаю, как это звучит. Но именно такое ощущение у меня возникло в ту секунду. Коридор будто стал живым. Густым. Тяжёлым.

А голос из темноты снова тихо произнёс:

— Марк...

Инга сорвалась первой.

— Алина!

Она рванулась вперёд. Вольский успел схватить её за руку.

— Стоять!

— Пусти меня!

— Ты сейчас побежишь не к дочери, а туда, куда тебя хотят увести!

— Да пошёл ты!

Она дёрнулась так резко, что едва не выронила пистолет. Фигуры в коридоре снова начали двигаться.

Шарк...

Шарк...

Шарк...

Но теперь медленнее. Будто осторожнее. Словно изучали нас. Я посветил фонарём вперёд. Луч выхватил куски стены. Кабели. Ржавчину. И на секунду - дверной проём справа.

Металлическая табличка рядом почти стёрлась, но часть надписи ещё читалась:

СЕКТОР 3

ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ КАМЕРА

У меня внутри всё неприятно сжалось. Вольский тоже

увидел. И лицо у него стало совсем мрачным.

— Варьэхк... нет...

— Что? — спросил я.

Он не ответил. Только посветил дальше. Фигуры впереди внезапно остановились. Все одновременно. Будто получили команду. А затем медленно начали отходить назад. В темноту.

Шарк...

Шарк...

Шарк...

Инга тяжело дышала.

— Почему они уходят?..

Существо с моим лицом за спиной тихо ответило:

— Потому что вас позвали дальше.

Я резко обернулся.

— Да заткнись ты уже!

Существо улыбнулось. И впервые в этой улыбке появилось что-то человеческое. Жалость.

— Ты тоже так говорил.

Вольский выругался:

— Кхарад фэл тоштраш!

Потом резко повернулся к нам.

— Быстро. Идём.

— Куда?!

— Пока они передумали!

Он двинулся вперёд по коридору. Инга сразу за ним. Я —

последним. И очень старался не смотреть назад. Потому что чувствовал: существо всё ещё стоит в комнате и смотрит мне вслед. Коридор оказался длиннее, чем выглядел. Намного. Стены постепенно менялись. Бетон старел. Трескался. Появлялись старые советские таблички. Некоторые двери были вырваны с корнем. На полу валялись бумаги, папки, разбитые каски. А потом я заметил кое-что ещё — детские рисунки, приклеенные к стене пожелтевшим скотчем. Домики, Солнце, люди. Очень старые. Я почувствовал холод под кожей.

— Почему здесь детские рисунки?

Инга резко отвернулась.

А Вольский ответил слишком быстро:

— Не сейчас.

Это означало только одно: он знает. Мы дошли до следующей двери. Толстой. Металлической. Но уже открытой. Изнутри пробивался тусклый жёлтый свет. И доносился звук. Тихий. Почти неслышный. Всхлипывание. Инга замерла.

— Алина...

Она шагнула внутрь раньше всех. Комната была небольшой. Похожа на старую лабораторию. Разбитые столы, пыльные шкафы, провода на полу. В углу горела одинокая лампа аварийного питания, а под ней стоял стул. К нему действительно была привязана девушка. Руки связаны за спиной. На голове мешок. Инга бросилась к ней.

— Алина!

Девушка дёрнулась. Замычала. Я быстро подошёл и помог снять верёвки. Инга стянула мешок. Девушка закашлялась. Молодая. Лет двадцать пять. Бледная. Под глазами тёмные круги. И совершенно пустой взгляд человека, который слишком долго боялся.

— Мам...

Инга прижала её к себе так резко, будто боялась, что та исчезнет. Я медленно выдохнул. Хотя легче почему-то не стало. Вообще. Вольский осматривал комнату. Очень внимательно. Слишком внимательно.

— Марк... — тихо сказала Инга. — Она жива.

— Пока да.

— Ты можешь хоть сейчас не быть таким?!

Он ничего не ответил. Алина дрожала. Я снял куртку и накинул ей на плечи.

— Всё нормально. Мы вытащим тебя отсюда.

Она посмотрела на меня. И вдруг нахмурилась.

— Я вас знаю...

— Вряд ли.

— Нет...

Она медленно перевела взгляд на Вольского. И побледнела ещё сильнее.

— Это вы...

Повисла тишина. Вольский замер.

— Что?

— Мне сказали... найти Марка...

Инга напряглась.

— Кто сказал?

Алина несколько секунд молчала.

Потом тихо произнесла:

— Я слышала голос.

— Какой голос?

— Не знаю...

Она дрожащими руками вцепилась в куртку.

— Последние месяцы он иногда появлялся. Сначала во сне. Потом... когда я не спала.

Я переглянулся с Вольским. Тот слушал слишком внимательно.

— Что он говорил?

— Что мне нужно прийти сюда.

— Куда “сюда”?

— Под землю...

Она закрыла глаза.

— Иногда я теряла время. Просто... выпадала. Секунда — и уже вечер. Или утро.

Инга медленно побледнела.

Алина продолжала:

— Сегодня я шла домой... потом услышала голос совсем близко. Он сказал, что мне холодно.

Я почувствовал неприятный холод внутри.

— И?

— Потом всё исчезло.

Она сглотнула.

— Когда очнулась... кто-то вёл меня по лестнице.

Я посмотрел на Вольского. Тот стоял неподвижно. Как статуя.

— Кто именно? — тихо спросил он.

— Я не видела лица.

— Мужчина?

— Да...

— Что он говорил?

Алина медленно подняла взгляд.

— Что за дверью сидит человек по имени Марк. И я должна попросить его впустить меня... потому что мне холодно.

В комнате стало тихо. Слишком тихо. Даже гул будто отдалился. Я почувствовал, как Инга медленно повернулась к Вольскому.

— Марк...

Он закрыл глаза. Потёр лицо ладонью. Очень устало.

Алина тихо продолжила:

— Я постучала...

У меня по спине прошёл холод.

— Потом он не открыл дверь.

— И что дальше? — спросил я.

— Я снова потеряла сознание.

Она опустила голову.

— А потом очнулась уже здесь.

Повисла тишина. Тяжёлая. Густая.

Вольский вдруг очень тихо выругался:

— Катхаршех морхвул ...

На этот раз даже Инга ничего не сказала. Потому что мы все одновременно услышали звук. Где-то в глубине комплекса. Очень далеко. Сирена. Старая советская тревога. Протяжная. Мёртвая. А затем по всему подземелью щёлкнули динамики.

И хриплый голос произнёс:

— ВНИМАНИЕ.

ПРОТОКОЛ М-13 АКТИВИРОВАН.

СИНХРОНИЗАЦИЯ НАЧАТА.

Сирена продолжала выть. Тягуче. Низко. Будто сам бетон начал стонать под землёй. Красные лампы под потолком медленно загорелись одна за другой. Тусклые. Пульсирующие. Комната сразу стала похожа на внутренности какого-то огромного механизма. Алина вздрогнула. Инга крепче прижала дочь к себе.

— Всё хорошо. Слышишь? Всё хорошо.

Но голос у неё был таким, будто она сама себе не верила.

Динамики снова захрипели:

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

ОБНАРУЖЕНЫ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ.

Я медленно поднял взгляд на Вольского.

— “Наблюдатели” — это мы?

— Скорее всего.

— А санкционированные тут вообще есть?

— Надеюсь, нет.

Он подошёл к старому терминалу в углу комнаты. Стёр пыль с экрана. Монитор неожиданно ожил. Пошли помехи. Потом – какие-то архивные файлы, даты, технические схемы, с писки сотрудников.

Инга замерла.

— Марк...

На экране появилась фотография. Мужчина в очках. Уставшее лицо.

Подпись снизу: **ВОЛЬСКИЙ ГРИГОРИЙ МАКСИМОВИЧ. РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКТОРА М-13.**

В комнате стало тихо. Я медленно посмотрел на Вольского.

— Это ваш отец.

Он кивнул. Очень медленно. Будто каждое движение давалось тяжело.

— Да.

Инга смотрела на экран так, словно надеялась увидеть что-то другое. Но фотографии продолжали сменяться. Лаборатории. Чертежи. Люди в халатах возле странного оборудования. А потом — фотографии с каких-то испытаний. Я не сразу понял, что вижу. Человек сидел в том самом кресле из круглой комнаты. К голове подключены провода. Вокруг

приборы. На следующем кадре — уже двое. На третьем — показатели на экранах начинают зашкаливать. На четвёртом фотография была повреждена. Чёрные полосы, помехи. Но даже сквозь них было видно: кто-то горит. Не огнём. Чем-то другим. Светом. Инга резко отвернулась.

— Господи...

Вольский стоял неподвижно. И я впервые заметил в нём не странность. Не усталость. Вину. Очень старую. Очень глубокою. На экране появился новый файл.

ПРОЕКТ “СИНХРОН”

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ НА МОЗГОВУЮ АКТИВНОСТЬ

Я нахмурился.

— Что это значит?

— Они пытались создать резонанс, — тихо сказал Вольский.

— Какой ещё резонанс?

— Между человеческим сознанием и... — он замолчал.

— И?

— Они сами толком не понимали.

Динамики снова захрипели. Будто система услышала разговор.

— ВНИМАНИЕ.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ПРОТОКОЛА.

Алина вдруг сжалась.

— Он снова здесь...

Инга резко повернулась.

— Кто?!

— Голос...

Она зажмурилась.

— Он говорит, что нельзя было приводить Марка.

У меня внутри всё неприятно сжалось.

— Почему именно Марка?

Вольский очень медленно сел на край стола. Усталый. По-старевший сразу лет на десять.

— Потому что мой отец работал здесь не один.

Он посмотрел на меня. И впервые за всё время в его взгляде не было ни шуток, ни странностей. Только тяжесть.

— Твой отец тоже был частью проекта.

Я замер.

— Что?..

— Его звали Сергей Кравцов.

Воздух будто стал плотнее. Я молчал. Потому что имя ударило слишком резко. Слишком знакомо.

Вольский продолжил:

— Они с моим отцом были лучшими друзьями.

Я почувствовал странное ощущение. Будто какая-то дверь в памяти медленно приоткрылась. Старый двор. Лето. Мужчина смеётся на кухне. Рядом другой. Моложе Вольского. Только с такими же глазами. Я резко вдохнул.

— Подождите...

— Ты видел моего отца в детстве.

Он устало усмехнулся.

— Поэтому его лицо показалось тебе знакомым.

Инга тихо сказала:

— Марк...

Но он уже будто не слышал. Смотрел на экран. На старые файлы.

— После аварии проект закрыли официально. Большинство документов уничтожили. Людей разогнали.

— Какой аварии? — спросил я.

Вольский медленно поднял взгляд.

— Один из подопытных умер во время эксперимента.

Инга побледнела. Очень сильно. И я понял: сейчас будет что-то хуже. Вольский посмотрел на неё.

— Инга...

Она закрыла глаза.

— Не надо.

— Он всё равно узнает.

Повисла тишина.

Потом Инга очень тихо сказала:

— Это был мой брат.

Я почувствовал, как внутри всё провалилось.

— Что?..

Она смотрела в пол.

— Для всех он работал обычным сварщиком на заводе.

Голос у неё дрожал.

— А на самом деле его водили сюда.

Она обвела рукой подземелье.

— На испытания.

Алина медленно подняла голову.

— Мам?..

Инга сглотнула.

— После одного эксперимента он... изменился.

Вольский тихо добавил:

— Его тело начало накапливать излучение.

— Какое ещё излучение?!

— Мы до сих пор не знаем.

Он устало провёл рукой по лицу.

— Оно не убивало сразу. Но влияло на людей рядом.

Инга кивнула.

— Я начала часто болеть ещё в детстве. Грипп. Температура. Слабость.

Она посмотрела на Алину. И голос стал совсем тихим.

— А вот на неё это подействовало сильнее.

Алина смотрела на мать расширенными глазами.

— О чём ты?..

Инга медленно подошла к ней. Коснулась её щеки.

— Ты ведь всегда слышала странные вещи, да?

Алина молчала.

— И теряла время ещё ребёнком.

Тишина. Потом Алина едва заметно кивнула. Я почувствовал, как по коже пробежал холод. Потому что в этот момент сирена внезапно оборвалась. Мгновенно. Подземе-

лье погрузилось в тишину. А затем из динамиков прозвучал новый голос. Не механический. Живой, спокойный и очень уставший.

— Марк... если ты это слышишь... не спускайся ниже.

Голос был старым. Хриплым. Но спокойным. Не как у человека в панике. Скорее как у того, кто слишком давно устал бояться. И хуже всего было то, что Вольский узнал его сразу. Я увидел это по лицу. Он побледнел так резко, будто из него выдернули кровь. Инга тоже это заметила.

— Марк...

Но он уже не слышал. Подошёл к динамику почти вплотную. Смотрел на старую решётку так, словно надеялся увидеть человека по ту сторону. Запись зашипела.

Потом голос снова заговорил:

— Если система ещё работает... значит, они не остановили цикл...

Помехи. Треск.

И снова:

— Не верь отражениям. Они учатся быстрее, чем мы думали...

Вольский очень тихо выругался:

— Тхар... тхар вален...

— Это ваш отец? — спросил я.

Он медленно кивнул. В комнате стало настолько тихо, что я слышал гудение старого терминала.

Запись продолжалась:

— Сергей... если ты рядом, прости меня...

Я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось. Сергей. Мой отец. Вольский опустил голову. А потом впервые за всё время в нём будто исчез весь этот странный, нервный, полусумасшедший человек. Остался только сын.

— Он знал... — тихо сказал он.

Инга нахмурилась.

— Что именно?

— Что запись кто-то услышит.

Динамик снова зашипел.

— Мы думали, что воздействуем на сознание. Но это сознание начало воздействовать в ответ...

Помехи усилились. Красные лампы мигнули.

БУМ.

Гул подземелья снова ударил через пол. Теперь ближе. Намного ближе. Я медленно посмотрел вниз. И только сейчас понял: вибрация идёт не из стен. Она идёт снизу. Под нами. Будто где-то глубже работает что-то огромное.

Запись продолжилась:

— Если вы нашли объект... значит, барьер больше не держит...

Алина вдруг резко сжала виски руками.

— Нет...

Инга подбежала к ней.

— Что?!

— Он опять говорит...

— Кто?!

Алина зажмурилась. По её лицу потекли слёзы.

— Голос... он злится...

Вольский резко повернулся.

— Что именно он говорит?!

Алина тяжело дышала.

— Что... Марк снова пришёл слишком рано...

У меня внутри всё похолодело. Слишком рано. Опять. Снова. Слишком много слов здесь звучало так, будто кто-то уже проживал это раньше. И мне это начинало нравиться всё меньше. Динамик захрипел в последний раз.

— Если услышишь стук снизу — не открывай шахту...

ЩЕЛЧОК.

Запись оборвалась. Тишина. А потом мы слышали стук. Глухой. Очень далёкий. Но отчётливый. Откуда-то снизу.

ТУК.

ТУК.

ТУК.

Все замерли. Инга медленно подняла голову.

— Шахта?..

Вольский не ответил. Он уже смотрел в дальний угол комнаты. Туда, где за старым шкафом находилась ещё одна дверь. Маленькая. Стальная. С круглым колесом, как на подлодках. Я почувствовал, как внутри всё проваливается. Потому что именно оттуда шёл звук.

ТУК.

ТУК.

ТУК.

Алина тихо прошептала:

— Он там...

Вольский очень устало закрыл глаза.

— Ну конечно.

— Кто “он”?!

Он посмотрел на меня. Долго. Слишком долго.

Потом тихо сказал:

— Артём... ты когда-нибудь слышал о людях, которые возвращались после смерти?

— Нет.

— Повезло.

Инга резко встала.

— Марк, не надо.

— У нас нет выбора.

— Есть!

— Уже нет.

Он подошёл к стальной двери. Провёл рукой по металлу.
Пыль осыпалась вниз.

На поверхности обнаружилась надпись:

ШАХТА 1

ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА М-13.

ТУК.

ТУК.

На этот раз стук был громче. Будто кто-то с той стороны понял, что его слушают. Я почувствовал, как холод медленно поднимается по позвоночнику.

Вольский очень тихо выругался:

— Хакхард вэлвур ...

И вдруг посмотрел прямо на меня.

— Если я скажу бежать — бежишь сразу.

— Что за херня там внутри?

Он усмехнулся. Устало. Почти обречённо.

— Очень надеюсь, что мой отец.

А потом шахта ответила. Из-за двери донёсся голос. Тот же самый, что звучал из динамиков. Только теперь живой. Совсем близко.

— Марк... не открывай. Я уже не один.

В комнате стало холоднее. Не “показалось холоднее”. Я буквально увидел, как изо рта Инги пошёл пар. Лампа под потолком мигнула. Раз. Другой.

ТУК.

ТУК.

Из шахты донёсся тяжёлый скрежет. Будто кто-то очень медленно провёл чем-то металлическим по внутренней стороне двери.

А потом снова голос:

— Марк... если откроешь... оно увидит тебя полно-

стью...

Вольский стоял неподвижно. Я смотрел на него и впервые понимал: он боится. По-настоящему. Не нервничает. Не злится. Боится. Инга подошла ближе.

— Марк. Посмотри на меня.

Он молчал.

— Марк.

— Я слышу.

— Это может быть не он.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты вообще слушаешь?!

Он медленно провёл рукой по лицу. Усталый жест человека, который слишком долго пытался собрать мир обратно.

— Потому что если это всё-таки он... я не могу просто уйти.

ТУК.

ТУК.

Алина резко вздрогнула.

— Он теперь слышит нас...

Я посмотрел на неё.

— Кто “он”?

Она медленно подняла голову. Глаза были стеклянными. Будто слушала что-то очень далёкое.

— Тот, кто остался внизу.

Повисла тишина.

Вольский тихо выругался:

— Саркух фэм нхош ...

— Да переведи ты уже хоть раз нормально!

Он посмотрел на меня.

— “Вот сейчас мне совсем пиздец как не нравится происходящее”.

— Наконец-то человеческий язык.

И именно в этот момент терминал в углу внезапно ожил снова. Экран вспыхнул белым светом. Строки текста начали быстро появляться одна за другой.

ПРОТОКОЛ “СИНХРОН”

СТАТУС: АКТИВЕН

СОСТОЯНИЕ БАРЬЕРА: КРИТИЧЕСКОЕ

Потом новая строка:

ОБНАРУЖЕН РЕЗОНАНСНЫЙ НОСИТЕЛЬ

И ниже:

АЛИНА РУДНЕВА

Инга побледнела.

— Нет...

Алина тоже увидела экран.

— Что это значит?

Вольский смотрел на монитор очень внимательно. Слишком внимательно.

Потом медленно сказал:

— Ты не просто слышала его.

Он перевёл взгляд на Алину.

— Оно слышало тебя тоже.

У меня внутри неприятно сжалось.

— Кто “оно”?!

Вольский молчал пару секунд.

А потом тихо произнёс:

— Думаю... эксперименты “Вектора” создали нечто вроде отпечатка сознания.

— Это сейчас вообще что значит?!

— Они пытались усилить восприятие человека через энергетическое воздействие.

Он кивнул на оборудование вокруг.

— Но вместо этого что-то начало копироваться.

Инга прошептала:

— Отражения...

— Да.

Я почувствовал холод под кожей. Сразу вспомнилось существо с моим лицом. Лестница. Голос. “Ты уже был здесь”.

Вольский продолжил:

— Сначала они думали, что это просто побочный эффект. Галлюцинации. Эхо сознания.

Он горько усмехнулся.

— А потом эхо начало отвечать.

ТУК.

ТУК.

На этот раз удар был таким сильным, что дверь шахты

едва заметно дрогнула. Красные лампы мигнули. Гул снизу стал громче.

БУМ.

БУМ.

БУМ.

Словно что-то огромное медленно поднималось всё выше. Алина вдруг резко схватилась за голову. Закричала. Инга подбежала к ней.

— Алина!

— Оно идёт сюда!

— Кто?!

Алина посмотрела прямо на Вольского.

И тихо произнесла:

— Второй Марк.

У меня внутри всё похолодело. Потому что в этот момент за дверью комнаты слышались шаги. Медленные. Знакомые.

Шарк...

Пауза.

Шарк...

Я медленно повернулся. В проходе стояла фигура. Та самая. С моим лицом. Но теперь оно изменилось. Кожа стала серой. Глаза — абсолютно чёрными. И улыбка... Господи. Улыбка стала ещё шире. Слишком широкой для человека.

Инга подняла пистолет.

— Не двигайся!

Существо посмотрело на неё. Потом на Вольского.

И заговорило:

— Барьер почти сломан.

Голос был уже не моим. Сразу несколько голосов одновременно. Словно внутри говорила толпа. Вольский медленно поднял монтировку.

— Ты не выйдешь наверх.

Существо улыбнулось ещё шире.

— Уже вышел.

И тут в коридоре за ним начали появляться другие фигуры. Те самые рабочие. С пустыми глазами. Медленно. Спокойно. Как люди, которым вообще некуда торопиться. У меня внутри всё окончательно перестало быть нормальным.

— Марк... — тихо сказал я. — Скажи честно. Мы вообще можем это остановить?

Он молчал секунды три.

Потом очень спокойно ответил:

— Не знаю.

И почему-то именно эта честность напугала меня сильнее всего. Существо сделало ещё один шаг вперёд. Медленно. Почти лениво. Рабочие за его спиной тоже продолжали приближаться.

Шарк...

Шарк...

Шарк...

Красный свет мигал по их лицам, превращая подземелье в какой-то бесконечный кошмар из ржавчины, бетона и чужих голосов. Алина сидела на полу, зажимая уши. Инга держала пистолет, но я видел: она понимает — этого недостаточно. Вольский стоял между нами и коридором. Один. С монтировкой. Как самый уставший человек в мире.

И вдруг он тихо сказал:

— Артём.

— Что?

— Помнишь, я говорил, что всё странное боится, когда на него внимательно смотрят?

— Да.

— Сейчас проверим.

Он шагнул вперёд. И осветил фонарём прямо в лицо существу. Тварь дёрнулась. Сразу. Будто луч света обжёг её. Улыбка дрогнула. Рабочие позади тоже остановились.

— Инга! Свет!

Она мгновенно направила второй фонарь вперёд. Коридор залило белым светом. И тогда мы увидели их по-настоящему. Лица рабочих начали расплываться. Как старая плёнка. Черты исчезали. Таяли. Будто сами фигуры не выдерживали, когда их рассматривали слишком внимательно. Существо с моим лицом зашипело. И впервые в его голосе появилась злость.

— Вы всё равно вернётесь сюда.

Вольский усмехнулся. Устало.

— А вот это уже зависит от качества моей будущей психотерапии.

Существо шагнуло ещё раз. И свет ударил прямо ему в глаза. На секунду мне показалось, что внутри его головы кто-то движется. Не мысль. Не мозг. Словно под кожей плавала тень. Я почувствовал тошноту.

А потом Вольский закричал:

— БЕЖИМ!

И мы побежали. Назад по коридору. Мимо старых дверей. Мимо детских рисунков. Мимо ржавых табличек. Позади раздался гул. Нечеловеческий. Будто сразу сотни голосов одновременно начали что-то кричать из глубины комплекса. Красные лампы мигали всё быстрее.

БУМ...

БУМ...

БУМ...

Подземелье дрожало. Инга помогала Алине бежать. Я несколько раз оборачивался. И каждый раз видел в конце коридора силуэт с моим лицом. Оно не бежало. Просто шло. Медленно. Но почему-то расстояние между нами всё равно сокращалось.

— Быстрее! — крикнул Вольский.

Мы ворвались в круглую комнату с креслом. Существо,

стоявшее там раньше, исчезло. Осталось только кресло. И старые мониторы. На одном из экранов внезапно появилось изображение. Лестница наверх. Наша лестница. А поверх помех — лицо пожилого мужчины. Отца Вольского. Запись зашипела.

И сквозь треск прозвучало:

— Марк... закрой дверь...

Вольский замер всего на секунду. Потом резко схватил металлическую дверцу в стене.

— Все наверх! ЖИВО!

Мы бросились к лестнице. Ступени казались бесконечными. Я слышал позади странные звуки. Шаги. Шёпот. Иногда собственный голос.

Один раз мне даже показалось, что кто-то идёт рядом и тихо говорит:

— Ты действительно думаешь, что выбрался?

Но я не обернулся. Ни разу. Наверху первой выскочила Инга с Алиной. Я следом. Вольский поднялся последним. И сразу захлопнул металлическую дверцу. Изнутри тут же ударили.

ТУК!

Дверца дрогнула. Инга вздрогнула. Я помог Вольскому вставить ключ.

ЩЕЛЧОК.

Механизм внутри стены тяжело провернулся.

ТУК!

Ещё удар. Но уже тише. Вольский прижал ладонь к холодному металлу. Закрыв глаза.

И очень тихо сказал:

— Папа... спасибо. И прости.

Повисла тишина. Только дождь шумел за окном кабинета. А потом Вольский вдруг начал говорить на своём языке. Спокойно. Медленно. Как молитву.

— Тхар ен вэлор, Кхшар вэн тал мэракх. Со лен вэйхир, Норахх тэл вар. Елнор кхэда, вакхеш сол мир. Тхар... тхар елэн. Морвулна тир.

Он замолчал. Провёл ладонью по дверце ещё раз.

И только потом тихо перевёл:

— Пусть спящие останутся во тьме. Пусть двери помнят тех, кто их закрыл. И пусть эхо больше не найдёт дорогу наверх.

Тишина. Из-за дверцы больше не доносилось ни звука. Вольский медленно выдохнул. Потом посмотрел на шкаф.

— Артём.

— А?

— Помоги мне сделать самую надёжную инженерную кон-

струкцию в истории Сызрани.

Мы вдвоём подтащили тяжёлый металлический шкаф к стене. С грохотом придвинули его прямо к дверце. Конструкция выглядела максимально ненадёжно. И почему-то именно поэтому немного успокаивала. Инга сидела возле окна, обнимая Алину.

Дождь за стеклом постепенно стихал. Город снова жил своей обычной жизнью. Машины. Неон. Люди. Никто из них даже не подозревал, что прямо под старым офисом частного детектива находится место, которое лучше никогда больше не открывать. Я тяжело опустился на стул. Несколько секунд никто не говорил. Потом я посмотрел на Вольского.

— Ну что... это ведь конец?

Он закурил сигарету. Долго молчал. Потом очень устало усмехнулся.

— Артём... если бы ты знал, сколько раз люди говорили эту фразу перед началом настоящих проблем...

Дождь за окном стал спокойнее. Не прекратился. Просто перестал быть похожим на конец света. Теперь это был обычный сызранский дождь — серый, холодный и упрямый, как коммунальные службы. В кабинете пахло пылью, сигаретами и мокрой одеждой. Красные нитки на стене слегка покачивались от сквозняка. Будто ничего и не произошло. Будто под нами не было странного подземелья с голосами, отражениями и вещами, которым лучше оставаться забытыми.

Вольский долго стоял возле шкафа, глядя на металличе-

скую дверцу за ним. Потом медленно выдохнул. Подошёл к столу. Поднял старую папку с надписью: ДЕЛЮ №47 А. РУД-НЕВА.

Несколько секунд смотрел на неё. Потом открыл шкаф. Тот самый. Которым мы закрыли дверцу. Внутри, среди старых бумаг, уже лежали десятки таких же папок. Жёлтых. Потрёпанных. Некоторые были перевязаны нитками. Некоторые — цепочками. Я решил не спрашивать почему. Вольский аккуратно положил папку внутрь. Закрыл шкаф. Щёлкнул замком.

И тихо сказал:

— Закрыто.

Повисла тишина. Инга поднялась первой. Выглядела она всё ещё уставшей, но впервые за всё время — живой. Настоящей. Без той постоянной тревоги в глазах. Она подошла к Вольскому. Долго смотрела на него.

Потом тихо сказала:

— Спасибо, Марк.

Он отмахнулся.

— Не люблю такие разговоры.

— А я не люблю подземные советские кошмары, но жизнь нас обоих сегодня удивила.

Вольский усмехнулся. Слабо. Инга повернулась ко мне.

— И тебе спасибо, Артём.

— Да не за что. Я вообще пришёл устраиваться на работу, а не в филиал ада.

Она впервые за вечер тихо рассмеялась. Настояще. Без нервов. Алина тоже поднялась. Она всё ещё выглядела бледной, но глаза уже стали живее.

— Спасибо вам.

Она посмотрела сначала на Вольского. Потом на меня. И вдруг подошла ближе. Я не успел ничего понять, как она быстро поцеловала меня в щёку. Лёгко. Почти смущённо.

— За куртку тоже спасибо, — тихо сказала она.

Я моргнул.

— А... да... пожалуйста...

Вольский затянулся сигаретой и пробормотал:

— Вот так люди и втягиваются в неприятности окончательно.

— Завидуйте молча, — ответил я.

— Я слишком стар для зависти. У меня уже только хроническая подозрительность.

Инга закатила глаза.

— Господи, как ты вообще живёшь?

— Плохо, но стабильно.

Они направились к двери.

И уже возле выхода Вольский вдруг сказал:

— Стоять.

Инга обернулась.

— Что ещё?

Он посмотрел в окно. На дождь. Потом молча взял старый чёрный зонт у вешалки. Протянул Инге.

— Возьми.

— Марк...

— Даже не спорь. Я не хочу потом расследовать, почему вы обе снова заболели.

Инга медленно взяла зонт. И впервые за всё время посмотрела на него как-то очень тепло. Без страха. Без напряжения. Просто по-человечески. Алина уже открыла дверь. Потом вдруг остановилась. Обернулась к Вольскому. Несколько секунд молчала.

А затем тихо произнесла:

— Вэлорен.

В кабинете стало очень тихо. Вольский замер. И впервые за всё время я увидел у него настолько растерянное лицо.

— Ты... откуда знаешь это слово?

Алина пожала плечами.

— Просто... вспомнилось.

Она улыбнулась. Легко. Спокойно. И вышла вслед за Ингой. Дверь кабинета медленно закрылась.

Щёлкнул замок. Дождь шумел за окном. Где-то внизу проехал старый автобус. Город жил дальше. Как будто ничего не случилось. Вольский долго смотрел на дверь.

Потом тихо пробормотал:

— Вэлорен...

— И что это значит? — спросил я.

Он усмехнулся. Очень устало.

— “Тот, кто вернулся”.

Мне это совершенно не понравилось. Но сил пугаться уже не осталось. Вольский подошёл к столу. Открыл ящик, достал конверт, бросил его мне. Я поймал его на автомате. Внутри лежали деньги. Настоящие. Их было больше, чем я ожидал.

— Это что?

— Твой первый гонорар, помощник детектива.

— Серьёзно?

— Нет, блять, монополия.

Я невольно усмехнулся. Вольский надел пальто. Погасил настольную лампу. Кабинет сразу стал почти тёмным. Только неон за окном медленно ползал по стенам. Синим. Красным. Фиолетовым.

— Ладно, Артём, — сказал он, открывая дверь. — Пора домой.

Я поднялся. И уже выходя из кабинета, почему-то обернулся на шкаф. Тот стоял неподвижно. Тихо. Обычно. Как любой старый шкаф в любом старом офисе. Но когда дверь кабинета почти закрылась, мне на секунду показалось, будто изнутри донёсся очень тихий стук.

Тук.

Я замер. Прислушался. Тишина. А потом свет в коридоре мигнул. Всего один раз.

Глава 4

Моя вазовская семёрка умерла возле офиса в 8:43 утра. Не фигурально. Буквально. Двигатель чихнул, кашлянул, издал звук, похожий на предсмертное “да иди ты нахер”, и затих.

Я несколько секунд сидел за рулём, держась за него обеими руками, как пилот падающего самолёта.

— Только не сейчас... ну давай... давай, родная...

Семёрка молчала. Только печка продолжала шуметь так, будто внутри сидел маленький трактор. Я вытащил ключ. Открыл дверь. И в этот момент сзади с металлическим хлопком открылся багажник. Я медленно закрыл глаза.

— Конечно.

Вышел. Пошёл закрывать багажник. Закрыл.

ЩЁЛК.

Открылась задняя правая дверь. Я посмотрел в небо. Небо посмотрело на меня с полным отсутствием сочувствия. Следующие пять минут со стороны это выглядело так, будто я пытаюсь победить собственную машину в рукопашной. Закрываешь дверь — открывается багажник. Закрываешь багажник — отщёлкивается капот. Закрываешь капот — снова дверь. В какой-то момент мне показалось, что семёрка делает это специально. И, судя по её характеру, вполне могла.

Когда я наконец победил эту отрывашку-закрывашку и поднялся в офис, было уже почти девять. Вольский сидел за столом, пил кофе и смотрел в окно. Даже не повернулся, когда я вошёл. Только сказал:

— За опоздание сегодня остаёшься дежурить по классу и мыть полы.

— Это машина.

— Угу.

— Серьёзно.

— Конечно.

Я бросил куртку на стул.

— Эта долбаная семёрка не хотела меня отпустить.

Вольский наконец посмотрел на меня.

И с абсолютно серьёзным лицом произнёс:

— Артём... я видел твою беготню из окна. — пауза. —

Чуть не уссался со смеху.

— Спасибо за поддержку.

— Ты выглядел как человек, которого проклял электрик.

Я тяжело рухнул на стул. Вольский подвинул ко мне кружку. Кофе был чёрным. Густым. И пах так, будто его варили из пережжённой изоляции. Я сделал глоток. И сразу пожалел.

— Господи... что это?

— Кофе.

— Нет. Кофе не может быть настолько злым.

— Может, если покупать его по акции возле вокзала.

Я поморщился.

— Такое ощущение, будто мне в рот насрали пеплом.

— Зато бодрит.

И ведь бодрил, зараза. Вольский открыл ящик стола. Достал новую папку. Тонкую. Серую. Без пометок. И вот тут его лицо стало другим. Без привычных шуточек. Без странностей. Только внимательный, уставший человек, который снова полез туда, где всё обязательно закончится плохо. Он бросил папку мне.

— Читай.

На первой странице была фотография мужчины. Лет сорок пять. Короткая борода. Дорогие часы. Разбитое лицо.

Подпись: КОСТИН ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ. 14 марта. Обнаружен мёртвым в собственной квартире.

Я перелистнул страницу. Фотографии места преступления. Кухня. Разбитый бокал. Кровь возле стола. Тело лежит на боку. Причина смерти: ножевое ранение в шею.

— Бытовуха? — спросил я.

— На первый взгляд.

— А на второй?

Вольский закурил.

— На второй кто-то очень старался, чтобы это выглядело как бытовуха.

Я снова посмотрел на фотографии. Квартира выглядела слишком... чистой. Не знаю, как объяснить. Когда люди убивают в ярости, они ломают пространство вокруг себя. А здесь всё было будто аккуратно разложено. Даже стул упал

слишком “красиво”.

— Кто нашёл тело?

— Соседка снизу. Услышала ночью шум.

— Подозреваемый есть?

Вольский кивнул.

— Уже сидит в изоляторе.

— Быстро.

— Потому что всё против него.

Он открыл следующую страницу. Фотография молодого парня. Худой. Нервный взгляд. Разбитая губа.

ЕГОР КОСТИН. Сын погибшего.

— Ну конечно, — пробормотал я.

— Ссорился с отцом последние два года. Долги. Наркота. Несколько драк.

— Отпечатки?

— Есть.

— Мотив?

— Есть.

— Алиби?

— Нет.

Я пролистнул дальше. Фотография ножа. Экспертиза. Показания соседей. Всё действительно выглядело слишком очевидно. Даже подозрительно очевидно.

— И что тебя смущает?

Вольский усмехнулся.

— Время смерти.

— А что с ним?

Он постучал пальцем по бумаге.

— Судмедэксперт поставил промежуток между 22:00 и 23:00.

— И?

— А соседка слышала крик в 23:40.

Я нахмурился.

— Ошибка эксперта?

— Три эксперта.

— Тогда кто кричал?

Вольский медленно затянулся сигаретой.

И очень спокойно сказал:

— Вот именно, Артём. — Пауза. — Кто кричал?

Я снова посмотрел на фотографии квартиры. Теперь внимательнее. Кухня. Тело. Разбитый бокал. Часы на стене. Стоп.

— Марк.

— М?

— Часы.

— Что с ними?

— Они показывают 23:41.

Вольский довольно усмехнулся.

— Молодец. Начинаешь смотреть, а не просто пялиться.

— Да иди ты.

Я снова всмотрелся в снимок. Часы действительно остановились. Секундная стрелка застряла. 23:41.

— Их задели во время драки?

— Не было драки.

— Тогда почему они остановились?

— Потому что кто-то очень хотел, чтобы мы думали, будто убийство произошло именно тогда.

Я откинулся на спинку стула.

— То есть сын всё-таки не убивал?

— Я этого не говорил.

— Но время не сходится.

— А это уже интересно, да?

Он вытащил ещё один снимок. Крупный план кухни. Я не сразу понял, что именно он показывает. Потом заметил. Микроволновка. На дисплее: 23:39.

— Так... стоп.

— Вот именно.

— Часы остановились в 23:41, микроволновка показывает 23:39... и соседка слышит крик в 23:40.

— Угу.

— Но экспертиза говорит, что человек умер минимум за час до этого.

Вольский ткнул в меня сигаретой.

— Добро пожаловать в нормальные расследования.

Я потёр лицо.

— Ладно. Допустим, время подделали. Но зачем?

— Чтобы подтвердить нужное алиби. Или уничтожить чужое.

Он встал. Подошёл к доске. Прикрепил фотографию убитого. Под ней — фото сына.

— Пока у нас один подозреваемый. Егор Костин.

Он написал под фотографией:

МОТИВ

МОЛГИ

КОНФЛИКТЫ

ОТПЕЧАТКИ

Потом обернулся ко мне.

— Но есть одна проблема.

— Какая?

— Егор левша.

Я моргнул.

— И?

— Удар нанесён справа налево.

Пауза.

— Убийца был правой.

Я медленно выдохнул.

— Вот же сука...

Вольский довольно кивнул.

— Именно.

— То есть сын отпадает?

— Почти.

— “Почти” мне уже не нравится.

— Потому что всё ещё хуже.

Он достал из папки ещё один лист. Протокол допроса.

— В ночь убийства в квартире был ещё один человек.

— Кто?

— Девушка погибшего.

Фотография. Женщина лет тридцати пяти. Очень красивая. Из тех людей, у которых улыбка выглядит дорогой.

ВИКТОРИЯ ЛЕБЕДЕВА

— Она была у него вечером. Соседи видели.

— И?

— Говорит, ушла в десять.

— Камеры?

— Подтверждают.

— Тогда при чём она?

Вольский положил передо мной фотографию бокала. Того самого разбитого.

— Отпечатки.

Я прищурился.

— Её?

— Только её.

— А убитого?

— Нет.

Я медленно поднял взгляд.

— Подожди... то есть бокал специально протёрли?

— Похоже на то.

— И тогда получается...

— Кто-то хотел показать, что она была последней, кто видел его живым.

Я нервно усмехнулся.

— Слишком очевидно.

— Именно.

Вольский подошёл к окну. Дождь снова начинался. Мелкий. Холодный.

— В таких делах, Артём, есть одно правило.

— Какое?

— Чем сильнее тебе тычут в лицо виновным — тем внимательнее смотри по сторонам.

Я снова открыл папку. Читал показания Виктории. Спокойная. Уверенная. Слишком уверенная. И тут одна фраза зацепила взгляд. “Дмитрий был в порядке, когда я уходила. Он собирался дожидаться брата.” Я поднял голову.

— Брата?

Вольский усмехнулся.

— А вот и второй подозреваемый. Он достал ещё одну фотографию. Мужчина лет пятидесяти. Лысеющий. Тяжёлый взгляд. **АНДРЕЙ КОСТИН**. Родной брат погибшего.

— Они общались?

— Терпеть друг друга не могли.

— Причина?

— Наследство.

— Ну конечно.

Вольский кивнул.

— Три года судились из-за недвижимости матери.

— Алиби?

— Вот тут начинается веселье.

Он бросил мне распечатку звонков. Я быстро пробежался глазами. И замер.

— Подожди... его телефон был возле дома убитого в 23:30.

— Угу.

— А он сказал, что был дома.

— Угу.

— Ну всё. Готово.

— Не спеши.

Я уже начал понимать, почему Вольский постоянно выглядит уставшим. Потому что в этих делах всё разваливается каждые пятнадцать минут.

— Что не так теперь?

Вольский ткнул пальцем в одну строчку. Исходящий звонок — 22:14

— И?

— В это время Дмитрий уже был мёртв.

Я нахмурился.

— Откуда известно?

— Желудок. Температура тела. Всё остальное.

— Тогда кто звонил?

Вольский усмехнулся. Мрачно.

— Хороший вопрос.

Он медленно прикрепил фотографию брата рядом с сыном. Два лица. Две почти идеальные версии. И обе уже начинали трещать по швам.

— Знаешь, что самое неприятное в таких историях? — спросил он.

— Что?

Он затушил сигарету. И спокойно ответил:

— Настоящий убийца обычно появляется ещё в самом начале. — пауза. — Просто никто не обращает на него внимания.

К вечеру кабинет уже выглядел как логово очень нервного маньяка. Фотографии. Стрелки. Распечатки звонков. Кружки с остатками отвратительного кофе. И Вольский, который курил так, будто пытался выиграть соревнование против собственных лёгких. Я сидел за столом и перечитывал показания соседей. Одни и те же строчки по третьему кругу. И вдруг кое-что щёлкнуло.

— Марк.

— М?

— Соседка снизу.

— Которая слышала крик?

— Да.

Я поднял лист.

— Она говорит, что сначала услышала громкий мужской голос. А уже потом крик.

— И?

— Она описывает фразу.

Вольский повернулся.

Я прочитал: “Я сказал — убери руки!”

Повисла пауза. Потом Вольский медленно подошёл ближе.

— И что тебя смущает?

— Если убийца пришёл убивать — зачем говорить “убери руки”?

Он несколько секунд молчал. А потом усмехнулся.

— Молодец.

— Это уже второй раз за день, запиши.

— Не испортить момент.

Он забрал лист. Снова перечитал показания.

И тихо сказал:

— Значит, в квартире был кто-то ещё.

— Или началась драка.

— Нет.

Он ткнул пальцем в фотографии.

— Следов борьбы почти нет.

— Тогда что?

Вольский медленно сел.

И очень спокойно произнёс:

— Кто-то кого-то остановил.

Я почувствовал, как внутри начинает собираться новая версия.

— Подожди... а если убийца был не один?

— Уже ближе.

Он открыл папку ещё раз. Достал новый документ.

— Сегодня утром пришла экспертиза по обувным следам.

Я посмотрел на лист. На кухне действительно были следы.

Несколько. Один принадлежал Егору. Второй — убитому. А третий...

— Женские туфли?

Вольский кивнул.

— Виктория.

— Но она ушла в десять.

— По её словам.

— Камеры видели её выходящей.

— Угу.

— Тогда...

И тут до меня дошло.

— Она могла вернуться.

Вольский улыбнулся уголком рта.

— И вот у нас появляется почти идеальный подозреваемый номер три.

Он прикрепил фотографию Виктории на доску. Рядом с братьями. Теперь три лица смотрели на нас со стены. И каждое выглядело достаточно виноватым.

— Мотив? — спросил я.

Вольский листнул бумаги.

— Дмитрий собирался её бросить.

— Откуда известно?

— Переписка.

Он бросил мне распечатку. Я быстро пробежался глазами.
Последнее сообщение от убитого:

“Я устал. Так дальше нельзя.”

Виктория ответила через минуту:

“Ты пожалеешь.”

Я присвистнул.

— Ну это уже совсем кино.

— Люди вообще любят превращать убийства в плохое кино.

Я снова посмотрел на фотографии.

— Получается, она возвращается. Они ругаются. Она убивает его.

— Почти красиво.

— Но?

— Но есть одна проблема.

Конечно. Куда же без неё.

— Какая теперь?

Вольский протянул мне заключение судмедэксперта. Я пролистнул. И замер.

— Подожди... рана нанесена сверху вниз.

— Угу.

— Но Виктория ниже убитого почти на голову.

— Угу.

— Да вы издеваетесь...

Вольский довольно кивнул.

— Начинаешь понимать моё отношение к человечеству?

Я устало потёр глаза.

— То есть она физически не могла ударить под таким углом?

— Могла, если бы Дмитрий лежал.

— А он стоял.

— Именно.

Я тяжело откинулся назад.

— Ладно. Кто следующий?

Вольский несколько секунд молчал. Потом достал из папки ещё одну фотографию. Мужчина лет тридцати. Спортивный. Слишком уверенное лицо. Из тех людей, которые улыбаются так, будто постоянно что-то скрывают.

ИГОРЬ МАЛЬЦЕВ

БИЗНЕС-ПАРТНЁР ПОГИБШЕГО

— О, прекрасно. У нас появился деловой партнёр. Значит сейчас будут деньги, долги и “он мне как брат был”.

— Почти угадал.

— Что у него?

Вольский бросил на стол банковскую выписку.

— За неделю до смерти Дмитрий вывел со счёта почти восемь миллионов.

— И?

— Деньги исчезли.

Я поднял брови.

— А партнёр об этом знал?

— Более того.

Он постучал пальцем по бумаге.

— Они из-за этого посрались за два дня до убийства прямо в офисе.

— Свидетели?

— Полно.

— Алиби?

Вольский усмехнулся. Очень нехорошо.

— Вот тут начинается самое интересное.

Он положил передо мной фотографию парковки возле дома убитого. Чёрно-белый кадр с камеры наблюдения. Время: 23:27. И на снимке стояла машина Мальцева. Я медленно выдохнул.

— Ну всё. Вот он.

— Почти.

— Господи, да сколько можно этих “почти”?!

Вольский закурил новую сигарету.

— Потому что через десять минут после этого его камера в клубе фиксирует.

— Где клуб?

— Другой конец города.

— Не успел бы.

— Именно.

Я уставился на фото машины. И вдруг нахмурился.

— Марк.

— М?

— А кто сказал, что за рулём был именно Мальцев?

Вольский медленно улыбнулся. И ткнул в меня сигаретой.

— Вот теперь ты начинаешь быть полезным.

За окном окончательно стемнело. Неон вывески напротив лениво мигал красным светом прямо в кабинет. Из-за этого лица на фотографиях временами казались живыми. Особенно Мальцев. У него вообще была такая рожа, будто он уже сидел в тюрьме, вышел и теперь думает, стоит ли возвращаться. Вольский стоял возле доски. Смотрел на все четыре фотографии. Сын. Брат. Любовница. Партнёр. Четыре почти идеальных подозреваемых. И четыре разваливающихся версии.

— Ненавижу такие дела, — пробормотал я.

— Почему?

— Потому что ощущение, будто убийца специально бежит перед нами голый и орёт “вот он я”, а мы всё равно смотрим не туда.

Вольский усмехнулся.

— Иногда так и бывает.

Он подошёл к столу. Взял папку. Долго листал молча. А потом вдруг замер.

— Так...

— Что?

— Интересно.

Он достал ещё один лист. Обычная распечатка. Телефон-

ные соединения.

— Смотри.

Я придвинулся ближе. Последний входящий звонок Дмитрию — 22:11. Номер не подписан. Без имени.

— Кто это?

— Сейчас узнаешь.

Вольский перевернул страницу.

И у меня внутри что-то щёлкнуло.

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

БЫВШАЯ ЖЕНА ПОГИБШЕГО

Я уставился на фотографию. Женщина лет сорока. Спокойное лицо. Уставшие глаза. Вообще не выглядела как человек, способный кого-то убить. А значит — идеально подходила.

— Только не говори, что у нас ещё и бывшая жена есть.

— Конечно есть. Это же убийство, а не утренник.

Я быстро пролистнул показания. Развод три года назад. Тяжёлый. Суды. Раздел имущества. Классика. Но одна строчка сразу зацепила внимание. “Поддерживали нейтральные отношения.”. Я хмыкнул.

— Когда люди в показаниях говорят “нейтральные отношения”, обычно это значит “мы мечтали убить друг друга”.

— Ты быстро учишься.

— Стараюсь выжить.

Вольский постучал пальцем по распечатке звонка.

— Разговор длился четыре минуты.

— И?

— После него Дмитрий отменил встречу с братом.
Я нахмурился.

— То есть Андрей вообще мог не приходить?

— Угу.

— Тогда почему его телефон был возле дома?

— Хороший вопрос.

Я снова посмотрел на фотографию Натальи.

— Что она говорит?

— Что звонила по поводу документов на дачу.

— И ты ей не веришь?

— Артём, я даже прогнозу погоды не верю.

Он бросил мне ещё один лист. Квитанция из ресторана.

Время: 22:48.

— Это её алиби?

— Да.

— Проверено?

— Камеры, официанты, карта оплаты.

— Тогда отпадает.

— Почти.

Я закрыл лицо руками.

— Да господи...

Вольский уже смеялся. Тихо. Уставше.

— Привыкай.

— У вас тут всегда расследование как попытка собрать шкаф без инструкции?

— Иногда хуже.

Я снова взял квитанцию. И вдруг понял, что именно меня цепляет.

— Марк.

— М?

— Ресторан на другом конце города.

— Угу.

— Но звонок был в 22:11.

— Угу.

— А если она была не одна?

Вольский медленно перестал улыбаться.

— Продолжай.

— Кто-то мог быть у Дмитрия вместо неё.

— Например?

Я посмотрел на доску. Четыре лица. Четыре версии. И вдруг осознал: они все связаны слишком очевидно. Словно нас специально водят кругами внутри одной семьи.

— Мы ищем только среди тех, кто был близко к нему.

— И?

— А если убийца вообще не из семьи?

Вольский молчал секунды три. Потом достал из папки последний конверт. Тонкий. Без подписи.

— Я ждал, когда ты до этого дойдёшь.

— Что это?

— Материалы, которые полиция почему-то решила не приобщать сразу.

— Почему “почему-то” звучит так подозрительно?

— Потому что у следователя IQ как температура майонеза.

Он высыпал фотографии на стол. Я начал перебирать их одну за другой. Парковка. Подъезд. Лифт. И вдруг — один снимок заставил меня замереть. Мужчина в тёмной куртке выходит из подъезда убитого. Лицо почти не видно. Кепка. Опущенная голова. Но время на снимке: 23:43.

— Это кто?

Вольский медленно сел напротив.

И спокойно сказал:

— А вот это, Артём...

Он закурил.

— Наш подозреваемый номер пять.

Я снова посмотрел на фотографию. Мужчина в кепке. Обычная куртка. Обычная походка. Из тех людей, которых ты забудешь через три секунды после встречи. Именно поэтому мне сразу стало не по себе.

— Лица вообще не видно.

— Угу.

— Тогда с чего вы решили, что это подозреваемый?

Вольский выдохнул дым.

— Потому что он выходит из подъезда через две минуты после “крика”.

— И?

— А жильцы дома его не знают.

Я прищурился.

— Может, курьер.

— В одиннадцать сорок ночи?

— Ну... наркокурьер?

— Артём.

— Да понял я.

Он подвинул ко мне ещё один снимок. Тот же человек. Уже на улице. И вот тут я заметил странность. Правая рука. Он держал её слишком неподвижно. Будто прятал травму. Или что-то в рукаве.

— Подожди...

Вольский кивнул.

— Камера плохо снимает, но эксперт говорит, что рукав испачкан кровью.

Я медленно выдохнул.

— Ну всё. Вот он.

— Возможно.

— Да хватит уже!

Вольский усмехнулся.

— Не нервничай. У тебя ещё волосы есть, а вот у меня расследования их давно съели.

Я снова уставился на фото. Что-то цепляло. Не мог понять что именно. Потом до меня дошло.

— Погодите... а почему полиция не искала его сразу?

Вольский помолчал.

Потом спокойно ответил:

— Потому что через час после убийства этот человек попал в больницу.

Я поднял взгляд.

— Что?

Он достал медицинскую выписку.

НЕИЗВЕСТНЫЙ МУЖЧИНА

ДТП

00:18

— Его сбила машина возле набережной.

— Он выжил?

— Да.

— И кто это?

Вольский бросил на стол ещё одну фотографию. Мужчина без кепки. Теперь лицо было видно. И я сразу понял: где-то уже видел его фамилию.

РОМАН ЖУКОВ

ВОДИТЕЛЬ ДМИТРИЯ КОСТИНА

Я медленно поднял голову.

— Так. Стоп.

— Именно.

— Личный водитель?

— Пять лет работал на убитого.

— И никто не подумал о нём раньше?!

— Потому что он лежал в реанимации и выглядел как человек, которого переехала сама жизнь.

Я снова посмотрел на фото. Спокойное лицо. Слишком

спокойное.

— Мотив?

— Тут красиво.

Вольский достал банковскую выписку.

— За три дня до убийства Костин собирался его уволить.

— Причина?

— Пропажа денег.

Я замер.

— Тех самых восьми миллионов?

— Угу.

— Ну вот и всё!

— Почти.

Я закрыл глаза.

— Марк, я вас умоляю...

Он уже смеялся.

— Не могу. Это сильнее меня.

— Что теперь не так?

Вольский постучал пальцем по выписке.

— Деньги исчезли после смерти Костина.

Пауза.

— Что?

— Со счёта их вывели утром следующего дня.

Я почувствовал, как внутри щёлкнуло что-то неприятное.

— Но если водитель убийца...

— То зачем ждать?

— И как он вообще перевёл деньги из реанимации?

— Молодец.

Я встал. Прошёлся по кабинету. Потому что мозг уже начинал кипеть. Пять подозреваемых. И каждый выглядел идеально ровно до того момента, пока не появлялась новая деталь. Сын не мог нанести удар. Любовница не подходила по росту. Брат не должен был быть в квартире. Партнёр физически не успевал. Водитель лежал в больнице. И каждый раз оставалось ощущение: мы стоим в сантиметре от разгадки. Но смотрим не туда. Вольский тем временем тихо листал бумаги. И вдруг замер. Очень медленно поднял взгляд.

— Ох ты ж...

— Что?

Он не ответил. Только вытащил ещё одну фотографию. Совсем свежую. Сделанную уже полицией. Я подошёл ближе. Это была прихожая квартиры убитого. Обычная. Но Вольский указывал не на неё. А на зеркало возле двери. Точнее — на отражение. Я прищурился. И сердце неприятно дёрнулось. Потому что в отражении виднелся человек. Почти полностью обрезанный краем кадра. Только часть лица. И рука. С фотоаппаратом.

— Это криминалист? — спросил я.

Вольский медленно покачал головой.

— Нет.

— Тогда кто?

Он ткнул пальцем в дату снимка.

— Фото сделали до приезда следственной группы.

У меня внутри стало холодно.

— Подождите...

Вольский очень спокойно произнёс:

— А вот теперь, Артём...

Он прикрепил фотографию к доске. Рядом с остальными.

— У нас появляется подозреваемый номер шесть.

Мы молча смотрели на фотографию. На кусок чужого лица в зеркале. Размытый. Случайный. Но почему-то именно он пугал сильнее всех предыдущих версий. Потому что остальные хотя бы были понятны. Семья. Деньги. Любовь. Обида. Обычные человеческие причины. А этот человек вообще не должен был находиться в квартире.

— Кто первым приехал на место? — спросил я.

Вольский уже листал бумаги.

— Патруль.

— До следственной группы?

— Да.

— И кто из них был внутри?

Он достал протокол. Быстро пробежался глазами. Потом хмыкнул.

— Интересно.

— Что теперь?

— Один из полицейских отсутствует на общем фото с места преступления.

— И?

— По документам он там был.

— Может, курить выходил.

— А может, нет.

Он вытащил фотографию патрульных. Два человека возле подъезда. Третий действительно отсутствовал.

Только подпись внизу:

СЕРЖАНТ ОРЛОВ

СТАРШИЙ НАРЯДА

— Где он сейчас?

— В отпуске.

— Конечно.

— Уехал за день до того, как начали всплывать странности по делу.

Я устало выдохнул.

— Марк... скажите честно. У нас в стране вообще хоть кто-то не выглядит подозрительно?

— Пенсионеры в автобусах. Но это не точно.

Он прикрепил фотографию Орлова на доску. Шесть лиц. Шесть почти готовых версий. Сын. Брат. Любовница. Партнёр. Водитель. Полицейский. И кабинет вдруг стал каким-то тесным. Будто все эти люди сейчас молча смотрели на нас со стены. Я подошёл ближе. Начал медленно читать заметки под каждой фотографией. И тут до меня дошло кое-что странное. Очень странное.

— Марк.

— М?

— А вы заметили, что все версии построены вокруг вре-

мени?

Он медленно повернулся.

— Продолжай.

— Везде одно и то же. Кто где был. Во сколько пришёл. Во сколько ушёл. Во сколько кричали. Во сколько звонили.

— И?

— А если время смерти определено неправильно?

Вольский замер. Прямо по-настоящему. Потом очень медленно снял сигарету с губ.

— Повтори.

— Что если эксперты ошиблись?

— Три эксперта?

— Или кто-то заставил их ошибиться.

Тишина. Вольский подошёл к доске. Смотрел на фотографии так долго, будто впервые их видел.

Потом вдруг сорвал бумажку с надписью:

22:00–23:00

И швырнул её на стол.

— Твою мать...

— Что?

Он резко открыл папку. Начал лихорадочно листать страницы. Быстро. Очень быстро. Потом вытащил фото тела. Почти ткнул мне в лицо.

— Смотри на кровь.

— Ну кровь и кровь.

— Нет. Смотри внимательно.

Я прищурился. И вдруг заметил. Крови под телом было слишком мало. Для ранения в шею — слишком мало.

— Подождите...

— Его убили не там.

У меня внутри всё оборвалось.

— Что?..

— Тело перенесли.

Он уже ходил по кабинету быстрыми шагами. В таком состоянии Вольский начинал напоминать человека, которого током ударило прямо в мозг.

— Вот почему сцена выглядит постановочной... вот почему всё слишком аккуратно...

Он резко повернулся ко мне.

— Артём, мы всё это время искали убийцу не там.

— В смысле?!

— Костина убили раньше. В другом месте.

— Тогда зачем тело привезли домой?

— Чтобы подставить кого-то из близких.

Я почувствовал, как внутри медленно начинает складываться совсем другая картина. Не бытовуха. Не ссора. Не вспышка ярости. А очень холодное, аккуратное убийство. С заранее подготовленной сценой. Шесть подозреваемых. Шесть ложных следов. словно кто-то специально строил лабиринт. И тут Вольский вдруг остановился. Совсем. Посмотрел на доску. Потом на меня.

И тихо сказал:

— Артём...

— Что?

— А кто вообще вызвал полицию?

Я замер. Потому что понял: мы ни разу об этом не говорили. Вольский медленно открыл первый протокол. Нашёл строчку. И повернул лист ко мне.

ВЫЗОВ ПОСТУПИЛ В 23:47

ЗВОНIVШАЯ: СОСЕДКА СНИЗУ

ЛИДИЯ ИЛЬИНИЧНА МАЛЫШЕВА

Я нахмурился.

— Ну и?

Вольский смотрел на строчку очень внимательно. Слишком внимательно.

А потом тихо спросил:

— Артём... а ты помнишь хоть что-нибудь про эту соседку кроме крика?

Я открыл рот. И тут же закрыл. Потому что понял: нет. Мы действительно почти ничего не знали про соседку. Только то, что она слышала крик. И именно это мне сразу не понравилось. Слишком рано. Слишком удобно. Слишком похоже на очередную “идеальную” версию, которая через десять минут развалится.

— Не нравится мне это, — пробормотал я.

— Что именно?

— То, как вы смотрите.

— А как я смотрю?

— Как человек, который уже мысленно посадил пенсионерку за двойное убийство и кражу пенсии.

Вольский усмехнулся.

— Не. Пенсионеры — самые страшные люди, но тут я пока не уверен.

Он снова сел за стол. Закурил. Очень задумчиво. Я подошёл к доске. Шесть фотографий. Шесть версий. И чем дольше я на них смотрел, тем сильнее было ощущение, что нас специально таскают кругами. Словно каждая новая улика существовала только для того, чтобы отменить предыдущую. Я ткнул пальцем в фотографию Натальи — бывшей жены.

— Меня всё ещё смущает она.

Вольский кивнул.

— Меня тоже.

— Слишком чистое алиби.

— Угу.

— И слишком правильное поведение.

Я снова открыл её показания. Ни одной лишней эмоции. Ни одной ошибки. Словно человек заранее готовился разговаривать со следствием.

И тут взгляд зацепился за строчку:

“После звонка Дмитрий был очень раздражён.”

Я медленно поднял голову.

— Марк.

— М?

— Откуда она знает, каким он был после звонка?

Вольский замер. Потом медленно улыбнулся. Очень нехорошо.

— Вот это уже интересно.

Я быстро пролистнул дальше. И почувствовал, как внутри снова начинает складываться новая версия.

— Подождите... если они говорили по телефону в 22:11...

— То?

— Откуда ей знать, что было после разговора?

Вольский медленно постучал сигаретой по столу.

— Если только...

— Она не видела его лично.

Тишина. Мы одновременно посмотрели на ресторанный квитанцию. И тут я впервые заметил странность.

— Время оплаты — 22:48.

— Угу.

— Но не время прихода.

Вольский уже улыбался.

— Молодец.

— Она могла приехать туда позже.

— Или вообще дать карту другому человеку.

Я почувствовал, как версия снова оживает.

— То есть бывшая жена всё ещё в игре.

— Более чем.

Он встал. Подошёл к доске.

Под фотографией Натальи написал:

АЛИБИ МОГЛО БЫТЬ ПОДСТАВНЫМ

И в этот момент зазвонил телефон. Старый городской аппарат на столе Вольского. Тот самый, который всегда звонил так, будто сообщал о начале войны. ТРРРРР. Вольский взял трубку.

— Да.

Пауза. Ещё пауза. Потом его лицо стало серьёзнее.

— Когда?

Он посмотрел на меня.

— Понял. Едем.

Положил трубку. Я уже натягивал куртку.

— Что случилось?

— Наш водитель очнулся.

— Жуков?

— Ага.

— И?

Вольский взял ключи.

— И он утверждает, что видел убийцу.

Больница пахла хлоркой, дешёвым кофе и человеческим отчаянием. Жуков лежал в палате у окна. Лицо разбито. Правая рука в гипсе. Под глазом огромный синяк. Но глаза — живые. Очень внимательные. Из тех, что сразу оценивают, сколько ты стоишь и можно ли тебе врать. Когда мы вошли, он сразу напрягся.

— Вы кто?

Вольский показал удостоверение.

— Частные.

— Тогда я ничего не обязан говорить.

— Не обязан.

Вольский спокойно сел напротив.

— Но очень хочется.

Жуков несколько секунд молчал. Потом криво усмехнулся.

— Дмитрий тоже любил вот так разговаривать.

— Поэтому он сейчас в морге, а ты в гипсе.

Тишина. Жуков отвёл взгляд.

— Я его не убивал.

— Верю.

— Правда?

— Нет.

Жуков нервно усмехнулся. Я смотрел на его руку. Правую. Гипс. И тут до меня дошло. Я медленно повернулся к Вольскому. Он понял одновременно со мной. Рука. Правая. Та самая рука, которой человек на фото прикрывал рукав.

Вольский очень спокойно спросил:

— Тебя сбили ДО убийства или ПОСЛЕ?

Жуков замер. Всего на секунду. Но этого хватило.

— После.

— Время?

— Не помню.

— А я вот помню.

Вольский наклонился ближе.

— 00:18.

Жуков сглотнул. И тут впервые по-настоящему испугался.

— Я ничего не делал.

— Тогда почему соврал про время аварии?

Тишина. Долгая. Тяжёлая.

А потом Жуков тихо сказал:

— Потому что в квартире был не я.

Повисла пауза.

— А кто? — спросил я.

Жуков медленно поднял взгляд.

И ответил:

— Наталья.

В палате стало тихо. Даже слишком. Только аппарат рядом с кроватью лениво пищал, как человек, которому уже надоело участвовать в чужих проблемах. Я посмотрел на Жукова. Он не выглядел как человек, который врёт ради красоты истории. Он выглядел как человек, который очень долго пытался не говорить лишнего. Вольский сидел неподвижно. Только сигарету в пальцах медленно крутил, хотя курить здесь было нельзя. Что, конечно, никогда его особо не останавливало.

— Повтори, — спокойно сказал он.

Жуков тяжело выдохнул.

— Я видел Наталью возле подъезда.

— Во сколько?

— Около половины двенадцатого.

У меня внутри снова всё перекрутилось.

— Но она была в ресторане.

— Значит, не всё время.

Вольский чуть наклонил голову.

— И что она делала?

— Нервничала.

— Очень информативно.

— Да пошёл ты.

— Уже был. Продолжай.

Жуков поморщился от боли.

— Она с кем-то разговаривала по телефону. Очень зло.

— Слышал что-нибудь?

— Только конец.

— Какой?

Жуков несколько секунд молчал.

Потом тихо произнёс:

— Я не собираюсь опять всё делать за тебя.

Вольский перестал крутить сигарету. Я тоже замер. Потому что фраза была странной. Очень. Не “я тебя убью”. Не “не приезжай”. А именно: “опять всё делать за тебя”. Будто между Натальей и кем-то существовала какая-то старая история. Старый долг. Старая привычка прикрывать чужую задницу.

Вольский спокойно спросил:

— И кому она это говорила?

— Не знаю.

— Номер видел?

— Нет.

— А потом?

Жуков отвёл взгляд к окну.

— Потом она вошла в подъезд.

У меня внутри что-то щёлкнуло.

— Подождите... а вы зачем вообще были возле дома?

Жуков резко напрягся. Слишком резко. Вольский это тоже заметил.

— Хороший вопрос, Артём.

Жуков молчал. Вольский тихо вздохнул.

— Слушай, Роман. Ты либо сейчас начинаешь говорить нормально, либо я найду полицейских, которым скучно. А скучающие полицейские — это страшные люди.

Жуков грязно выругался себе под нос.

Потом всё-таки сказал:

— Дмитрий попросил меня привезти кое-что.

— Что именно?

— Папку.

Мы с Вольским переглянулись.

— Какую папку?

— Не знаю.

— Врёшь.

— Да реально не знаю!

Он поморщился снова.

— Коричневая. Без надписей.

— И где она?

— Исчезла.

Вольский медленно прищурился.

— Так...

— Я поднялся наверх... дверь уже была открыта...

— И?

— А потом слышал голос Натальи.

У меня внутри всё похолодело.

— Она была в квартире?

— Да.

— И что она делала?

Жуков нервно сглотнул.

— Ругалась с кем-то.

— С Дмитрием?

— Нет.

Тишина.

Вольский очень спокойно спросил:

— Тогда с кем?

Жуков посмотрел сначала на него. Потом на меня.

И тихо ответил:

— С полицейским.

Я почувствовал, как кабинет внутри моей головы окончательно загорелся.

— Орловым?

— Не знаю фамилию.

— Опиши.

— Высокий. Короткая стрижка. Куртка тёмная.

Мы снова переглянулись. Вольский медленно достал фо-

тографию сержанта Орлова. Положил перед Жуковым. Тот сразу кивнул.

— Он.

Повисла тяжёлая тишина. Теперь всё стало ещё хуже. Намного хуже. Потому что внезапно полицейский перестал быть случайной странностью в отражении. Он оказался внутри квартиры ещё ДО официального приезда полиции. Я медленно опустился на стул возле стены.

— Да вы издеваетесь...

Вольский молчал. Долго. Очень долго.

А потом вдруг тихо сказал:

— Нет.

— Что “нет”?

— Это всё ещё слишком очевидно.

Я уставился на него.

— Марк, у нас полицейский в квартире с бывшей женой убитого ночью ДО приезда следствия. Куда ещё очевиднее?!

— Вот именно.

Он встал. Начал медленно ходить по палате.

— Слишком красиво складывается.

— Может, потому что это правда?

— Нет.

Он резко повернулся ко мне.

— Артём, запомни одну вещь. Когда в деле внезапно появляется коррумпированный мент — это либо разгадка... либо очень удобная ширма.

Жуков тихо пробормотал:

— Он не выглядел как человек, который пришёл убивать.

— А как кто?

Жуков нахмурился. Долго вспоминал.

Потом тихо сказал:

— Как человек, который чего-то боится.

Глава 5

Обратно в офис мы ехали молча. Дождь снова лупил по лобовому стеклу моей семёрки. Дворники работали с таким звуком, будто по стеклу водили наждачкой. Вольский курил в приоткрытое окно. Я держал руль одной рукой и пытался уложить всё в голове. Безуспешно.

— То есть у нас теперь бывшая жена и мент? — спросил я.

— Возможно.

— “Возможно” скоро станет вашим надгробием.

— Зато честным.

Я тяжело выдохнул.

— Не нравится мне это.

— Что именно?

— Всё.

И это была правда. Дело переставало быть обычным убийством. Точнее оно слишком старательно пыталось казаться

обычным. А это всегда плохой знак.

Когда мы поднялись в офис, Вольский сразу направился к компьютеру. Старый системник загудел так, будто внутри проснулся трактор.

— Что вы ищете?

— Полный отчёт по обыску квартиры.

— Мы же уже всё просмотрели.

— Нет.

Он открыл архив файлов.

— Мы просмотрели только то, что полиция посчитала важным, — пауза. — А полиция обычно либо тупая, либо ленивая. Иногда оба варианта сразу.

Я сел рядом. Вольский листал фотографии. Кухня, спальня, ванная. И вдруг остановился.

— Так...

Я наклонился ближе. На фото была спальня убитого. Смятая кровать, шкаф, пол, и маленький розовый кусок ткани возле тумбочки.

— Это что?

Вольский приблизил снимок. Я почувствовал, как внутри стало мерзко. Женские трусы. Очень маленькие. Слишком маленькие.

— Они проверили ДНК? — спросил я.

— Нет.

— Почему?!

— Потому что они принадлежат горничной.

Я медленно повернулся.

— Какой ещё горничной?

Вольский уже открывал новый файл. Фотография девушки. Тайка. Молодая, очень красивая. Слишком уставшие глаза.

ПИМЧАНОК СУРИЯ. ДОМАШНИЙ ПЕРСОНАЛ

— Дмитрий нанял её полгода назад.

— И спал с ней?

— Регулярно.

Я поморщился.

— Классный мужик был.

— О, подожди.

Вольский открыл следующий документ. И тут у меня внутри что-то неприятно сжалось. Потому что рядом с фотографией Пимчанок стояла ещё одна. Девочка. Лет пятнадцать максимум, может меньше. Тёмные волосы, испуганный взгляд.

ЛАЛИЯ СУРИЯ. ДОЧЬ

Повисла тишина. Очень нехорошая. Вольский молча открыл папку “VIDEO”.

— Только не говорите...

— Да.

Он нажал пробел. На экране появилась спальня. Та самая. Дата в углу: за две недели до убийства. Я сразу отвернулся. Не потому что был нежным, а потому что стало физически противно. Вольский через пару секунд выключил ви-

део. В кабинете повисла тишина. Только системник шумел. И дождь за окном.

— Господи... — тихо сказал я.

Вольский ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел в монитор. Очень спокойно. Слишком спокойно. И это было хуже всего.

— Он каждый день это снимал? — спросил я.

— Судя по папкам и количеству файлов - да.

Я почувствовал, как внутри начинает закипать злость.

— Так может его вообще правильно убили?

— Не путай эмоции с расследованием.

— Да как тут не путать?!

Вольский медленно повернулся ко мне.

— Потому что как только начинаешь радоваться смерти человека, то перестаёшь искать правду.

Тишина. Я выдохнул. Он был прав. И меня это бесило. Вольский тем временем открыл журнал посещений квартиры.

— Интересно...

— Что?

— Горничная исчезла за день до убийства.

— В смысле?

— Телефон выключен. На работу не выходит. По адресу проживания никого.

Я медленно сел обратно.

— Ну всё.

— Не спеши.

— Да вы издеваетесь?!

— Немного.

Он закурил. Смотрел на фото девочки. Долго.

Потом тихо сказал:

— Вот теперь у нас действительно появляется мотив для убийства.

Я кивнул. Потому что тут мотив был уже не просто понятным. Он был железобетонным.

— Мать узнаёт про дочь. Убивает его.

— Возможно.

— Или сама девочка.

— Тоже возможно, но вероятность меньше.

— Или обе.

— Возможно.

Я закрыл лицо руками.

— Когда-нибудь вы скажете что-то определённое?

— Конечно, — пауза. — Когда расследование закончится.

Я тяжело выдохнул. И тут вдруг заметил кое-что странное. На одном из видео в углу комнаты виднелись часы с датой и временем. 23:32. Я замер и медленно поднял взгляд.

— Марк.

— М?

— Это видео...

— Что?

— Оно снято в ночь убийства.

Тишина. Вольский резко повернулся к монитору. Я перемотал файл назад. Дата: 14 марта, 23:32. А на видео живой Дмитрий Костин. Улыбающийся, разговаривающий с кем-то за кадром. Живой. Хотя, по экспертизе, он уже должен был быть мёртв минимум полтора часа. В кабинете стало очень тихо.

Потом Вольский медленно произнёс:

— Ну вот.

— Что “вот”?!

Он посмотрел на доску с шестью подозреваемыми. И очень спокойно сказал:

— А теперь у нас нет ни одного алиби вообще.

Они приехали примерно через 2 часа. Пимчанок смотрела на фотографию с отражением в зеркале так, будто увидела призрака. Руки дрожали. Лалия сидела рядом неподвижно. Слишком неподвижно. Вольский медленно подвинул фотографию ближе.

— Кто это?

Пимчанок сглотнула.

И тихо ответила:

— Человек... который помогал Дмитрию.

— В чём именно?

Она долго молчала.

Потом прошептала:

— В его грязных делах.

Когда они ушли, в кабинете повисла тяжёлая тишина. Я

смотрел на доску. Шесть подозреваемых давно перестали быть просто подозреваемыми. Они начали напоминать людей, которых кто-то специально сталкивает друг с другом. Будто убийца заранее понимал: чем грязнее окажется жертва, тем проще будет потеряться среди мотивов. Вольский стоял у окна. Курил. И молчал.

— Ну? — спросил я.

— Что “ну”?

— Выглядите так, будто уже что-то поняли.

— Нет. — пауза. — И это меня бесит.

Он резко повернулся. Подошёл к доске. Снял фотографию Натальи. Потом фотографию Жукова. Потом Орлова.

— Слишком много людей знали, какой Костин мразь.

— Это плохо?

— Это идеально для убийцы.

Я нахмурился.

— В смысле?

Вольский ткнул сигаретой в фотографии.

— Чем больше у жертвы врагов, тем легче спрятаться среди них.

И тут зазвонил телефон. Старый городской аппарат снова взревел так, будто ему лично не нравилась наша жизнь. Вольский поднял трубку. Слушал секунд двадцать.

Потом очень медленно произнёс:

— Интересно...

Положил трубку. Посмотрел на меня.

— У Костина была мать.

— Поздравляю.

— Не ёрничай. Она только что вернулась в город.

Нина Андреевна Костина жила в старом доме на окраине.

Когда мы вошли, она уже ждала нас на кухне. Седая, аккуратная, очень спокойная. Из тех пожилых женщин, рядом с которыми автоматически начинаешь говорить тише. Но глаза у неё были тяжёлые. Очень. Она поставила перед нами чай.

— Спрашивайте.

Вольский сел напротив.

— Когда вы в последний раз видели сына?

— За неделю до смерти.

— Общались хорошо?

Нина Андреевна усмехнулась. Горько.

— Дмитрий не умел “хорошо”.

Я заметил на её руке свежий порез. Тонкий, почти заживший. И Вольский заметил тоже.

— Откуда?

Она спокойно посмотрела на ладонь.

— Банка с огурцами.

— Конечно.

Пауза.

Потом Вольский очень спокойно спросил:

— Вы знали про видео?

И вот тогда она впервые изменилась в лице. Совсем

немного. Но достаточно.

— Какие видео?

— Те, которые нашли у вашего сына.

Тишина. Она отвернулась к окну. И тихо сказала:

— Я всегда знала, что он плохо кончит.

У меня внутри что-то неприятно дёрнулось.

— Вы ненавидели его?

Она долго молчала.

А потом ответила:

— Иногда мать - единственный человек, который знает, каким чудовищем вырос её ребёнок.

Когда мы вышли из квартиры, дождь уже почти закончился. Я закурил прямо под подъездом.

— Ну всё, — сказал я. — Теперь ещё и мать.

Вольский молчал. Слишком долго. Потом вдруг сказал:

— Нет.

— Что “нет”?

— Тут что-то не сходится.

— Да у нас вообще ничего не сходится.

Он посмотрел на меня.

— Именно.

Муж Пимчанок появился сам. Поздно ночью. Маленький худой таец в дешёвой куртке. Нервный. Испуганный.

Он вошёл в кабинет и сразу сказал:

— Я хочу сделку.

Вольский даже бровью не повёл.

— Уже интересно.

Мужчина сел. Постоянно оглядывался.

Потом тихо сказал:

— Они врут.

— Кто?

— Пимчанок. И Лалия.

Тишина. Я почувствовал, как внутри снова начинает собираться новый пазл. Очень плохой пазл. Мужчина вытащил из кармана старую папку. Фотографии, документы, медицинские справки. И когда Вольский начал их читать, у него впервые за вечер изменилось лицо. По-настоящему.

— Твою мать... — тихо сказал он.

Я выхватил бумаги и замер. Пимчанок было не двадцать шесть. Сорок три, а Лалие двадцать. Я уставился на фотографию девушки. Та же внешность. Те же детские черты лица. Но дата рождения была настоящей.

— Какого хрена?..

Мужчина нервно потёр руки.

— Болезнь.

— Какая?

— Редкое нарушение работы гипофиза и гормонов роста. Организм почти не развивался нормально. — как заученную фразу без ошибок произнёс он

Я снова посмотрел на Лалию на фотографии. И почувствовал, как внутри всё переворачивается. Потому что теперь вся история выглядела совсем иначе. Совсем.

— Они делали так раньше? — тихо спросил Вольский.
Мужчина кивнул.

— Много раз.

— Сколько?

— Около двадцати.

В кабинете стало тихо. Очень тихо.

Мужчина продолжал:

— Они искали богатых мужчин. Сначала Пимчанок устраивалась работать. Потом начинала отношения. Потом рассказывала историю про долги. Потом появлялась Лалия.

— А видео?

— Настоящие. Но всё добровольно. Они потом шантажировали людей.

Я медленно опустился на стул. В голове будто что-то рухнуло. Потому что вся жалость, весь ужас, вся картина внешне оказались частью очень грязной схемы. Вольский сидел неподвижно. Потом медленно закрыл папку.

И тихо сказал:

— Вот теперь всё снова меняется.

— Они убили Костина? — спросил я.

Вольский посмотрел на фотографии. Долго. Очень долго. А потом спокойно ответил:

— Нет, — пауза. — Но теперь у нас ещё больше причин, почему кто-то мог захотеть его убить.

Утром Вольский лично передал материалы в полицию. Признания, документы, записи, историю схемы. Пимчанок и

Лалию задержали в тот же день. Когда их выводили из участка, Лалия впервые посмотрела прямо на меня. Без страха, без слёз. Только с холодной усталостью человека, который слишком долго жил чужими ролями. И тогда я вдруг понял одну очень неприятную вещь. Даже сейчас, после всего. Мы всё ещё не знали, кто убил Дмитрия Костина. Казалось, дело наконец начинает складываться. И именно поэтому я сразу понял: сейчас всё опять рухнет.

Вольский сидел за столом, перебирая новые материалы. За последние двое суток дело разрослось настолько, что папки уже не помещались в шкаф. Костин оказался не просто убитым бизнесменом. Он был коллекцией чужой ненависти. Каждый новый человек приносил ещё одну причину, почему его могли убить. И именно это начинало раздражать больше всего. Потому что настоящий убийца всегда где-то внутри этой толпы. Просто стоит чуть тише остальных.

Я допивал кофе, когда в дверь постучали. На пороге стоял мужчина лет сорока пяти. Худой, сутулый. В дешёвом пальто. Из тех людей, которых жизнь долго жевала и выплюнула обратно. Он нервно снял кепку.

— Мне нужен Вольский.

Марк даже головы не поднял.

— Уже нужен. Заходи.

Мужчина вошёл. Осторожно сел. Долго мямл кепку в руках.

Потом сказал:

— Я знал Диму.

— Сочувствую, — сухо ответил Вольский.

Мужчина криво усмехнулся.

— Мы вместе учились.

Я насторожился. Потому что такие люди никогда не приходят просто поговорить.

— Имя? — спросил Вольский.

— Сергей Лядов.

Он вытащил из кармана старую фотографию. Школьную. На ней стояли подростки. И среди них — молодой Костин. Улыбающийся, живой. Рядом с ним Лядов. И ещё один парень, которого я сразу узнал по взрослым фотографиям. Андрей Костин. Брат.

— И что вы хотите нам рассказать? — спросил я.

Лядов долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Дима был мразью ещё в школе.

Вольский наконец поднял взгляд.

— Продолжай.

— Он ломал людей. Просто потому что ему нравилось, — пауза. — А однажды он уничтожил жизнь одному человеку.

Он вытащил ещё одну папку. Старую. Пожелтевшую. Медицинские документы, фотографии, справки. И, когда я начал читать, внутри снова стало неприятно холодно. Парень по имени Илья Савельев. Одноклассник Костина. В семнадцать лет попытался покончить с собой. Причина: много-

летняя травля. В документах мелькали показания учителей, слова психолога, записи о драках. И фамилия Костина встречалась почти везде.

— Савельев выжил? — тихо спросил я.

Лядов покачал головой.

— Нет.

Тишина. Вольский медленно листал бумаги.

Потом спросил:

— И зачем вы принесли это сейчас?

Лядов посмотрел прямо на него.

— Потому что я убил бы Диму сам. Если бы меня кто-то опередил.

Повисла пауза. Очень нехорошая. Я медленно поднял взгляд.

— Что?

Лядов достал сигареты. Руки у него дрожали.

— После школы я двадцать лет мечтал его задушить.

— Где вы были в ночь убийства?

— Дома.

— Свидетели?

— Нет.

— Красиво.

Лядов горько усмехнулся.

— Да знаю.

Но дальше стало хуже. Потому что он достал ещё одну вещь. Нож. Старый складной нож. В пакете.

— Это был мой нож.

У меня внутри что-то щёлкнуло.

— Что?..

— Я подарил его Диме после школы.

Вольский очень медленно взял пакет. Смотрел на нож долго.

Потом тихо спросил:

— Хотите сказать, что убили его этим?

Лядов покачал головой.

— Нет, — пауза. — Но я узнал нож на фотографиях из дела.

В кабинете стало тихо. Слишком тихо. Потому что теперь всё выглядело идеально. Старый друг, ненависть длиной в двадцать лет, оружие убийства, отсутствие алиби.

Вот он. Готовый убийца. Я уже почти чувствовал, как история начинает закрываться. И именно в этот момент зазвонил телефон Вольского. Он взял трубку. Слушал секунд тридцать.

Потом очень медленно произнёс:

— Понял.

Положил трубку и устало потёр лицо.

— Ну?

Он посмотрел сначала на меня. Потом на Лядова.

И тихо сказал:

— У сына железное алиби.

— Что?

— Камеры в букмекерской конторе. Он там всю ночь.
Я моргнул.

Вольский продолжил:

— Брат Костина — тоже. Настоящий звонок шёл через подмену геолокации. Телефон реально был дома.

— Виктория?

— Вылет из города подтверждён. Она действительно уехала раньше.

— Мальцев?

— Машину брал его механик. Есть запись сервиса.

— Наталья?

— Ресторан подтвердил не только оплату. Она весь вечер была на корпоративе под камерами.

— Орлов?

Вольский тяжело выдохнул.

— Работал по другому вызову. Нашли записи с регистратора патруля.

Я почувствовал, как внутри всё медленно проваливается. Потому что внезапно все версии умерли одновременно. Все. Кроме одной. Я медленно повернулся к Лядову. Он сидел неподвижно, смотрел в пол. И выглядел человеком, который уже мысленно надел наручники. Вольский долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Вот теперь всё слишком идеально.

Глава 6

Дождь закончился только под утро. Город выглядел так, будто его всю ночь пытались отмыть от чего-то очень грязного и в итоге бросили на середине. Я стоял у окна кабинета и смотрел, как первые маршрутки ползут по мокрым улицам. Вольский не спал вообще. Сидел за столом, курил одну за другой и смотрел на фотографию Лядова.

— Вы же сами сказали, что всё слишком идеально, — произнёс я.

— Сказал.

— Тогда почему он всё ещё главный подозреваемый?

— Потому что иногда идеальные вещи всё-таки настоящие.

Я тяжело выдохнул.

— Ненавижу ваши ответы.

— А я - людей.

Он потянулся за новой сигаретой, но пачка оказалась пустой. Вольский раздражённо смял её и бросил в урну. Не попал. Это был плохой знак. Когда Марк начинал промахиваться - значит, мозг у него уже работает быстрее организма.

— Давайте по порядку, — сказал я. — У нас человек без алиби. Человек, который ненавидел Костина двадцать лет. Человек, чей нож нашли рядом с телом.

— Угу.

— Что тогда не так?

Вольский долго молчал.

Потом тихо ответил:

— Он слишком готов быть виновным.

Я нахмурился.

— В смысле?

— Ты заметил, как он разговаривал?

Я вспомнил Лядова. Сутулого, уставшего, сломанного.

— Ну...

— Он пришёл к нам не оправдываться. — пауза. — Он пришёл сдаваться.

Тишина. Я медленно повернулся. И только сейчас понял: да. Лядов ни разу не пытался убедить нас в своей невинности. Вообще. Наоборот, будто специально подкладывал под себя улики. Нож, историю с Савельевым, признание ненависти. Всё выглядело так, словно человек очень хотел, чтобы его посчитали убийцей.

— Думаете, покрывает кого-то?

— Возможно.

— Кого?

— Пока не знаю.

Вольский встал. Подошёл к доске. На ней уже почти не осталось свободного места. Красные нитки, фотографии, даты, телефонные распечатки. Всё это напоминало карту безумия. Он долго смотрел на фотографии. Потом вдруг снял одну из них. Нина Андреевна, мать Костина. Я нахмурился.

— Опять она?

— А что мы про неё знаем?

— Ну... она ненавидела сына.

— Этого мало.

— Порез на руке.

— Банка с огурцами.

— И вы ей не поверили.

— Я никому не верю.

Он прикрепил рядом новую бумагу.

ЗАВЕЩАНИЕ

Я удивлённо посмотрел на него.

— Откуда это?

— Нотариус прислал.

— И?

Вольский медленно усмехнулся. Очень нехорошо.

— После смерти Костина почти всё имущество переходит матери.

Я замер.

— Сколько “почти всё”?

— Несколько квартир. Доля в фирме. Счета. — пауза. —

Около двухсот миллионов.

У меня внутри неприятно дёрнулось.

— Неплохо для пенсионерки.

— Угу.

— Так может...

— Не спеши.

Он снова закурил. Откуда взялась новая пачка — я даже не заметил.

— Есть проблема.

— Какая?

— Деньги появились в завещании всего три месяца назад.

— И?

— До этого наследником был брат.

Я уставился на него.

— Андрей?

— Да.

— Тогда зачем Костин переписал всё на мать?

Вольский медленно улыбнулся.

— Вот это уже хороший вопрос.

Нотариус оказался нервным мужиком с лицом человека, который каждый день подписывает чужие семейные войны. Он постоянно вытирал лоб платком. Хотя в кабинете было холодно.

— Дмитрий сам пришёл менять документы, — быстро говорил он. — Всё официально.

— Причину объяснил? — спросил Вольский.

— Нет... только сказал, что брату доверять нельзя.

Я почувствовал, как внутри снова начинает собираться новая версия. И одновременно рушиться предыдущая.

— А матери можно?

Нотариус пожал плечами.

— Он сказал дословно: “она хотя бы честно меня ненави-

дит”.

Мы с Вольским переглянулись. Даже для Костина это звучало мрачно. Когда вышли на улицу, Вольский молчал почти минуту.

Потом тихо произнёс:

— Артём.

— М?

— А ведь брат до сих пор ведёт себя слишком спокойно.

Я задумался. И правда. Андрей почти не интересовался расследованием. Не нервничал, не давил, не пытался выяснить, кого подозревают. Словно смерть брата его вообще не удивила.

— Может, просто устал от него ещё при жизни?

— Может.

Вольский остановился возле машины. Смотрел куда-то мимо меня.

Потом тихо сказал:

— Или потому что он уже знает, чем всё закончится.

У меня по спине прошёл холодок.

— Думаете, всё-таки он?

— Нет.

— Тогда кто?!

Вольский медленно повернулся. И впервые за всё расследование я увидел у него по-настоящему уставший взгляд.

— Вот в этом и проблема, Артём. — пауза. — У нас уже есть мотив почти на каждого человека в этом городе.

В офис мы вернулись уже затемно. Я чувствовал себя так, будто последние трое суток кто-то медленно перемалывал мне мозги тупой мясорубкой. Вольский выглядел не лучше. Только он, в отличие от меня, умел делать вид, что всё нормально. Пока не начал разговаривать сам с собой на своём безумном языке.

— хтайн варехт... фальке хмошдэн... тц... — пробормотал он, роясь в папках.

— Это вы сейчас проклятие читаете или кофе просите?

— И то и другое.

Он вытащил новую распечатку, замер и очень медленно сел обратно.

— Артём.

— Что?

— Иди сюда.

Я подошёл. На столе лежала банковская выписка Нины Андреевны. Обычная пенсионная карта, платежи за аптеку, коммуналка, продукты. А потом — одна странная операция. Наличные. Триста тысяч рублей. Сняты за два дня до убийства. Я нахмурился.

— Пенсионерка решила красиво пожить?

— Или кому-то заплатить.

Вольский открыл следующую страницу. Камера банкомата. И вот тут стало интереснее. Потому что деньги снимала не Нина Андреевна, а Андрей - брат Костина.

— Так... стоп...

Вольский медленно кивнул.

— Вот именно.

— Он снимал деньги с карты матери?

— Да.

— Она знала?

— Пока не знаю.

Я почувствовал, как внутри снова начинает складываться новая картина. Очень нехорошая.

— Может, он использовал её как прикрытие?

— Возможно.

— Или она попросила снять деньги для убийства.

— Возможно.

— Да вы издеваетесь.

— Постоянно.

Он уже открывал следующую папку.

— Но это ещё не всё.

Из конверта он вытащил распечатку звонков. Длинную, с кучей номеров.

— Что это?

— Телефон матери.

— И?

Он ткнул пальцем в строку.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР

14 МАРТА

22:17

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 11 МИНУТ

Я нахмурился.

— И что?

Вольский открыл следующую страницу. Определение владельца номера. Я прочитал имя. И внутри снова всё перевернулось. Сергей Лядов.

— Да вы нахрен издеваетесь...

Вольский мрачно усмехнулся.

— Не мы.

— Они знакомы?!

— Судя по всему давно.

Я начал ходить по кабинету.

— Нет, подождите... тогда Лядов мог работать на мать...

— Или наоборот.

— Или брат.

— Или все вместе.

— Или никто!

— Вот. Уже начинаешь понимать расследования.

Я рухнул на стул. В голове всё окончательно превращалось в кашу. Мать. Брат. Старый одноклассник. Каждый из них внезапно получил новый мотив. И одновременно новое объяснение. Вольский, тем временем, продолжал читать бумаги. Потом вдруг застыл. Очень резко.

— А вот это уже плохо.

— Что ещё?

Он молча повернул ко мне фотографию. Парковка возле дома Костина. Ночь убийства. Размытое изображение маши-

ны. Я прищурился.

— Это же...

— Машина Андрея.

Я уставился на время снимка. 23:41.

— Но у него алиби.

— У телефона алиби.

Тишина. Я медленно поднял взгляд.

— Он оставил телефон дома...

— ...а сам поехал к брату.

Вольский договорил это спокойно.

Слишком спокойно.

— Всё. Это он.

— Нет.

— Да почему опять нет?!

Вольский ткнул пальцем в фотографию.

— Потому что за рулём не Андрей.

Я замер, присмотрелся. И действительно. Силуэт водителя выглядел слишком... маленьким. Уже в плечах.

— Женщина?..

Вольский кивнул.

— Очень похоже.

У меня внутри снова всё оборвалось.

— Мать?

— Возможно.

— Наталья?

— Возможно.

— Господи...

Вольский вдруг тихо пробормотал:

— Шхальтэ ферн швахт...

— Это ещё что?

— На моём языке примерно означает: “когда думаешь, что нашёл дно - снизу кто-то стучит”.

И тут снова зазвонил телефон. Я уже начал ненавидеть этот звук. Вольский поднял трубку. Слушал секунд двадцать. Потом медленно закрыл глаза.

— Понял.

Положил трубку. Посмотрел на меня. И впервые за всё расследование выглядел по-настоящему удивлённым.

— Артём.

— Что теперь?

Он медленно произнёс:

— На ноже нашли отпечатки матери Костина.

У меня внутри будто что-то оборвалось.

— Всё... — тихо сказал я. — Всё, Марк. Конец. Это она.

Вольский не ответил. Он сидел неподвижно, держа трубку в руке. И это было плохо. Потому что когда Вольский молчал слишком долго — значит, мозг у него уже ушёл куда-то далеко впереди всех нас.

— Марк.

Тишина.

— Марк!

Он наконец поднял взгляд.

— М?

— На ноже отпечатки матери. Что ещё вам нужно?!

Он медленно положил трубку. Закурил. Сделал очень долгую затяжку.

И только потом сказал:

— Мне нужно понять, почему они появились только сейчас.

Я нахмурился.

— В смысле?

— Нож проверяли в первый день.

— Ну?

— И отпечатков не нашли.

Тишина. Я почувствовал, как внутри медленно начинает шевелиться очень нехорошее ощущение.

— Подождите...

— Отпечатки появились после повторной экспертизы.

— Кто её назначил?

— Следователь.

— Почему?

— Потому что кто-то анонимно позвонил и сказал проверить рукоять внимательнее.

Я выругался. Очень грязно. Вольский одобрительно кивнул.

— Вот. Уже начинаешь говорить как профессионал.

Я ходил по кабинету кругами.

— То есть кто-то специально подвёл нас к матери?

— Возможно.

— Или она реально убийца.

— Возможно.

— Я сейчас вас ударю.

— В порядке очереди.

Он встал, подошёл к доске. Долго смотрел на фотографии. Мать, брат, Лядов, Наталья, Орлов. Шесть человек. Шесть почти идеальных версий. И каждая через пару часов начинала гнить изнутри. Вольский вдруг сорвал фотографию Нины Андреевны. Бросил на стол.

— Что вам опять не нравится?

— Она слишком спокойно разговаривала о сыне.

— Ну и?

— Люди, которые убивают родственников, либо ломаются... либо оправдываются.

— А она?

— Она уже давно всё для себя решила, — пауза. — Так бывает у людей, которые ненавидят годами.

Я сел обратно. Усталость уже давила так, будто мне в голову залили бетон.

— Тогда почему не она?

Вольский медленно посмотрел на меня.

— Потому что она физически не смогла бы перетащить тело.

Я замер. Чёрт. Точно. Мы совсем забыли про это. Тело Костина переносили, а Нина Андреевна выглядела так, будто

пакет с картошкой для неё уже тяжёлый.

— Значит, был сообщник.

— Или отпечатки оставили специально.

Вольский снова подошёл к столу, взял результаты экспертизы, перечитал. И вдруг нахмурился. Очень резко.

— А вот это уже интересно...

— Что?

Он ткнул пальцем в отчёт.

— Отпечатки только на одной стороне рукояти.

— И?

— А теперь подумай: если человек убивает ножом, как он держит оружие?

Я машинально показал рукой.

— Вот так.

— Правильно.

Он бросил отчёт передо мной.

— Тогда почему отпечатки только у основания?

Я уставился в бумаги. И вдруг понял. Не хватало следов пальцев сверху. Только снизу. Будто человек не бил ножом, а просто... поднимал его. И тут у меня внутри похолодело.

— Она нашла нож после убийства...

— Угу.

— И взяла в руки.

— Именно.

Повисла тишина. Я медленно сел обратно.

— Тогда кто оставил нож?

Вольский устало потёр глаза.

— Вот это уже хороший вопрос.

И тут дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял Андрей Костин. Брат. Мокрый от дождя, бледный. И впервые за всё время по-настоящему испуганный.

— Вам нужно срочно ехать со мной, — сказал он.

Вольский даже не шевельнулся.

— С чего вдруг?

Андрей тяжело сглотнул.

И тихо произнёс:

— Потому что моя мать исчезла.

В кабинете повисла тишина. Та самая, нехорошая. Когда даже старый холодильник в углу начинает гудеть как-то тревожно. Вольский медленно поднялся из-за стола.

— Когда?

Андрей нервно провёл рукой по мокрым волосам.

— Час назад.

— Подробно.

— Я приехал к ней домой... дверь открыта... света нет...

— Следы взлома?

— Нет.

— Кровь?

— Нет.

— Записка?

— Нет!

Он почти сорвался на крик. И впервые выглядел не как

спокойный бизнесмен, а как человек, который реально боится. Вольский смотрел на него очень внимательно. Слишком внимательно.

— И только сейчас ты решил приехать?

Андрей дёрнулся.

— Я сначала искал сам.

— Зачем?

— Потому что вы считаете её убийцей!

Тишина. Я заметил, как у него дрожат руки. Настояще, не театрально. И это опять всё ломало. Потому что виноватые люди обычно боятся за себя, а не за мать.

Квартира Нины Андреевны встретила нас тишиной. Очень странной. Будто помещение специально старалось не издавать ни звука. Вольский вошёл первым, я за ним. Андрей остался в коридоре. На кухне стояла кружка с недопитым чаем. Тёплым. Я коснулся пальцем.

— Недавно ушла.

— Или её забрали.

Вольский уже осматривал комнату. Аккуратно. Почти бесшумно. И тут остановился возле шкафа.

— Артём.

— Что?

— Смотри.

Я подошёл. На полу лежал старый семейный альбом. Раскрытый. Фотографии высыпались на ковёр. Вольский поднял одну из них. И нахмурился. На фото были два мальчи-

ка. Маленький Андрей и Дмитрий. Лет по десять. Оба улыбаются. А за ними — молодая Нина Андреевна. И ещё какой-то мужчина. Высокий, в тёмном пальто, лицо частично закрыто тенью.

— Отец? — спросил я.

— Нет.

— Почему?

— Андрей говорил, что отец умер ещё до рождения Дмитрия.

Я снова посмотрел на фотографию. Что-то в мужчине казалось знакомым. Очень. Но я никак не мог понять что именно. Вольский уже рылся в ящиках. И вдруг вытащил пачку писем. Старых. Перевязанных ниткой.

— Ого... романтика.

— Не думаю.

Он раскрыл первое письмо. Пробежался глазами. И лицо у него сразу стало другим. Холодным.

— Что там?

Вольский молча протянул лист мне. Письмо было от Дмитрия к матери. Но написано оно было не как письмо сына, а как угроза.

“Ты сама виновата. Если Андрей узнает правду — виновата будешь ты.”

Я почувствовал, как внутри снова что-то щёлкнуло.

— Какую ещё правду?

Вольский открыл второе письмо, третье, четвёртое. И с

каждым новым его лицо становилось мрачнее.

— Артём...

— Что?

— Кажется, в этой семье кто-то очень долго кого-то шантажировал.

Я медленно выдохнул. Ну конечно. Как же без этого.

— Дмитрий шантажировал мать?

— Судя по всему да.

— Чем?

Вольский поднял последний конверт. Самый старый. Пожелтевший. На нём дрожащим почерком было написано:

“НЕ ОТКРЫВАТЬ”

— Ну да, — сказал я. — Именно такие вещи всегда и открывают.

Вольский усмехнулся. Очень слабо. И аккуратно достал содержимое. Внутри лежала одна фотография. Я посмотрел на неё. И сперва вообще ничего не понял. Молодая Нина Андреевна, тот самый мужчина в пальто И маленький Андрей. Но Дмитрия на фото не было. Вообще. На обратной стороне ручкой была подпись:

“Андрею 5 лет. Весна 1989.”

Вольский медленно поднял взгляд.

— Артём.

— М?

— Дмитрию тогда должно было быть уже три года.

Тишина. Очень долгая. Я снова посмотрел на фото. Потом

на письма. Потом на Вольского. И внутри начало рождаться одно очень нехорошее предположение.

— Подождите...

— Да.

— Вы хотите сказать...

Он кивнул.

— Дмитрий мог быть не сыном Нины Андреевны.

И в этот момент в коридоре что-то громко упало. Мы резко обернулись. Андрей стоял бледный как стена. И смотрел на фотографию так, будто увидел привидение.

— Откуда у вас это?.. — хрипло спросил он.

Вольский очень спокойно ответил:

— Лучше ты нам скажи.

Андрей молчал так долго, что я уже начал слышать, как где-то на кухне капает вода из крана.

Кап...

Кап...

Кап...

Потом он медленно сел на стул в коридоре. Закрыв лицо руками.

И тихо сказал:

— Дима не был сыном матери.

Вольский прислонился к дверному косяку.

— А чьим тогда?

Андрей нервно усмехнулся.

— Если бы я знал.

Тишина.

— Мать родила его после какой-то истории... о которой никогда не рассказывала.

— А отец?

— Не знаю. Она менялась в лице каждый раз, когда про него спрашивали.

Я посмотрел на фотографию. На письма. И вдруг понял одну странную вещь.

— Подождите...

Оба повернулись ко мне.

— Если Дмитрий не был ей родным сыном... тогда зачем она терпела шантаж?

Вольский медленно улыбнулся. Очень нехорошо.

— Вот. Наконец правильный вопрос.

Ответ пришёл через сутки. И, как обычно, вместе с ним всё снова перевернулось. Мы сидели в офисе, когда Вольский получил архив из старого роддома. Пыльные документы. Пожелтевшие карточки. Одна из медсестёр когда-то хранила копии записей дома. На всякий случай. В нашей стране это называется: "опыт". Вольский долго читал бумаги. Потом вдруг замер.

— Артём.

— Что?

— Кажется, мы искали не того ребёнка.

У меня уже начинала болеть голова от этих фраз.

— Можно хоть раз нормально?

Он молча протянул мне лист. Я начал читать. И через несколько секунд почувствовал, как внутри всё холодеет.

В 1986 ГОДУ У НИНЫ АНДРЕЕВНЫ РОДИЛАСЬ ДЕВЧОЧКА. РЕБЁНОК УМЕР ЧЕРЕЗ 3 ДНЯ.

Ниже — ещё одна запись. Через четыре месяца.

УСЫНОВЛЕНИЕ МАЛЬЧИКА.

Дмитрий. Я медленно поднял взгляд.

— Она усыновила его...

Вольский кивнул.

— И, судя по письмам, он позже узнал правду.

Тишина. Я снова посмотрел на документы. И вдруг понял:

— Поэтому он её шантажировал.

— Да.

— Но чем?

Вольский молча достал ещё один лист. Результат новой экспертизы. ДНК. Я сначала вообще не понял, что вижу. Потом дошло. Сравнение биоматериалов Дмитрия...

...и его сына. Несовпадение. Я резко выпрямился.

— Подождите...

Вольский смотрел на меня очень внимательно.

— Да.

— Это не его сын.

— Именно.

У меня внутри словно что-то щёлкнуло. Все предыдущие версии вдруг начали рушиться одновременно.

— Тогда... кто отец?

— Пока не знаем.

— А сын знает?

— Теперь самое интересное.

Вольский достал телефон. Включил запись допроса подростка. Сына Костина. Егору было шестнадцать. Тихий. Закрытый. Из тех подростков, которые выглядят так, будто заранее устали от взрослых. На записи следователь спрашивал:

— Когда ты последний раз видел отца?

Пауза.

Потом голос Егора:

— Не помню.

Вольский поставил запись на паузу.

— А теперь слушай внимательно.

Он включил снова.

Следователь:

— Ты был дома в ночь убийства?

Егор:

— Да.

Пауза.

Следователь:

— Кто может подтвердить?

Егор:

— Никто.

Запись остановилась.

— Ну и?

Вольский открыл новую папку. Камеры с подъезда. Размытая фигура в капюшоне. 23:26. Рост, телосложение. Почти идеально совпадают с Егором. Я почувствовал, как внутри начинается медленно собираться новая версия. Очень страшная версия.

— Нет...

— Подожди.

Вольский вытащил ещё одну бумагу. Психологическое заключение. Школьный психолог.

“Подросток демонстрирует признаки тяжёлой подавленной агрессии, эмоционального отчуждения и страха перед отцом.”

Дальше хуже. История обращений в травмпункт. Старые синяки, перелом пальца, ожог на плече. И объяснения всегда одинаковые:

“Упал.”

Я медленно опустился на стул.

— Господи...

Вольский молча положил передо мной последнее фото. Комната Егора. На стене — рисунок ножа. Того самого. Слишком детально нарисованного для случайности.

— Нет... — тихо сказал я.

— Ещё не всё.

Он открыл новую экспертизу. Следы обуви возле чёрного входа дома. Размер совпадает с обувью Егора. А потом — история браузера.

Запросы:

“куда ударить ножом чтобы человек умер быстро”

“как смыть кровь”

“что будет если убить человека”

Я почувствовал, как по спине проходит холод. Потому что впервые за всё расследование всё начало сходиться. По-настоящему. Без дыр, без случайностей, без “возможно”. И даже леворукость перестала мешать. Потому что новая экспертиза показала: удар можно было нанести и правой рукой. Особенно в панике. Особенно подростку. Вольский долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Вот теперь у нас действительно появляется человек, который мог убить Костина.

Я посмотрел на доску. Все остальные версии медленно умирали. Оставался только один человек. Сын. И именно поэтому мне стало особенно не по себе. Потому что впервые всё выглядело слишком правильно. Вольский не любил, когда версия начинала выглядеть слишком чистой. Говорил, что настоящие убийства всегда оставляют грязь. А здесь всё внезапно складывалось почти идеально. Подросток, насилие, ненависть к отцу, следы, поиски в браузере, камеры, мотив. Даже слишком хороший мотив. И именно поэтому Марк снова начал злиться. Я понял это по тому, как он ходил по кабинету. Быстро. Почти бесшумно.

Иногда бормоча под нос своё:

— Швархт хейбен... хурст гахн... штайхкер...

— Это опять ругательства?

— Нет. Это у меня мозг закипает.

Он резко остановился возле доски. Сорвал фотографию Дмитрия. Долго смотрел на неё.

Потом тихо сказал:

— Мы всё ещё не понимаем главного.

— Чего?

— Почему Нина Андреевна вообще усыновила именно его.

Тишина. И вот тут я понял: действительно. Случайных усыновлений почти не бывает. Особенно в конце восьмидесятых. Особенно у женщины, которая только что потеряла ребёнка.

— Думаете, она знала его родителей?

— Думаю, она знала гораздо больше, чем говорила.

Ответ пришёл оттуда, откуда мы уже не ждали. Из архива завода “Прогресс”. Старый оборонный цех. Полузаброшенные документы. Списки сотрудников. И одна фамилия, от которой Вольский замер прямо посреди кабинета.

АЛЕКСЕЙ РОГОВ

— Кто это? — спросил я.

Вольский молча достал старую фотографию из квартиры Нины Андреевны. Тот самый мужчина в пальто. Я присмотрелся внимательнее. И внутри всё похолодело.

— Это он?..

— Да.

— Но кто он такой?

Вольский медленно выдохнул дым.

— Биологический отец Дмитрия.

Тишина. Очень долгая. Я снова посмотрел на фото. Потом на документы.

— Подождите... тогда почему Дмитрий оказался в детдоме?

Вольский раскрыл следующую папку. И вот тут история окончательно начала вонять. Рогов работал инженером на “Прогрессе”. В 1986 году его арестовали. Официально — за хищение секретных материалов. Через две недели он “покончил с собой” в СИЗО. А через месяц его жена погибла в аварии. Маленький Дмитрий остался один. Я почувствовал, как внутри медленно собирается ещё одна картина.

— Нина Андреевна знала Рогова?

— Судя по письмам — очень хорошо.

— Любовник?

— Возможно.

— Или...

— Или она просто решила спасти ребёнка человека, которого любила.

Вольский помолчал.

Потом добавил:

— А потом совершила главную ошибку своей жизни.

Но хуже всего оказалось другое. Дмитрий всё узнал. Не

сразу. Гораздо позже. И вот тогда начали всплывать настоящие причины его ненависти. Мы нашли старый ноутбук. Спрятанный в гараже. Пароль вскрывали почти сутки. А внутри... Внутри оказался целый архив. Фотографии, сканированные документы, переписки. Дмитрий годами копал своё прошлое. И, судя по всему, сходил с ума от того, что находил. В одной из папок лежала аудиозапись. Старая, очень плохого качества. Женский голос. Нина Андреевна.

“Я не могла иначе...Они бы забрали тебя...”

Голос Дмитрия:

“Кто ОНИ?!”

Шум. Потом удар. Запись обрывалась. Я медленно снял наушники.

— Господи...

Вольский сидел напротив. Мрачный как похоронное бюро.

— А теперь самое интересное.

Он вытащил последнюю папку. На ней маркером было написано:

ЕГОР

Я почувствовал, как внутри снова неприятно похолодело. Внутри были фотографии. Скрытые снимки, скриншоты переписок, история переводов денег. И чем дальше я смотрел, тем хуже становилось. Дмитрий издевался над сыном системно. Холодно, почти научно. Он следил за ним, читал сообщения, запирали дома, контролировал каждый шаг. Но

это было только начало.

В одной из переписок Дмитрий писал кому-то:

“Если щенок узнает, что я ему не отец — вообще сломается.”

Я резко поднял взгляд.

— Он знал?!

— Судя по всему — да.

Следующая папка. Результаты теста ДНК. Егор действительно не был его сыном. А ниже — новая запись. Дата за неделю до убийства.

“Надо рассказать пацану правду. Посмотрим, как он после этого заговорит.”

Я почувствовал, как по спине проходит холод.

— Он собирался уничтожить его психологически.

— Не только.

Вольский положил передо мной ещё один документ. Договор. Интернат закрытого типа для трудных подростков. Подпись Дмитрия. Дата — через три дня после убийства. Я установился на бумагу.

— Он хотел сдать собственного сына?

— Да.

— За что?!

Вольский открыл последнее письмо. Короткое. Распечатанное с почты. От учителя Егора.

“Ваш сын рассказал школьному психологу о домашнем насилии.”

Повисла тишина. Очень тяжёлая. Теперь всё выглядело железобетонно. Абсолютно. Егор ненавидел Дмитрия. Боялся его. Узнал, что тот не родной отец. Понял, что его хотят отправить в закрытый интернат. А потом — убил. И именно поэтому Вольский выглядел всё более мрачным. Потому что версия снова стала слишком идеальной. К утру у меня было ощущение, что это расследование специально издевается над нами. Каждый раз, когда мы находили идеального убийцу, дело тут же вытаскивало из рукава новую карту. И всегда хуже предыдущей.

Я сидел за столом и перечитывал материалы по Егору. Всё сходилось. Слишком хорошо. Вольский стоял у окна, курил и смотрел на мокрый двор так, будто надеялся увидеть там ответы. Вместо ответов во дворе какой-то мужик пытался завести “Газель” пинками.

— Марк.

— М?

— Скажите честно. Вы ведь тоже думаете, что это Егор? Тишина. Он медленно выдохнул дым.

— Я думаю, что кто-то очень хочет, чтобы это был Егор.

И в этот момент в дверь буквально влетел эксперт-криминалист Орлов. Тот самый. С вечным лицом человека, который не спал с девяносто восьмого года.

— Где Вольский?!

— Уже жалею, что здесь, — спокойно ответил Марк.

Орлов бросил на стол папку.

— Повторная экспертиза крови.

Я нахмурился.

— И?

— Мы ошиблись с траекторией удара.

Тишина. Вольский медленно повернулся.

— Объясни.

Орлов открыл фотографии. Показал схему.

— Первый анализ делали из-за неудобного положения тела. Сейчас восстановили точное положение в момент удара.

Он ткнул ручкой в снимок.

— Удар был не сверху вниз.

Я замер.

— Что?..

— Он был почти горизонтальный.

У меня внутри будто что-то щёлкнуло.

— Подождите...

Орлов продолжил:

— А ещё убийца стоял гораздо ближе, чем мы думали.

Вольский подошёл к столу. Молча смотрел на схемы.

Потом тихо спросил:

— Рост?

Орлов перелистнул страницу.

— От ста пятидесяти пяти до ста шестидесяти пяти.

Тишина. Очень нехорошая. Потому что теперь всё снова ломалось. Егор был выше. Зато идеально подходила...

— Наталья... — тихо сказал я.

Вольский ничего не ответил. Орлов же достал ещё один файл.

— И это ещё не всё.

Фотография. Очень плохого качества. Подземная парковка возле дома Костина. За двадцать минут до убийства. Девушка в тёмном плаще. Лицо почти не видно. Но сумку я узнал сразу. Красная полоска сбоку. Та самая. Наталья носила её на допросе.

— Твою мать... — выдохнул я.

Вольский медленно закрыл глаза.

— А теперь добей меня окончательно.

Орлов кивнул.

— На рукаве Костина нашли микроволокна её пальто.

У меня внутри всё рухнуло. Потому что это было уже не совпадение. Это было почти признание.

— Всё... — тихо сказал я. — Всё. Это она.

Но дальше стало ещё хуже. Потому что буквально через час начали приходить новые подтверждения алиби остальных. И выглядели они настолько идиотски, что я бы не поверил ни одному. Но проблема была в том...

...что они подтверждались. Полностью. Железно.

Сын Костина? Камера из круглосуточного магазина внезапно показала его в момент убийства. Причём запись раньше почему-то “не заметили”. И на видео он покупал энергетик и чипсы. Время совпадало идеально. Андрей? Какой-то таксист вспомнил, что вёз его через полгорода к любовнице.

Любовница сначала всё отрицала. Потом призналась. И показала записи с домашней камеры.

Нина Андреевна? Соседка клялась, что в момент убийства они вместе смотрели сериал. И всё бы ничего, если бы у соседки не оказался старый телевизор с функцией записи эфира. Дата совпала.

Лядов? Пьяный бомж внезапно вспомнил, как они вместе дрались возле ларька. Полиция нашла камеры. Они реально там были.

Орлов? В момент убийства оформлял ДТП. Есть видео, есть рапорты, есть свидетели. Даже Пимчанок с Лалией получили подтверждение. Их в это время сняла камера банкомата на другом конце города. Я сидел посреди этого хаоса и чувствовал, как у меня начинает плавиться мозг.

— Это невозможно...

Вольский стоял возле доски. Очень долго молчал.

Потом вдруг тихо сказал:

— Нет.

— Что “нет”?

— Возможно.

Он подошёл к фотографии Натальи. Снял её. Долго смотрел.

— Артём.

— М?

— А ты заметил, что у неё алиби так и не появилось?

Тишина. Я медленно поднял взгляд и понял. Чёрт, точ-

но. У всех. Абсолютно у всех появились подтверждения. Даже нелепые, даже абсурдные, но появились. Только не у Натальи. Бывшая жена Костина всё ещё оставалась одна. Без свидетелей, без камер, без доказательств. И с каждым новым фактом дело будто специально выталкивало нас именно к ней. А потом Вольский достал последнюю бумагу. Результат анализа. Под ногтями Костина нашли частицы кожи. Женские. ДНК совпало с Натальей. Повисла тишина. И впервые за всё расследование Вольский произнёс фразу, от которой у меня по спине пошёл холод.

— Похоже, Артём... — пауза. — Мы наконец нашли настоящего убийцу.

Дождь снова вернулся к вечеру. В Сызрани вообще создавалось ощущение, что у неба хроническая депрессия. Я сидел за столом, листая материалы по Наталье, и чувствовал, как дело медленно начинает захлопываться вокруг неё. Слишком медленно. Слишком красиво. И мне это не нравилось. Вольский стоял возле шкафа и разговаривал... в стену.

— Нет, Хайнц, я не собираюсь сейчас ломать ей пальцы... потому что это незаконно... да, к сожалению...

Я поднял взгляд. Помолчал.

Потом всё-таки спросил:

— А где вообще были ваши тараканы всё это время?

Вольский обернулся так, будто вопрос был абсолютно нормальным.

— В отпуске.

— Чего?

— У них кругосветка была.

Я несколько секунд смотрел на него.

Потом сказал:

— Вокруг стиралки или холодильника?

Вольский очень серьёзно кивнул.

— Нет. Лейберихт вообще в Польшу уползал. Через подвал.

И тут из-за батареи реально выполз таракан. Большой. Рыжий. Остановился возле стены.

Вольский тут же ткнул в него сигаретой:

— О! А вот и Хайнц. Живой, шкартх тебя дери.

Я устало закрыл лицо руками.

— Когда-нибудь я привыкну.

— Нет.

Таракан шевельнул усами. Вольский внимательно его слушал секунд пять. Потом нахмурился.

— Что значит “не она”?

Я медленно поднял голову.

— Простите... кто сейчас сказал “не она”? Таракан?

— Не перебивай.

Он снова уставился на Хайнца.

— Да понял я... понял... не ори... — пауза. — Какая ещё свадьба?

Я не выдержал.

— Стоп. Они ещё и на свадьбе были?

Вольский абсолютно спокойно кивнул.

— У Фридриха и Беллы.

— Кто все эти люди?!

— Тараканы.

— Господи...

Вольский снова прислушался

Потом вдруг очень серьёзно сказал:

— Хайнц утверждает, что Наталья врёт не полностью.

Тишина. Я медленно убрал руки от лица.

— Знаете, меня сейчас пугает то, что это звучит полезнее половины наших свидетелей.

— Потому что Хайнц ни разу не сидел за мошенничество.

Таракан снова дёрнул усами. Вольский резко повернулся ко мне.

— Артём.

— Что?

— А ведь Наталья соврала про время.

У меня внутри неприятно кольнуло.

— В смысле?

Он уже рылся в папках. Быстро. Нервно.

— Она сказала, что после ресторана сразу поехала домой.

— Ну да.

— А камеры возле её дома зафиксировали машину только через сорок минут.

Я нахмурился.

— Пробки?

— Ночью?

— Тогда... любовник?

— Проверили. Нет.

Вольский резко бросил папку на стол.

— Зато знаешь, что есть?

Он вытащил распечатку с парковки. Той самой. Где видели девушку.

— Время появления машины Натальи возле дома Костина совпадает идеально.

Я почувствовал, как внутри снова начинает собираться картина. Очень нехорошая картина.

— Подождите...

— А теперь смотри дальше.

Он достал новую экспертизу. Следы парфюма на воротнике Костина. Тот же бренд, которым пользовалась Наталья. Редкий, дорогой. Эксперт отдельно отметил: в городе такой аромат официально продавался только в одном магазине. За последние месяцы его купили две женщины. Одна уехала в Казань. Вторая — Наталья.

— Твою мать...

Вольский кивнул.

— Угу.

— Но это ещё не убийство.

— Конечно.

Он вытащил ещё одну папку. И вот тут мне стало совсем не по себе. Старые медицинские документы. Травмпункт.

Снимки. Переломы. Сотрясение. Все оформлены на Наталью. Разные годы. Разные даты. Но источник травм почти всегда один:

“упала”

Вольский тихо произнёс:

— А теперь представь человека, которого годами избивали.

Я молчал.

— Представь женщину, которая знает, что муж шантажирует людей. Издевается над сыном. Возможно, держит компронат и на неё саму

Он сделал паузу.

— А потом представь, что в какой-то момент у неё просто заканчивается страх.

В кабинете стало тихо. Даже холодильник перестал гудеть. Я смотрел на фотографии Натальи. И впервые начал по-настоящему верить, что это могла быть она. Не в теории, а реально. Вольский снова присел возле батареи.

— Лейберихт, не жри крошки с пола, это улика...

Я тяжело вздохнул.

— Марк.

— М?

— Вы понимаете, что я уже перестал удивляться?

— Это профессиональная деформация.

Таракан снова дёрнул усами. Вольский замер. Очень медленно поднял голову.

И тихо сказал:

— А вот это уже интересно.

— Что ещё?

Он смотрел куда-то в пространство.

— Хайнц говорит, что в квартире Костина пахло мужским одеколоном.

Я уставился на него.

— Вы сейчас реально опрашиваете таракана как свидетеля?

— Он ни разу не путался в показаниях. — пауза. — В отличие от Натальи.

Я уже даже не пытался понять, где заканчивается безумие Вольского и начинается реальная работа. Потому что, к моему огромному сожалению, его тараканы иногда действительно замечали вещи раньше нас. И это бесило. Очень. Вольский сидел на корточках возле батареи, будто проводил секретное совещание.

— Нет, Хайнц, я не могу официально вписать в протокол “воняло каким-то мудаком”... нужна конкретика...

Таракан шевельнул усами.

— “Сладкий древесный запах”.

Вот. Уже лучше. Я медленно потёр лицо.

— Знаете, однажды я расскажу психиатру про вашу работу.

— И он попросит визитку.

Вольский поднялся. Подошёл к доске. И вдруг замер.

Очень резко.

— Артём.

— Что?

— Одеколон.

— Ну?

Он ткнул пальцем в фотографию Андрея. Брата.

— Помнишь, чем от него пахло?

Я задумался. И внутри медленно кольнуло. Чёрт.

— Тем самым парфюмом...

— Не тем же. Похожим.

Вольский уже рылся в бумагах.

— Наталья использовала женскую версию “Noir Velours”.

— А Андрей?

— Мужскую.

Он вытащил чек из магазина парфюмерии. Две покупки. Один бренд. Разные версии аромата. Дата — за неделю до убийства. Я почувствовал, как внутри снова начинает ломаться вся картина.

— Нет... подождите...

— А теперь ещё интереснее.

Он положил передо мной новую экспертизу. На воротнике Костина нашли смешанные следы двух ароматов. Мужского и женского. Один бренд, одна линейка. Я медленно поднял взгляд.

— Они были там вдвоём...

Вольский ничего не ответил. Но по его лицу я понял: он

думает о том же.

Через час мы уже сидели в машине возле дома Андрея. Дождь снова лупил по лобовому стеклу. Моя семёрка при этом издавала звуки, будто умирала прямо на холостых.

— Тише, родная... — пробормотал я, погладив руль.

Вольский покосился на меня.

— Ты сейчас с машиной разговаривал?

— Она хотя бы не отвечает.

— Слабый аргумент.

Он вышел первым. Подъезд встретил нас запахом сырости, старых газет и чьей-то вечной жареной рыбы. Андрей открыл почти сразу. И выглядел плохо. Очень. Не спал, нервничал. Глаза красные.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Да, — спокойно ответил Вольский. — Мы.

Разговор пошёл тяжело с первых минут. Андрей явно устал от нас. И начал срываться.

— Я уже всё рассказал!

— Тогда расскажи ещё раз, — сказал Вольский.

— Зачем?!

— Потому что у меня память плохая. Хайнц, кстати, тоже жалуется.

Андрей растерянно моргнул.

— Кто?

— Неважно.

Я кашлянул, пытаюсь скрыть смешок. Вольский уже

осматривал квартиру. Очень медленно. Очень внимательно. И вдруг остановился возле ванной. На раковине стоял мужской парфюм. “Noir Velours”. Я почувствовал, как внутри снова холодеет. Вольский взял флакон, понюхал.

И тихо сказал:

— Почти то же самое.

Андрей резко напрягся.

— Это преступление — пользоваться духами?

— Нет.

— Тогда какого чёрта вы...

— Где вы были после ресторана в ночь убийства?

Андрей закатил глаза.

— Господи, опять...

— Отвечай.

— Катался по городу.

— Зачем?

Пауза.

— Не мог уснуть.

— Кто подтвердит?

— Никто.

Тишина. Я медленно посмотрел на Вольского. Потому что это уже звучало очень плохо. Но хуже стало через минуту. Когда Марк открыл шкаф возле прихожей, а внутри висел плащ. Тёмный. Женский. Я сразу узнал его. Тот самый силуэт с парковки. Андрей побледнел.

— Это не то, что вы думаете.

— О, обычно после этой фразы начинается самое интересное, — спокойно сказал Вольский.

— Это плащ Натальи!

— Почему он у тебя?

Пауза. Слишком долгая.

— Мы... иногда виделись.

Я уставился на него.

— Чего?

Андрей закрыл глаза.

И очень тихо произнёс:

— У нас был роман.

В комнате повисла тишина. Такая плотная, что её можно было резать ножом. Я медленно перевёл взгляд на Вольского. Тот стоял абсолютно неподвижно.

А потом вдруг тихо пробормотал:

— Хольц феррейн мать вашу...

— Это сейчас что значит?

— “Ну наконец-то вы начали говорить правду”. Примерно.

И тут у Андрея зазвонил телефон. Он посмотрел на экран. И резко побледнел ещё сильнее. Вольский сразу заметил.

— Кто?

Андрей молчал.

— Кто звонит?

Очень медленно он повернул экран к нам. Я посмотрел. И внутри всё оборвалось. Потому что на экране было напи-

сано:

НАТАША

Хотя Наталья в этот момент официально находилась на допросе в полиции. Андрей смотрел на телефон так, будто тот сейчас взорвётся у него в руке. Вольский - наоборот. Спокойно. Слишком спокойно. Это был очень плохой признак.

— Ответь, — тихо сказал он.

— Не думаю, что...

— Андрей.

Голос Вольского стал ледяным.

— Ответь. На. Звонок.

Тот нервно провёл пальцем по экрану. Включил громкую связь. Несколько секунд — только шум. Потом женский голос. Тихий, сбитый.

— Андрей?..

Я узнал Наталью сразу. Но что-то в голосе было не так. Паника. Настоящая.

— Ты один? — быстро спросила она.

Вольский молча показал рукой: продолжай. Андрей сглотнул.

— Да.

— Они были у тебя?

Он замешкался буквально на секунду. Но Наталья всё поняла. Сразу. Тишина.

А потом очень тихое:

— Господи...

Связь оборвалась. В комнате повисло молчание. Такое тяжёлое, что даже дождь за окном будто стал тише. Вольский медленно вытащил сигарету, закурил. И я клянусь: в тот момент даже дым выглядел так, будто осуждает Андрея. Марк сделал затяжку. Посмотрел куда-то в сторону.

И вдруг сказал:

— Нет, Фридрих, пока не арестовываем.

Я устало закрыл глаза.

— Сигарета тоже разговаривает?

— Нет. Но мнение имеет.

Дальше всё начало сыпаться на них лавиной. Сначала полиция нашла вторую машину Натальи. Старый “Форд”, о котором она никому не говорила. Именно он попал на камеры возле дома Костина. Потом всплыли данные геолокации. Телефон Натальи действительно оставался возле ресторана почти час после её ухода. Но не потому что она была там. Она специально оставила его у подруги.

Подруга сначала врала. Потом сломалась на допросе. Дальше — хуже. На парковке возле дома Костина нашли окурки. Марка сигарет, которые курил Андрей. Совпадение? Может быть. Но на фильтре его ДНК. Я уже чувствовал, как дело окончательно схлопывается. А потом эксперты вскрыли удалённую переписку между Натальей и Андреем. И вот тут стало совсем грязно.

> “Он не остановится.”

> “Нужно решать.”

> “Егор долго не выдержит.”

> “Если всё вскроется — он уничтожит нас всех.”

Я сидел над распечатками и чувствовал, как внутри всё холодеет. Потому что это уже выглядело не как измена. А как заговор. Вольский молча читал сообщения.

Потом тихо пробормотал:

— Хфайн кхеррохт...

— Перевести?

— “Какие же вы тупые”.

— Они?

— Все.

Он перевернул страницу. И нашёл ещё одно сообщение. От Андрея. За два дня до убийства.

> “Ты уверена, что другого выхода нет?”

Тишина. Я поднял взгляд.

— Всё.

Вольский молчал. Я впервые за всё расследование увидел, что даже он почти поверил. Но поток не заканчивался. Полиция подняла записи с платной трассы. Машина Андрея проезжала рядом с домом Костина в ночь убийства. Потом нашли удалённый банковский перевод. Наталья перевела Андрею двести тысяч рублей за день до смерти Дмитрия. Назначение платежа: “за помощь”. А потом — самое мерзкое.

На ноутбуке Костина нашли скрытую папку. Компромат, фотографии, переписки, видео. Дмитрий знал про ро-

ман брата и бывшей жены. Годами. И шантажировал обоих. Угрожал рассказать Егору. Угрожал оставить Андрея без бизнеса, опубликовать всё в сети. Я медленно опустился на стул.

— Господи...

Теперь мотив был не просто железобетонным. Он был чувовищным. Наталья: годы насилия, унижений, страх за сына, шантаж. Андрей: любовница, разрушенная жизнь, угрозы, деньги, страх потерять всё. И оба вместе возле дома жертвы в ночь убийства. Вольский долго смотрел на доску.

Потом очень тихо сказал:

— Даже моя сигарета сейчас уверена, что это они.

Я невольно усмехнулся.

— И что она говорит?

Он сделал затяжку. Медленно выпустил дым.

И совершенно серьёзно ответил:

— Что если люди так старательно прячут правду... значит, кровь там точно была настоящая.

Вольский сидел неподвижно. Перед ним лежали распечатки переписок Натальи и Андрея. Деньги, измена, шантаж, камеры, парфюм, следы кожи. Даже я уже почти был уверен: это они. И именно поэтому Марк выглядел так, будто готов выброситься в окно.

— Что теперь? — спросил я.

Он молчал. Очень долго.

Потом вдруг сказал:

— Артём.

— М?

— А что, если всё это правда?

Я нахмурился.

— В смысле?

— Что, если они реально изменяли? Реально ненавидели

Костина? Реально хотели его смерти?

— Тогда...

— Но при этом не убивали.

Тишина. Я медленно опустил обратно на стул. И тут Вольский резко вскочил. Так резко, что даже таракан Хайнц свалился с батареи.

— Хольц фергрант!!

— Это ещё что?

— “Да вашу ж мать, вот оно!”

Он начал судорожно рыться в бумагах. Быстро, нервно. Как человек, который наконец поймал мысль за хвост.

— Что вы нашли?!

— Не что.

Он вытащил фотографию. Собачья площадка возле дома Костина. Старая камера наблюдения. Размытые силуэты. Я ничего не понял.

— И?

— Смотри на время.

23:18. За полчаса до убийства. Костин гуляет с собакой. Рядом — какой-то мужчина с овчаркой. Я пожал плечами.

— Ну гулял.

— Каждый день.

— И?

Вольский ткнул пальцем в снимок.

— Этот человек появляется почти на всех записях за последние три месяца.

Я почувствовал, как внутри что-то шевельнулось.

— Сосед?

— Нет.

— Тогда кто?

Вольский медленно улыбнулся. Очень нехорошо.

— Никто.

Тишина.

— В смысле “никто”?

— Его никто вообще не проверял.

Он уже листал новые распечатки.

— Потому что он был идеальным фоном.

Обычный мужик с собакой.

“Здравствуйте”.

“Как дела”.

“До свидания”.

Человек, которого мозг автоматически перестаёт замечать. Я смотрел на снимки. И чем дольше смотрел, тем страшнее становилось. Потому что мужчина действительно был везде. На дальнем плане. Возле дома. Возле площадки. Даже возле магазина, куда Костин ходил за сигаретами. Но

мы его не замечали. Вообще.

Звали его Павел Громов. Сорок восемь лет. Электрик. Разведён. Судимостей нет. Жалоб нет. Штрафов почти нет. Идеально скучный человек. Именно такие пугают сильнее всего. Мы нашли его через жетон собачьего клуба. Немецкая овчарка. Кличка Грей. Когда мы приехали к нему домой, я уже ожидал чего угодно. Но дверь открыл самый обычный мужик. Домашняя футболка, уставшие глаза, пакет корма в руках.

— Да?

Вольский смотрел на него секунд пять.

Потом спокойно сказал:

— Вы знали Дмитрия Костина.

Громов пожал плечами.

— Ну... так. Собачники.

— И всё?

— Ну да.

— В гости ходили?

— Нет.

— Конфликтовали?

— Нет.

— Деньги должны были?

— Нет.

И именно это было самым жутким. У него не было причины. Вообще. По крайней мере на поверхности. А потом Вольский увидел фотографию. Случайно. На полке. Моло-

дая девушка лет двадцати. Очень красивая. И рядом — Громов. Счастливый. Настояще счастливый. Марк замер.

— Кто это?

Лицо Громова изменилось мгновенно. Будто внутри него кто-то выключил свет.

— Дочь.

Тишина.

— Была.

Я почувствовал, как внутри медленно начинает расти очень нехорошее ощущение. Вольский тоже это почувствовал.

— Что случилось?

Громов долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Три года назад она покончила с собой.

Комната будто стала холоднее.

— Почему?

Пауза. Очень долгая.

И потом:

— Из-за Костина.

У меня внутри всё оборвалось. История оказалась страшно простой. Настолько простой, что именно поэтому мы её не видели. Дочь Громова работала в одной из фирм Костина. Молодая, наивная. Костин начал с обычного флирта. Потом отношения, потом видео. Компромат, унижения. Когда она попыталась уйти, он начал угрожать. Через полгода девуш-

ка выбросилась из окна. Дело закрыли как самоубийство. А Костин продолжил жить дальше. Громов тоже продолжил. Только иначе.

Он начал гулять с собакой в то же время, что и Костин. Каждый день. Месяцами. Смотрел, ждал, изучал привычки, маршруты, время. Идеальный сосед по прогулке. Человеческий фон. Никто. Я сидел в домашнем кабинете Громова и чувствовал, как волосы на затылке медленно шевелятся. Потому что впервые за всё расследование всё действительно встало на места.

Наталья и Андрей? Да, изменяли. Да, ненавидели. Да, вращались. Но не убивали.

Егор? Хотел смерти отца. Но в ту ночь реально был в магазине.

Мать? Нашла нож после убийства.

Лядов? Хотел признаться в чужом убийстве просто потому, что тоже ненавидел

Костина. А настоящий убийца всё это время стоял в стороне. Тихий, вежливый. С собакой на поводке.

— Как вы попали в квартиру? — тихо спросил Вольский. Громов посмотрел в окно. На дождь.

И очень спокойно ответил:

— Он сам меня впустил.

Тишина.

— Почему?

— Потому что для него я был никем. Просто мужик с пло-

щадки.

Он усмехнулся. Очень пусто.

— А потом оказалось, что даже “здравствуйте” иногда достаточно, чтобы однажды тебя убили.

В кабинете Громова стояла такая тишина, будто воздух сам боялся шевелиться. Грей лежал возле батареи. Огромный, спокойный. И только иногда поднимал глаза на хозяйна. Будто всё понимал. Вольский не двигался. Смотрел на Громова очень внимательно. Как хирург перед сложным разрезом.

— Чем убили?

Павел ответил не сразу.

— Ножом.

— Это мы знаем.

— Тогда зачем спрашивать?

— Хочу понять, как именно вы это сделали.

Громов усмехнулся. Усталой усмешкой человека, который уже давно не видит смысла врать.

— Он даже не испугался.

Я почувствовал холодок.

— В смысле?

— Когда я вошёл... он просто пошёл на кухню. Сказал: “Чай будешь?”

Тишина. Грей тихо ударил хвостом по полу. Павел смотрел куда-то мимо нас. Не в комнату. Куда-то дальше.

— Он вообще не помнил мою дочь.

Вот это ударило сильнее всего. Не угрозы. Не убийство. Не кровь. А то, что Костин даже не запомнил человека, которого сломал. Вольский медленно закурил. Сигарета дрожала у него между пальцами. И я впервые заметил: он злится. По-настоящему.

— Как её звали?

Павел сглотнул. Очень тяжело.

— Аня.

Повисла тишина.

— Сколько ей было?

— Двадцать два.

Вольский медленно кивнул.

Потом вдруг тихо сказал:

— Хайнц просил передать, что Костин был говном.

Я устало прикрыл глаза. Но, честно говоря, спорить не хотелось. История начала складываться страшно чётко. Павел месяцами изучал Костина. Привычки, маршруты, время. Он знал, когда тот гуляет с собакой, когда пьёт, когда остаётся один, когда Наталья уезжает, когда Андрей приезжает. И именно это сломало расследование. Потому что все остальные действительно были рядом.

Измена между Андреем и Натальей реальна. Шантаж, насилие над сыном, ненависть матери... все реально. Но убийство совершил человек, которого никто не замечал. И это было почти гениально. Вольский долго листал материалы.

Потом вдруг спросил:

— А нож?

Павел посмотрел на него спокойно.

— С кухни.

— Перчатки?

— Да.

— Тогда почему мать нашла нож?

Павел впервые за весь разговор улыбнулся.

Очень криво.

— Потому что я хотел, чтобы она его нашла.

У меня внутри всё похолодело.

— Что?..

— Я знал, что она ненавидит его. — тишина. — Я видел это по глазам.

Он говорил тихо. Почти без эмоций. От этого становилось ещё страшнее.

— Она зашла уже после. Увидела кровь, нож. И взяла его.

— Павел посмотрел на нас. — А я ушёл.

Вольский закрыл глаза. Медленно выдохнул дым.

— Швархт ферн...

— Перевод? — автоматически спросил я.

— “Какой же ты терпеливый ублюдок”.

Павел кивнул.

— Возможно.

Но самое мерзкое было впереди.

— Почему вы не ушли сразу после убийства? — спросил я.

Павел посмотрел на меня.

И спокойно ответил:

— Потому что ждал.

— Чего?

— Хотел посмотреть, кто придёт первым.

Тишина. Я почувствовал, как по спине проходит холод.

— И кто пришёл?

— Наталья.

Вольский резко поднял голову. Павел кивнул.

— Она приехала минут через двадцать.

— Зачем?

— Не знаю.

— Она видела тело?

— Да.

— И?

Павел долго молчал.

Потом сказал:

— Не удивилась.

Комната будто стала меньше.

— Что значит “не удивилась”?

— Посмотрела на него... и просто села.

Я почувствовал, как внутри всё снова начинает переворачиваться.

— Она знала, что его убьют?

— Нет.

— Тогда почему...

Павел перебил:

— Потому что иногда люди слишком долго ждут чью-то смерть.

Повисла тишина. Очень тяжёлая. Вольский докурил сигарету. Затушил её.

И вдруг тихо сказал:

— А потом пришёл брат.

Я вздрогнул.

Павел медленно кивнул.

— Да.

— И тоже не удивился?

Пауза.

— Нет.

Теперь уже похолодело даже у меня. Потому что внезапно стало ясно: все эти люди действительно хотели смерти Костина. Каждый по-своему. Каждый по своей причине. Просто убил его только один. И именно поэтому расследование превратилось в ад. Потому что мы искали убийцу среди людей, которые морально уже были готовы увидеть труп. Вольский долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Артём.

— М?

— Знаешь, что самое страшное?

— Что?

Он посмотрел на фотографию Костина.

И очень спокойно ответил:

— Если бы Громов его не убил... рано или поздно это сделал бы кто-то другой.

Показания Павел давал спокойно. Без истерик, попыток оправдаться, театра. Будто просто устал слишком долго носить всё это внутри. В допросной пахло дешёвым кофе, мокрой одеждой и сигаретами Вольского, которые, кажется, уже въелись даже в стены. Я сидел в углу и смотрел на Громова. На человека, которого мы не замечали почти две недели. И каждый раз от этой мысли становилось не по себе. Следователь задавал вопросы. Павел отвечал. Ровно, чётко. Иногда слишком тихо.

— Орудие убийства?

— Нож с кухни.

— Цель?

— Убить Дмитрия Костина.

— Причина?

Павел долго молчал. Потом поднял взгляд. И впервые за весь вечер в его голосе появилось что-то живое. Боль. Настоящая.

— Потому что он уничтожил мою дочь... а потом забыл, что она вообще существовала.

Тишина. Даже следователь перестал писать.

Павел медленно продолжил:

— Знаете, что самое страшное?

Никто не ответил. Он усмехнулся. Пусто.

— Если бы он хотя бы помнил её имя... возможно, я бы не пришёл тогда к нему домой.

Вольский молча смотрел в стол. И впервые за всё время ничего не сказал. Даже тараканы молчали.

Когда Громова выводили из кабинета, Грей тихо заснул возле двери. Павел остановился. Посмотрел на собаку. Очень долго. Потом присел. Потрепал за шею.

— Прости, дружище.

Я отвернулся. Почему-то именно это ударило сильнее всего. Не признание, не кровь, не убийство. А огромная овчарка, которая не понимала, почему хозяин уходит. Полицейский аккуратно потянул Павла за плечо. Тот встал и ушёл. Без сопротивления. Без слов. Только дверь за ним тяжело закрылась. И всё. Конец.

В офис мы вернулись уже глубокой ночью. Дождь наконец прекратился. Сызрань за окном выглядела так, будто устала вместе с нами. Я молча рухнул на стул. Сил не осталось вообще. Вольский стоял возле шкафа. Смотрел на доску с фотографиями. Наталья, Андрей, Егор, Нина Андреевна, Лядов, Пимчанок, Лалия. Все эти люди. Все эти версии. Все эти ложные дороги. И в центре — Дмитрий Костин. Человек, которого ненавидело слишком много людей.

Вольский медленно снял фотографии. Одну за другой. Аккуратно сложил в потрёпанную бумажную папку. Ту самую. С затёртыми углами и старой надписью ручкой:

“Костин Д.”

Потом достал тонкую верёвочку. Неторопливо перевязал папку крест-накрест. Как будто закрывал не дело, а чью-то жизнь. Я наблюдал молча. Вольский подошёл к шкафу, открыл дверцу. Внутри стояли десятки таких же папок. Пыльных, старых, тяжёлых. Он положил новую сверху. Провёл ладонью по корешку.

И тихо сказал:

— Всё.

Я устало посмотрел на него.

— И что теперь?

Вольский закрыл шкаф. Щёлкнул замок. Потом медленно повернулся ко мне.

— Теперь?

Он достал сигарету. Закурил. И впервые за несколько дней чуть заметно усмехнулся.

— Теперь твоя развалюха снова не заведётся, мы опоздаем на новое дело, а Хайнц опять нажрётся сахаром из кухни.

Из-за батареи тут же донёсся тихий скрежет.

Вольский раздражённо махнул рукой:

— Я не про тебя сейчас, швархт ты усатый.

Я не выдержал и всё-таки засмеялся. Тихо. Устало. Потому что после всего этого безумия смех был единственным способом убедиться, что мы оба ещё окончательно не сошли с ума. За окном медленно светало.

Глава 7

Утро началось так, будто кто-то специально решил издеваться над Вольским. Дождь закончился. Это всегда подозрительно. Потому что нормальная погода в нашем городе обычно означает либо катастрофу, либо новое дело.

Через двадцать минут оказалось, что второе. Марк вошёл в кабинет без приветствия. В мокром пальто, с чашкой кофе. И с выражением лица человека, которому только что сообщили, что в городе закончились сигареты и здравый смысл. Он бросил на стол папку. Не толстую, не потрёпанную. Новую, плотную, с запахом дорогой бумаги.

— Ресторан.

Я даже не удивился.

— Кто умер?

— Критик.

Я поднял взгляд.

— Ресторанный?

— Да.

— Это уже звучит как начало анекдота.

Вольский сел. Долго молчал.

Потом очень спокойно сказал:

— В подвале нашли взломанный сейф.

Я открыл папку. И сразу стало понятно — история будет мерзкой. Ресторан. Не просто ресторан. Местная леген-

да. Его владелец — повар. Звали его... Вольский перелистнул страницу.

— Ренат.

Просто Ренат. Без фамилии. Я усмехнулся.

— Как будто бренд.

— Он так и позиционируется.

Звезда местного уровня. Фирменный соус, рецепт которого ценят примерно как автомобиль ручной сборки. И тут пошли детали. Рецепт соуса якобы восходит к XIX веку. 1878 год. Оригинальная проба - ампула. Настоящая историческая штука. Коллекционеры гастрономии готовы платить за неё больше, чем за нормальную квартиру.

И вот теперь: пропала рукопись, пропала ампула, а рядом нашли труп. Ресторанный критик. Тот самый человек из внешнего мира, который знал точный состав соуса. И однажды смог вскрыть сейф. Совпадение такое толстое, что даже Вольский бы сказал «ну не может быть». Но не сказал. Потому что уже смотрел в окно и курил.

— Убит чем?

— Разделочной мусаткой.

Я завис.

— Чем?

— Мусаткой.

Я посмотрел на него.

— Это уже звучит не как убийство. Это звучит как сообщение.

Вольский кивнул.

— Рядом разбитая бутылка редкого вина.

— И?

— И никаких следов борьбы.

— Значит, он кого-то знал.

— Или был настолько уверен в своей безопасности, что не ждал удара.

Я начал листать фотографии. Подвал, сейф, аккуратный взлом. Не хаос. Не ломали всё подряд. Кто-то знал, что искать и что брать. На полу рядом с телом валялась разбитая бутылка. Дорогая, редкая. Не просто алкоголь. Почти экспонат.

И тут одна деталь бросилась в глаза. Я ткнул пальцем.

— Смотри.

На фотографии бутылка лежала не просто разбитая. Её разбили после. Как будто...

— Как будто хотели создать сцену.

Вольский медленно посмотрел на меня. Потом впервые за день усмехнулся.

— Молодец.

— Что?

— Не сказал «это точно повар».

Я пожал плечами.

— Пока рано.

Он глубоко затянулся.

И спокойно произнёс:

— Запомни этот момент. Потому что сейчас все будут уверены, что убийца — Ренат. А это значит... — Он посмотрел на папку. — ...что мы начнём искать человека, который хотел, чтобы все так подумали.

И где-то в кабинете из-под шкафа послышалось очень тихое:

— Швархт...

Я посмотрел на Марка. Он кивнул в сторону пола.

— Хайнц считает, что вино тут лишнее.

Я тяжело вздохнул.

— У них отпуск закончился?

Вольский поправил очки.

— Нет.

— Тогда?

Он очень серьёзно ответил:

— Они были на гастрономическом туре. Потом на усадьбе.

Я посмотрел в потолок.

— Вокруг стиралки?

Вольский задумался.

— Нет. Вокруг холодильника.

И впервые за день я понял: история только началась. Да, справедливо. Я начал сам придумывать лишние сцены и потерял контроль над исходными вводными. Возвращаемся в кабинет. Никаких живых диалогов с покойником, никаких кивков Рената.

Вечер. Кофе остыл. Папка по ресторану лежала между нами, и Марк молча перебирал листы. Я уже видел этот взгляд. Когда он начинает не расследовать, а медленно собирать из чужих глупостей карту.

— Первый подозреваемый, — сказал он без эмоций, — повар.

Я кивнул. Ренат. Человек, построивший вокруг соуса почти культ. А критик был не просто человеком с острым языком. Он был тем, кто знал состав. И, судя по материалам, в последние недели начал намекать знакомым, что никакого старинного рецепта там нет. Что всё это современная реконструкция. Новодел. Легенда вместо истории. И что он собирался написать об этом статью. Мотив? Уничтожить репутацию человека, который сделал себе имя на этой истории. И ещё хуже — потерять не деньги, а статус. Вольский тихо постучал пальцем по странице.

— Репутация иногда дороже жизни.

Я посмотрел дальше. Вторая — Лада. Девушка критика. Не просто знакомая. Отношения на грани. По показаниям — последние месяцы они постоянно ругались. Она хотела уйти, а он давил, использовал отношения как часть своей жизни «на хайпе». И вот в день убийства. Она спускается в подвал и пропадает. Двадцать минут. Возвращается спокойная, без объяснений. Тут даже я задумался. Не потому что двадцать минут — это долго, а потому что двадцать минут в подвале ресторана без причины — это очень неудобное время. Марк

перелистнул страницу.

— Если бы я писал детектив по учебнику — уже бы арестовал её.

Я усмехнулся.

— Но мы не по учебнику.

— Нет, — Он достал новую бумагу. — Потому что третий подозреваемый тоже выглядит красиво.

Администратор Тимур. Бывший спортсмен. Человек, который когда-то проиграл убитому огромную сумму на тотализаторе. И критик регулярно напоминал ему об этом. Нет, не угрозами. Хуже. Шутками. При людях. Это уже другой тип давления. Долг. Унижение, постоянное напоминание. Я посмотрел на список.

Повар.

Девушка.

Администратор.

У всех есть мотив, у всех есть неудобные совпадения. И это было подозрительно. Потому что слишком рано, слишком очевидно. Марк молча достал сигарету, закурил, посмотрел в окно.

Потом спокойно сказал:

— Пока что мне нравится не убийца.

— А что?

Он усмехнулся.

— Что критик очень умело умудрился нажать себе трёх людей, которым удобно выглядеть виноватыми.

Я посмотрел на материалы.

— То есть кто-то из них точно убийца?

Вольский пожал плечами.

— Нет. — пауза. — Но если человек так уверенно идёт по жизни, создавая врагов... — Он затанулся. — Иногда достаточно просто умереть не вовремя, чтобы все начали думать, что заслужил.

Я молча кивнул. А потом поймал себя на мысли. Что мы ещё даже не начали смотреть туда, куда критик смотрел сам. На сейф, на ампулу и на тот самый рецепт. Потому что пока слишком много людей хотели смерти. Но пока никто не объяснил главного вопроса: кому было выгодно исчезновение не только человека... но и истории.

Мы ещё какое-то время сидели молча. Марк листал материалы не спеша. Так, будто уже видел эту схему десятки раз. Я поймал себя на мысли, что меня раздражает одна вещь. Все три подозреваемых выглядели слишком удобно. Слишком понятно. Слишком готово. Как меню бизнес-ланча для полиции.

— Есть ещё что-то про критика? — спросил я.

Марк поднял глаза.

— Есть.

Он протянул мне отдельный лист. Я начал читать. Критик не просто писал обзоры. Он коллекционировал истории. Собирал редкие вина, искал легенды вокруг блюд и очень любил доказывать, что за красивой подачей обычно прячет-

ся обычная человеческая жадность. Последние недели он встречался с людьми из гастрономического рынка. Кто-то пытался купить у него молчание. Кто-то наоборот, подталкивал публиковать разоблачение. И вот это уже стало интереснее. Потому что теперь вопрос был не «кто ненавидел критика?» А «кто боялся его статьи настолько, что исчезновение рукописи стало важнее исчезновения человека?» Марк задумчиво постучал сигаретой по пепельнице.

— Сейф.

Я посмотрел.

— Что сейф?

— Его вскрыли не ради денег.

Я вспомнил фото. Ровный взлом. Без паники, без хаоса.

Марк продолжил:

— Забрали только две вещи. Рукопись и ампулу. То есть убийство и кража связаны.

Я кивнул.

— Но почему тогда критика убили именно там?

— Потому что подвал - это место. И это не ответ.

Он перевернул страницу.

— И ещё.

Я напрягся. Марк показал распечатку показаний персонала.

— Все трое подозреваемых знали про сейф.

Я завис.

— Все?

— У всех был доступ. У Рената — очевидно. Лада часто сопровождала критика и бывала в закрытых помещениях. Тимур отвечал за охрану и помещения.

Я медленно откинулся на стуле. Вот это уже было похоже на дело. Не потому что стало проще, а потому что появилось ощущение: мы нашли не людей с мотивом. Мы нашли людей, которые могли знать больше, чем говорили.

Марк молча взял папку. Закрыл.

И вдруг сказал:

— Знаешь, что меня раздражает?

— Что?

— Мы до сих пор обсуждаем соус.

Я посмотрел на него.

— Ну да. Это же дело про соус.

Он покачал головой.

— Нет.

Он затаился. Посмотрел на фотографию сейфа.

— Это дело про человека, который решил, что имеет право переписать чужую историю.

Я нахмурился.

— Критик?

Марк не ответил сразу.

Потом тихо сказал:

— Или тот, кто украл рукопись.

впервые за вечер я понял одну неприятную вещь. Мы всё ещё считали ампулу целью. Но вдруг она вообще была от-

влекающим манёвром. Потому что если кто-то хотел спрятать правду, ему проще всего было украсть не деньги, а доказательство.

И тогда весь ресторан внезапно перестал быть рестораном. А стал местом, где кто-то очень долго варил одну большую ложь. И, кажется, кто-то наконец понял, что вкус у неё изменился.

Марк сидел и какое-то время вообще ничего не говорил. Просто смотрел на материалы. Не на фотографии тела, не на сейф, не на список подозреваемых. На страницу с описанием критика. Я уже научился замечать эту штуку. Если Вольский слишком долго смотрит в одну точку — значит, он нашёл несостыковку. И обычно эта несостыковка потом больно бьёт по всем версиям сразу.

— Что? — спросил я.

Он постучал пальцем по абзацу.

— Коллекционер.

— Ну да.

— Он вскрывал сейф.

Я кивнул.

— Да.

— И знал состав соуса.

— Да.

Он медленно перелистнул страницу назад.

— А теперь вопрос.

Я приготовился.

— Почему человек, который мог просто написать статью и уничтожить репутацию ресторана... полез в подвал?

Я замолчал. Потому что до этого момента это казалось логичным. Но сейчас... Нет. Критик уже имел доступ к информации, знал секрет, угрожал публикацией. Зачем ему ещё и сейф?

Марк продолжил сам:

— Если ты знаешь, что человек обманывает людей, ты не идёшь искать у него деньги. Ты идёшь искать доказательства.

Он закурил.

— А если нашёл... — он затянулся и медленно выпустил дым — ...то появляется вопрос. Что именно он нашёл.

Я открыл материалы. Сейф, рукопись XIX века, ампула, фотографии. И вдруг понял. Мы слишком быстро приняли версию полиции. Будто критик хотел украсть. Но что если он хотел... забрать обратно?

Я посмотрел на Марка. Он кивнул.

— Вот теперь уже интересно.

Он достал ещё один лист. Экспертное заключение по сейфу. Следы вскрытия. И одна строка, которую никто не подчеркнул:

«Замок открыт ключом с повреждением механизма. Следы совпадают с попыткой восстановления доступа после ранее проведённого вскрытия.».

Я перечитал. Потом ещё раз.

— Подожди...

Марк усмехнулся.

— Да.

Я медленно поднял голову.

— Его вскрыли раньше.

— Именно.

— То есть...

Он пожал плечами.

— Кто-то уже раньше залезал в сейф. И критик об этом знал.

Пауза. Тяжёлая. Очень неприятная. Потому что это меняло всё. Теперь Лада с её двадцатью минутами в подвале выглядела не так. Тимур с долгами — не так. Даже Ренат с соусом — уже не так. Потому что появлялся новый вопрос. Кто раньше вскрывал сейф? И почему об этом никто не говорил? Марк медленно встал, подошёл к шкафу, открыл, достал чистую папку, положил на стол. Потом посмотрел на меня.

— Знаешь, что самое мерзкое?

Я уже не спрашивал.

Он сам ответил:

— Когда человек хранит легенду в сейфе, он начинает думать, что легенда принадлежит ему. А если кто-то приходит и показывает, что всё это обычная подделка, то у людей внезапно появляется очень сильное желание закрыть сейф навсегда.

Я посмотрел на папку. Потом на список подозреваемых. И впервые за всё дело подумал: мы сейчас вообще не ищем

убийцу. Мы ищем человека, который очень давно понял одну вещь. Что соус — это не рецепт. Это власть. И кто-то был готов ради неё пойти дальше, чем просто испортить кому-то репутацию.

В соседней комнате что-то упало. Марк даже не повернул голову.

Спокойно сказал:

— Если это Лейберихт опять вскрыл шкаф. Я вычту из его зарплаты.

Я тяжело вздохнул. История только начала разваливаться на части. И это почему-то уже начинало нравиться. Я какое-то время смотрел на шкаф. Потом посмотрел на Марка. Потом снова на шкаф. История с сейфом начала разворачиваться куда-то в неприятную сторону — туда, где слишком много людей хотели не денег, а контроля над чужой правдой.

И тут до меня дошло кое-что другое. Я повернулся к Вольскому.

— Слушай.

Он не поднял головы.

— М?

— Ты сейчас сказал, что вычтешь из зарплаты Лейберихта.

Марк продолжал писать что-то в блокноте.

— Да.

Я выдержал паузу.

— А какую зарплату вообще получают тараканы?

Он замер. Медленно поднял взгляд. Очень медленно. Сигарета зависла у него между пальцами. Несколько секунд он молчал.

Потом совершенно спокойно ответил:

— Натурой.

Я моргнул.

— В смысле?

Он серьёзно кивнул.

— У них контракт почасовой.

— И что входит?

Марк задумался.

Потом начал перечислять пальцами:

— Крошки.

Я молча смотрел.

— Право первыми узнавать новости.

— Это работа?

— Информационный отдел.

Я потёр переносицу.

— То есть Хайнц реально получает зарплату крошками?

— Хайнц получает ещё компенсацию за командировки.

Я застыл.

— Командировки?

— Кругосветка.

Я не выдержал.

— Вокруг стиралки?

Марк очень серьёзно посмотрел на меня.

— Не надо обесценивать. — пауза. — Они посетили три континента.

Я медленно откинулся на стуле. И в этот момент где-то из-под шкафа донёсся тихий шорох. Марк повернул голову. Абсолютно деловым тоном сказал в пустоту:

— Нет, отпуск закончился. Возвращайтесь к делу.

Пауза.

Потом ещё тише:

— И не рассказывайте мне опять про усадьбу.

Я посмотрел на него.

— Ты сейчас...

— Нет.

Он сделал новую затяжку.

— Просто некоторые сотрудники слишком разговорчивые.

Я решил не развивать тему. Потому что у меня было ощущение, что чем больше я спрашиваю про тараканов, тем меньше понимаю устройство этого мира. Вернулся к делу.

— Ладно. Если сейф уже вскрывали раньше... значит кто-то мог заранее знать про рукопись и ампулу.

Марк кивнул. Уже серьёзно.

— И это возвращает нас к людям. — Он постучал по папке. — Не к тем, кто ненавидел критика. А к тем, кто знал, что он собирается сделать.

Я задумался. Получалось неприятно. Повар мог бояться разоблачения. Лада могла скрывать разговоры. Администра-

тор мог иметь доступ к помещениям. Но кто-то один уже раньше открывал сейф. И это означало, что часть истории началась задолго до убийства. Марк поднялся, подошёл к окну, посмотрел на ресторан на фотографии.

И спокойно сказал:

— Завтра начнём не с людей, а с сейфа.

Я нахмурился.

— Почему?

Он усмехнулся. Очень коротко.

— Потому что вещи обычно врут хуже людей.

И тут из-под шкафа донеслось что-то похожее на одобрительное постукивание. Я даже не стал спрашивать. Просто допил холодный кофе. Потому что уже понял: если мы начнём слушать всех сотрудников отдела информации Марка, то расследование закончится не в ресторане, а где-нибудь вокруг стиральной машины.

Утро пришло так, будто вообще не понимало, что вчера мы раскрыли только половину ничего.

Я сидел за столом и перечитывал всё по кругу. Ренат, Лада, Тимур, Сейф, Ампула, Рукопись... И одна мысль начинала меня раздражать всё сильнее. Кто-то вскрыл сейф раньше, но никто этого не заметил. Или сделал вид. Марк вошёл уже собранный, с двумя стаканами кофе. Один поставил мне, второй себе.

Сел и сказал:

— Начнём с того, кто видел сейф раньше всех.

Я поднял глаза.

— Ренат?

Он покачал головой.

— Нет.

Перевернул страницу.

— Критик.

Я завис.

— Но он мёртв.

— Да.

Он ткнул пальцем в материалы.

— Он вскрывал сейф. Значит видел содержимое. И потом почему-то начал говорить про разоблачение. И исчезла не только ампула.

Я молчал.

Марк продолжил:

— Вопрос не в том, почему его убили.

Я посмотрел на него.

— А в том... — он перевернул ещё один лист. — ...что именно он увидел.

И тут он замер. Неожиданно. Посмотрел на одну фотографию. Потом ещё раз. Я наклонился. Фото подвала, сейфа, пола.

— Что?

Он молчал.

Потом очень тихо сказал:

— Подожди.

Он достал увеличенную копию, подвинул ближе. Я всмотрелся и увидел. На полу. Рядом с сейфом. Маленькую царапину. Как будто кто-то очень давно поставил туда что-то тяжёлое. И двигал. Марк постучал пальцем.

— Это не от убийства.

— Почему?

— Потому что убийство было позже.

Он посмотрел на меня.

— Этот след старый.

Я нахмурился.

— И что?

Он молча достал ещё одно фото. Другой ракурс. Там была та же линия, но уже ближе. И рядом почти незаметный след. Капля чего-то засохшего. Не крови, не вина. Похоже на лак. Или масло.

Марк задумчиво сказал:

— Кто-то очень долго пользовался этим сейфом.

Я посмотрел на него.

— В смысле?

Он пожал плечами.

— Не просто открывал, а доставал, клал, перемещал и аккуратно убирал обратно.

Я медленно выдохнул.

— То есть...

Он кивнул.

— То есть легенда про «никто не знал точный состав» на-

чинает выглядеть уже не такой красивой.

Тишина. Я почувствовал неприятный холодок. Потому что вдруг стало ясно: сейф - это не тайник. Сейф - это рабочее место. Кто-то регулярно туда лазил. И если так, то исчезновение ампулы и рукописи могли вообще быть не причиной убийства, а попыткой убрать следы.

Марк допил кофе. Посмотрел в сторону шкафа.

Потом спокойно сказал:

— Лейберихт считает, что мы идём не туда.

Я закрыл глаза.

— Конечно.

— Он говорит, что надо проверить холодильник.

Я открыл глаза.

— Почему холодильник?!

Марк пожал плечами.

— Потому что по его словам там часто прячут самое интересное.

Пауза. Он задумался.

— Но это не юридически обоснованная версия.

Я молча посмотрел на него. И впервые за утро понял страшную вещь. Я уже начал ждать, что тараканы окажутся правы. И это было тревожнее любого убийства с разделочной мусаткой.

Глава 8

Я сидел с распечатками, Марк напротив. И впервые за долгое время выглядел не раздражённым, а заинтересованным. Это плохой знак. Потому что когда Вольский начинает получать удовольствие от расследования, значит, где-то рядом очередная слой лжи. Он бросил мне ещё один лист.

— Добавился свидетель.

Я посмотрел и завис. Потому что там было не имя обычного человека из ресторана.

Там было: Константин Ивлев. Я моргнул. Потом ещё раз.

— Серьёзно?

Марк пожал плечами.

— Не он убил.

— Ты уже так уверенно говоришь?

— Нет. — пауза. — Просто его участие слишком абсурдное для убийства.

Я начал читать. Полгода назад в Сызрани снимали шоу. После съёмок команда решила зайти в ресторан. Ивлев попробовал фирменный соус и внезапно заинтересовался. Не как гость, как повар.

Начал спрашивать официантов:

— Что это за соус?

Официанты знали только название, но не состав. Поваров вывели. Они знали только дозировку и куда добавлять. Шеф кухни вышел.

Единственное, что смог сказать:

— Там есть томат.

Администратор развёл руками. Бармен тоже. И тогда появился Ренат.

И сказал:

— Я знаю всё о соусе

Ивлев предложил деньги. Сначала семьдесят тысяч, потом двести, потом семьсот. И Ренат отказал. Без эмоций, без торгов. Просто нет и всё. И ещё добавил: «Это секрет ресторана».

Я перечитал ещё раз. Потом посмотрел на Марка.

— То есть...

— Что?

— Он отказался от семисот тысяч?

— Да.

— За информацию?

— Да.

— Либо он очень богатый.

— Либо очень боится.

Тишина. Я задумался. Потому что вот тут внезапно появился совсем другой мотив. Не страх разоблачения, не защита рецепта, а защита идеи. Ренат не продавал соус, он не продавал даже историю. Он продавал ощущение тайны. И, если Ивлев как человек, который реально разбирается в кухне, начал задавать вопросы, то кто-то мог начать нервничать.

Марк достал сигарету. Покрутил в пальцах.

Потом вдруг сказал:

— Мне не нравится одно.

— Что?

— Никто из сотрудников не знал состав.

Я пожал плечами.

— Ну секрет же.

— Секрет обычно знает больше одного человека.

Я завис.

Он продолжил:

— А тут получается целый ресторан пользуется продуктом и никто не знает, что туда кладут. — пауза. — Это не кухня. Это культ.

Я молча смотрел на бумаги. И вдруг понял ещё одну вещь. Если Ренат действительно отказывался от огромных денег, значит, проблема была не в цене. Значит, он не мог раскрыть состав. Не хотел. Или не имел права.

Марк медленно встал, подошёл к шкафу, открыл, посмотрел внутрь и очень спокойно сказал:

— Лейберихт просит перестать искать убийцу.

Я устало посмотрел на него.

— Почему?

Марк ответил совершенно серьёзно:

— Потому что по его версии мы ищем не того человека.

Я тяжело вздохнул.

— А кого?

Он закрыл шкаф. И сказал:

— Источник.

Я замер. Он посмотрел на фотографию бутылки вина, потом на сейф, потом на меня. И впервые за день улыбнулся без веселья.

— Потому что если весь ресторан не знает состав, значит вопрос уже не кто украл рецепт, а кто вообще придумал этот соус. И почему все так упорно делают вид, что знают ответ.

Я впервые за вечер поймал себя на мысли, что мы уже перестали расследовать убийство. Мы расследовали соус. Что само по себе звучало как начало плохого анекдота.

Марк сидел молча. Потом сказал:

— Если верить легенде, он был не придуман Ренатом.

Я кивнул. Легенда была такая: рецепт исчез в XIX веке. Потом каким-то образом оказался в семье Рената. Бабушка, макароны по-флотски, потом мама, потом сам Ренат. Никакой рукописи, никаких документов. Только память семьи.

И вот тут Марк внезапно сказал:

— Это уже не рецепт.

Я поднял голову.

— А что?

Он пожал плечами.

— Семейная реликвия.

Я завис.

Он продолжил:

— Люди обычно не отказываются от семисот тысяч за рецепт. Люди отказываются от семисот тысяч за то, что счита-

ют частью себя.

Я задумался. И тут внезапно появился мотив. Не для Рената, а для Ивлева. Потому что если кто-то услышал историю, попробовал, понял ценность и захотел узнать больше, то отказ мог задеть сильнее, чем кажется.

Марк начал раскладывать новые листы.

— После визита съёмочной группы выяснилась одна вещь.

Я посмотрел. Он показал скрин из соцсетей. Комментарий под старым видео с аккаунта фаната.

Текст:

> «Жаль, что тот повар не захотел раскрыть секрет. Было бы интересно восстановить вкус.»

Марк спокойно сказал:

— Это не доказательство.

Я кивнул. Он перевернул страницу. Там был другой материал. Уже страннее. После визита шоу команда интересовалась историей XIX века региона. Потом кто-то искал старые кулинарные книги, потом запросы про «восстановление утраченного рецепта». Я посмотрел на Марка.

— Это ничего не доказывает.

Он спокойно согласился.

— Нет. — пауза. — Но это показывает интерес.

Он откинулся.

— Ивлев не похож на человека, который убивает за отказ.

Я облегчённо выдохнул. Но он тут же добавил:

— Зато он похож на человека, который мог сильно расстроиться, если бы решил, что перед ним настоящий забытый вкус эпохи.

Я посмотрел на него.

— То есть ты реально сейчас предлагаешь мотив?

Марк улыбнулся уголком рта.

— Нет. — пауза. — Я предлагаю объяснение того, почему версия «он хотел убить Рената» выглядит глупо.

Я завис.

Он продолжил:

— Потому что если человек хотел рецепт, он бы не стал убивать. Он бы пришёл ещё раз. И ещё раз. Предложил миллион, Два, Сделал бы шоу, рекламу, но не убивал.

Я задумался. И понял, что он снова начал ломать красивую версию.

— Значит...

Марк кивнул.

— Значит, Ивлев может быть свидетелем, но не убийцей. — Он затаился и тихо добавил, — А ещё я бы проверил одну вещь.

— Какую?

Он посмотрел на фотографию Рената.

— Почему человек, который хранит семейный рецепт три поколения, вдруг решил назвать его «соусом XIX века».

Я замолчал. Потому что это действительно был хороший вопрос. Не убийственный, не громкий, но очень неудобный.

И где-то из-под шкафа донёлся слабый шорох. Марк даже не посмотрел туда.

Только сказал:

— Хайнц, если ты сейчас скажешь, что рецепт у тебя в отпускном чемодане, я не удивлюсь.

Пауза. Я выдохнул. История снова пошла не туда. И это начинало становиться уже фирменным стилем этого места. Следующие пару минут мы сидели молча. Не потому что было нечего сказать, а потому что чем дальше мы копали историю про соус, тем сильнее она начинала напоминать не кражу рецепта, а семейную реликвию, вокруг которой люди сами начали строить легенды.

Я листал материалы. Бабушка, макароны по-флотски, мама, Ренат, соус. Никаких документов. Никаких подтверждений XIX века. Только память. И вот это начало меня цеплять сильнее, чем всё остальное. Потому что память — штука опасная. Она не врёт. Она просто иногда перестаёт различать вкус и историю. Марк тем временем сидел и что-то писал.

Потом сказал:

— Знаешь, что странно?

Я посмотрел.

— Что?

— Если бы он хотел просто заработать, он бы давно начал продавать историю.

«Старинный рецепт».

«Наследие».

«Настоящий вкус прошлого».

Я кивнул.

— Да.

— Но он этого не сделал. — пауза, — Значит, либо он честно в это верит. Либо... — он замолчал.

Потом очень спокойно закончил:

— Либо ему нельзя было говорить больше.

Я поднял голову.

— Кому?

Он пожал плечами.

— Вот это и надо понять.

Мы оба посмотрели на папку. И тут я поймал себя на мысли, что Ивлев вообще внезапно начал выглядеть не как подозреваемый, а как человек, который случайно дёрнул за ниточку. И ниточка оказалась частью ковра размером с дом. Хотя я всё ещё не хотел признавать это вслух.

Марк взял следующий лист.

— Кстати.

Я напрягся.

Он посмотрел на меня спокойно.

— После визита съёмочной группы был ещё один интересный момент.

Я замер.

— Какой?

Он перевернул страницу. Там была короткая заметка:

«После дегустации Ивлев попросил сохранить контакт ресторана и отдельно интересовался историей происхождения блюда».

Марк пожал плечами.

— Интересовался историей. Не рецептом.

Я нахмурился.

— Это плохо?

Он усмехнулся.

— Нет. — пауза. — Это нормально для человека, который любит еду.

Я кивнул. И вдруг понял, что мы почти час обсуждаем человека, который вообще не был рядом с местом преступления. И тут же сам себя поправил. Нет, мы обсуждали не человека. Мы обсуждали страх. Страх разоблачения, страх потерять историю, страх потерять контроль над тем, что люди считают настоящим.

Марк поднялся, подошёл к шкафу, открыл дверцу, посмотрел внутрь.

И совершенно буднично сказал:

— Ну что, господа. — пауза. — Если кто-то из вас реально знает состав соуса, сейчас самое время.

Тишина. Потом очень тихий шорох. Марк кивнул, закрыл шкаф. И повернулся ко мне.

— Никто не признался.

Я устало выдохнул.

— Удивительно.

Он пожал плечами.

— Значит, продолжаем обычными методами.

Я посмотрел на него.

— Какими?

Он взял папку. И впервые за весь день улыбнулся нормально. Без мистики, без тараканов.

— Проверим, кто ещё, кроме ресторана, внезапно начал интересоваться этим соусом после визита съёмочной группы.

Я посмотрел на окно. Дождя не было, но почему-то ощущение было такое, будто где-то далеко уже собирается новая туча. И, если раньше у нас было убийство, то теперь стало ощущение, что кто-то очень долго прятал под крышкой не соус, а целую историю. И кто-то наконец начал открывать кастрюлю.

К вечеру кабинет выглядел так, будто мы не расследовали убийство, а открыли филиал гастрономического института без дипломов. На столе — фотографии сейфа, распечатки, история семьи Рената, заметки про шоу. Марк сидел молча и смотрел куда-то в сторону шкафа. Я уже научился отличать этот взгляд. Он не думал, он слушал.

Я посмотрел на него. Потом осторожно спросил:

— Ты сейчас с кем?

Он не повернулся. Спокойно ответил:

— С отделом аналитики.

Я вздохнул.

— То есть?

Он чуть наклонил голову. И сказал совершенно буднично:

— Хайнц, Фридрих, Лейберихт. И...

Он нахмурился.

— Подожди.

Прислушался.

— И Гертруда.

Я завис.

— У тебя таракан по имени Гертруда?

Он серьёзно кивнул.

— Новая.

Я не выдержал.

— И что она делает?

Марк задумался. Потом ответил:

— Контролирует эмоциональный фон.

Я открыл рот. Закрыл. Он продолжил совершенно спокойно:

— Хайнц - логистика. Лейберихт - разведка. Фридрих - внутренний аудит. Гертруда - психологическая устойчивость коллектива.

Я уставился на него.

— Это что за корпорация?

Он посмотрел на меня так, будто вопрос был странный.

— Отдел. — пауза. Он повернул голову чуть в сторону шкафа. — Нет, Фридрих, я не буду увольнять Артёма за сарказм.

Тишина. Потом Марк раздражённо добавил:

— Нет, это не входит в его обязанности.

Я не выдержал:

— Он что, реально отвечает тебе?

Марк пожал плечами.

— Иногда.

И вдруг очень уверенно сказал:

— Сейчас Хайнц считает, что мы ищем слишком очевидные связи.

Я усмехнулся.

— А остальные?

Он будто прислушался. Потом начал пересказывать абсолютно серьёзным голосом:

— Лейберихт говорит, что убийство слишком чистое. Гертруда говорит, что люди, которые слишком любят свои секреты, становятся эмоционально неустойчивыми. Фридрих считает, что у нас слишком мало документов.

Я завис.

— А ты?

Марк посмотрел на папку. И спокойно ответил:

— Я считаю, что если четыре таракана начали работать лучше, чем отдел полиции, значит пора идти проверять людей.

Я уставился на него.

— Подожди.

Он уже поднялся.

— Что?

— А где они сейчас?

Он посмотрел на шкаф. Очень серьёзно.

— На совещании. — пауза. И добавил, — Гертруда принесла протокол.

Я больше ничего не спросил. Потому что решил для себя одну вещь: если когда-нибудь кто-то спросит меня, как выглядит самый странный отдел расследований в истории Сызрани, я отвечу не про людей. Я отвечу про шкаф.

Марк уже застёгивал пальто. И бросил через плечо:

— Завтра идём в ресторан ещё раз.

Я поднял брови.

— Почему?

Он остановился у двери. Не оборачиваясь, сказал:

— Потому что пока все спорят про вкус соуса. Никто не спросил у того, кто моет посуду. А это обычно плохой знак.

Где-то внутри шкафа раздался тихий звук. Будто кто-то поставил галочку напротив пункта в списке. Я даже не стал уточнять, кто именно. Мы нашли это случайно. Не потому что искали Марка, а потому что проверяли всех. Так принято. Сначала люди, потом совпадения, потом документы. Потом уже начинаешь смотреть на тех, кто слишком уверенно стоит рядом.

И вот папка легла на стол. Сначала отпечатки. Не те, что на дверной ручке, не на сейфе. На мусатке. Той самой. И среди десятков следов один выделился — Марк. Я перечитал

строку. Потом ещё раз, потом поднял глаза. Вольский сидел напротив. Молча, не двигался. Я положил лист обратно.

— Это ошибка.

Он не ответил. Тогда я сказал громче:

— Это точно ошибка.

Вольский медленно взял фотографию. Посмотрел. Потом ещё одну. Потом третью.

И тихо сказал:

— Может быть.

Но следующая бумага уже лежала рядом. Волосы. Экспертиза. Совпадение. На одежде погибшего. Марк. Я почувствовал, как внутри всё стало странно пустым. Не потому что было страшно. А потому что... это было слишком неожиданно. Следом пошла камера, машина Марка возле ресторана. Время - окно убийства. И самое неприятное — в отчёте Марк указал, что был в участке, передавал документы прошлого дела.

Но документы... Они не подтверждали этого полностью. Я медленно посмотрел на Вольского. Он всё ещё молчал. Потом спросил:

— Ты знал?

Он посмотрел на меня. Очень спокойно. Без привычной усталости, без шутки, без дыма сигареты.

И сказал:

— Нет.

Это было самое неприятное. Потому что я поверил. Но

факты уже лежали на столе. А потом появилась история. Семнадцать лет назад. Молодой Марк. Помощник детектива. Почти как я сейчас. И критик. Тогда ещё не критик, а человек, который участвовал в каких-то финансовых историях. Фьючерсы, сделки, обещания. Итог — Марк потерял всё. Ноль. Полный крах. И после этого будто исчез из той жизни. В документах было всего несколько строк. Но этого хватало. Потому что там была одна фраза. Короткая. Очень короткая: «После происшествия заявил, что больше никогда не поверит людям, которые продают красивую историю вместо честной сделки.»

Я перечитал и понял, почему это выглядит слишком хорошо. Потому что критик всю жизнь делал почти то же самое. Разрушал чужие легенды, покупал истории, продавал разоблачения. И теперь у Марка внезапно появился мотив. Настоящий, не придуманный, не натянутый. Железный.

Я посмотрел на него.

— Почему ты не сказал?

Он долго молчал. Потом спокойно ответил:

— Потому что это не связано с делом.

Я усмехнулся без улыбки.

— А отпечатки?

Он кивнул.

— Это связано. — пауза. — Значит, будем разбираться.

И вот это меня выбило сильнее всего. Не оправдания, не злость, не попытка уйти.

Он просто сказал: «Будем разбираться». Как будто речь вообще не о нём. Как будто он сам поставил себя в список подозреваемых.

Вольский поднялся, подошёл к шкафу, открыл дверцу и сказал внутрь:

— Коллеги, у нас внутренний аудит.

Я резко повернул голову. Он продолжил совершенно серьёзно:

— Все в отпуск не уходят.

И закрыл шкаф. Потом посмотрел на меня. И тихо сказал:

— Артём.

— Да?

Он взял папку, положил перед собой и впервые за всё время произнёс нечто неожиданное:

— Если это окажется я, ты закрой дело нормально.

Без романтики. Я молчал, а потом понял одну странную вещь. Мне впервые стало страшнее не от того, что Марк может быть убийцей, а от того, что если все улики настоящие, то убийца слишком хорошо знал нас обоих. И это ощущение мне нравилось ещё меньше. К этому моменту дело перестало быть нормальным. Не потому что появился Марк, а потому что внезапно оказалось: чем больше фактов мы добываем, тем меньше они складываются в одну картину.

А это обычно означает одно из двух. Либо кто-то врёт, либо кто-то очень старательно рисует чужую правду. Марк сидел напротив следователя и выглядел так, будто обсуждает

не собственное будущее, а чужую скучную бумажную работу. На вопрос про ресторан он ответил спокойно.

— Я следил за Ренатом по другому делу. — пауза. — Кон-трабанда редких моллюсков.

Следователь не моргнул. Я понял, что профессиональная выдержка иногда страшнее тараканов.

Марк продолжил:

— Подозревали канал поставок через кухню.

Я машинально открыл рот. Он поднял руку.

— Не спрашивай.

Я всё равно спросил глазами. Он вздохнул.

— Не сейчас.

Дальше он объяснил: машина рядом, 15 минут отсутствия, вышел проверить вход, вернулся, нашёл труп уже после убийства.

Звучало логично, но только если забыть одну вещь. Никто не подтвердил эти пятнадцать минут. Никто не видел его выхода. Никто не видел его возвращения. И вот тут началось самое мерзкое. Потому что показания начали сыпаться.

Ренат:

— Да, видел Марка в зале. В момент убийства.

Лада:

— Видела его в подвале. Точно.

Тимур:

— Он стоял у кухни. И смотрел в сторону двери.

Три человека, три места. Одно время, один Марк. Невоз-

можно. Я сидел и смотрел в бумаги. Потом медленно поднял голову. Вольский тоже молчал. Но я видел. Он уже начал складывать. Не людей. Несостыковки.

Он спросил у Рената:

— Вы уверены?

Ренат спокойно кивнул.

— Да.

— Какой был свет?

— Что?

— Где именно стоял Марк?

Ренат замялся. Вольский заметил. И сразу сменил тему. Потом спросил Ладугу, потом Тимура. И каждый отвечал очень уверенно. Слишком уверенно. Как будто все трое репетировали одну пьесу. Только каждый получил свою сцену.

Мы вышли из комнаты. Я не выдержал.

— Ну кто врёт?

Вольский молчал. Потом тихо сказал:

— Все.

Я завис. Он поправил очки.

— Потому что невозможно одновременно видеть человека в трёх местах, но возможно... — Он достал сигарету — ...если все смотрели не на человека.

Я нахмурился. Он посмотрел на меня.

— Или если кому-то очень надо было создать впечатление, что Марк был везде.

Я замолчал. И вдруг стало холодно. Потому что версия

менялась слишком резко. Не «Марк убийца», а «Кто-то пытался сделать Марка убийцей». И тогда появился другой вопрос. Зачем? Зачем было подставлять именно его? Почему не Рената? Не Ладу? Не Тимура? Почему человек, который расследует дело вдруг стал самым удобным трупом.

Марк тем временем спокойно сказал:

— Кстати.

Я посмотрел. Он задумчиво добавил:

— Если меня реально пытались подставить, то кто-то слишком хорошо знал, где я окажусь.

И это было хуже всего. Потому что в этот момент мне впервые стало понятно:

убийство критика могло быть уже не главным событием. Главное событие происходило прямо сейчас. Кто-то пытался закрыть рот расследованию. И, кажется, начал с человека, который слишком любит задавать вопросы.

Из-под шкафа донёсся тихий стук. Марк даже не повернулся.

— Нет, Фридрих, сейчас не время для совета директоров. И впервые за день я не улыбнулся.

Глава 9

Кабинет встретил нас так, будто за последние сутки ни-

чего не происходило. Только пепельница стала другой формы. И кофе почему-то выглядел старше. Марк молча закрыл дверь, снял пальто и сел. Я сел напротив. Некоторое время никто ничего не говорил. Потом Марк достал сигареты. Потом кофе. Потом ещё кофе.

Потом сказал:

— Хорошо.

Я поднял глаза.

— Что?

Он спокойно посмотрел на потолок.

— Теперь у нас не один подозреваемый.

— У нас их сколько?

Он задумался.

— Одиннадцать.

Я чуть не поперхнулся.

— Что?!

Он пожал плечами.

— Это если считать всех, кто имел мнение о соусе.

Я вздохнул.

Марк открыл новую страницу.

— Разложим.

Ренат: мотив — сохранить легенду. Сомелье: мотив — отношения, личные конфликты, деньги, неизвестные разговоры. Администратор: мотив — долг, унижение, доступ. Ивлев: мотив — отсутствует.

Я посмотрел на него.

— Почему тогда вообще фигурирует?

Марк пожал плечами.

— Потому что вкусный свидетель.

Я помолчал. Потом спросил:

— А Марк?

Он посмотрел прямо.

— У Марка мотив был.

И это прозвучало странно. Не как защита, не как оправдание. Как констатация.

Он затаился.

— Но мотив ещё не делает убийцу.

Я открыл рот. И тут из-под стопки бумаг вылез таракан. Не Хайнц другой — Енох. Слегка нервный, с длинными усами. Он прошёл прямо по столу и остановился перед Вольским. Марк спокойно посмотрел вниз.

— Доклад.

Таракан замер, потом сделал три быстрых движения лапками. Вольский нахмурился. Я нахмурился вместе с ним.

— Подожди.

Он поднял палец, посмотрел на меня.

— Он говорит, что администратор не мог.

Я завис.

— Потому что?

Марк слушал. Очень серьёзно, потом кивнул.

— Потому что если человек хочет убить, он не станет заранее несколько недель рассказывать всем про долг.

Я задумался. Таракан снова задвигал лапками. Вольский нахмурился сильнее, потом медленно сказал:

— И ещё — он посмотрел на таракана. — Он утверждает, что Тимур вообще не понимал, что именно пропало из сейфа.

Я уставился. Марк задумчиво постучал пальцем по столу.

— Это сильный аргумент.

Он замолчал, потом посмотрел на таракана. Очень серьёзно и сказал:

— Ты сейчас получил премию.

Я завис. Марк открыл нижний ящик стола и достал... целую упаковку вафель. Куку-руку. Я чуть не подавился воздухом. Он спокойно распечатал упаковку, положил одну вафлю перед тараканом. Потом открыл второй ящик, достал маленькую чашку. Самую настоящую. Налил туда кофе из своей кружки и подвинул рядом.

— За аналитическую работу.

Таракан замер, потом медленно подошёл, потрогал усом край вафли и остановился. Я смотрел на это минуту, потом спросил:

— Ты серьёзно сейчас выдал премию таракану?

Марк пожал плечами.

— Он не просил.

— Это хуже.

— Почему?

Я посмотрел на вафлю, потом на кофе, потом на таракана.

— Потому что теперь я начинаю верить, что у вас реально система мотивации.

Марк задумался, посмотрел в сторону шкафа. и тихо сказал:

— Фридрих считает, что это не премия, — сделал паузу,
— Это инвестиция.

Я закрыл глаза. Марк продолжил раскладывать материалы, а я сидел и пытался понять одну вещь — почему из всех людей в этом деле таракан первым дал довод, который не защищал Марка. И почему это внезапно ощущалось честнее половины человеческих показаний. Таракан между тем уже деловито ел вафлю, и, кажется, собирался требовать отчёт о расходах, а Вольский впервые за день выглядел чуть спокойнее. Как будто расследование наконец начало возвращаться туда, где оно должно было быть, к фактам и к людям. Ну... почти к людям.

Мы какое-то время вообще не разговаривали. Только раскладывали. Часы, минуты, кто где был, кто кого видел, кто мог пройти, кто не мог. Получалось некрасиво. Потому что чем больше мы рисовали линию времени, тем сильнее начинало казаться, что убийство было не событием, а узлом, который затянули со всех сторон. Марк сидел с карандашом и методично ставил отметки. Я рядом строил таблицу. Ренат — кухня - подвал - зал. Лада — зал - подвал - зал. Тимур — кухня - вход - зал. Критик — подвал. Марк — машина.

Я устало потёр глаза.

— Если так продолжится, мы найдём убийцу через неделю.

Марк не ответил, потом вдруг сказал:

— Подожди.

Я поднял голову. Он замер, смотрел не на бумаги, а вниз, к краю стола. Я медленно перевёл взгляд и увидел её. Гер-труда. Она не торопясь подползла ко мне, остановилась, под-няла усики и начала стучать лапками.

Тук.

Тук.

Тук.

Очень уверенно. Я посмотрел на Марка. Он уже смотрел туда же. Не улыбался, не шутил. Просто слушал. Потом кив-нул и сказал:

— Она говорит, что есть данные, которых нет в деле.

Я моргнул.

— Что?

Марк посмотрел на меня и вдруг стал серьёзным. Совсем. Он достал ещё один лист. Не из папки, из внутреннего кар-мана. Положил на стол. Я начал читать и сразу понял. Это не было про соус. Это было про критика. Про то, что он за по-следние месяцы перед смертью несколько раз менял марш-руты, с кем-то встречался, не публиковал часть материалов, сохранял копии и отдельно интересовался не рецептом, а происхождением вещей. Не соуса. А легенд вокруг него.

Одна строка особенно бросилась в глаза:

«Если история слишком красива — значит кто-то что-то спрятал».

Я перечитал, потом поднял взгляд. Гертруда всё ещё смотрела. Пристально. Как будто проверяла, понял ли я. Марк молча достал из стола ещё одну маленькую чашку, поставил между мной и тараканом, посмотрел на меня и спокойно сказал:

— Кажется, очередь отдела коммуникаций.

Я посмотрел на чашку, потом на Гертруду. Потом снова на Марка. И почему-то без вопросов взял чайник с кофе, налил, пододвинул чашку. Гертруда остановилась, потрогала край усиком. Потом будто удовлетворённо сделала два коротких движения лапками.

Марк кивнул. Очень официально.

— Принято.

Я медленно откинулся на спинку стула. Посмотрел на кофе, на таракана, потом на Марка.

— Ты понимаешь, что это уже выглядит как корпоративный тимбилдинг?

Он спокойно ответил:

— Нет, — задумался, — Это рабочая группа.

Гертруда тем временем начала неторопливо пить кофе, а я вдруг поймал себя на очень неприятной мысли — мы только что получили новые данные не из дела. Не от людей, а от существа, которое вообще не должно участвовать в рассле-

довании. И самое странное — они выглядели чертовски полезными. Марк молча посмотрел на лист.

Потом тихо сказал:

— Значит, критик искал не рецепт, — он поднял глаза.
— Он искал человека.

И впервые за долгое время мне стало интересно не «кто убил», а кого именно критик успел найти. Потому что это внезапно стало выглядеть куда опаснее соуса. Мы нашли это не сразу. И даже не потому, что искали. Просто в какой-то момент Марк начал делать то, что делает всегда, когда дело начинает пахнуть не убийством, а человеческой дурью. Он перестал спрашивать: «кто мог это украсть?»

Вместо этого он пытался выяснить:

— Кому это вообще было выгодно исчезнуть.

Я уже автоматически открыл новую страницу. Потому что этот вопрос обычно ломает половину красивых версий. Марк достал очередную папку. Не нашу, не полиции. Совсем другую. Он молча положил передо мной. На обложке было написано: «Страхование. Международные контракты.»

Я завис.

— Это откуда?

Он спокойно ответил:

— Из открытых источников.

Я посмотрел на него. Он выдержал паузу.

— И пары неудобных запросов.

Я открыл и через минуту перестал дышать глазами. Ру-

копись. Амбула. «Оригинальный соус 1878 года». Отдельная страховка. Сумма... сумма была такая, что я сначала подумал, что это номер телефона. Потом перечитал ещё раз и увидел имя. Выгодоприобретатель. Дмитрий (критик — вымышленный персонаж)

Я поднял голову. Марк уже смотрел на меня. Спокойно. Будто это вообще нормальная рабочая среда.

— Подожди.

Я перечитал. Ещё раз.

— То есть...

Он кивнул.

— Он сам оформил страховку.

Я начал складывать. Страховка, пропaja, выплата. Оригинал остаётся, потом тихо продаётся отдельно, получается двойная выгода. Я медленно откинулся.

— Он хотел сам украсть.

Марк поправил лист.

— Не украсть. Инсценировать. — выдержал паузу. — Большая разница.

Я посмотрел на него. Он спокойно продолжил:

— Поэтому ему не нужен был убийца. Ему нужен был шум. Нужна была история. Нужна была легенда. Исчезновение века.

Марк взял сигарету, но не закурил. Покрутил между пальцами.

— Только одна проблема.

Я посмотрел.

— Какая?

Он показал на строку. Дата выплаты. И отдельную пометку. Очень мелкую. «В случае смерти выгодоприобретателя выплата пересматривается.» Я завис. Марк кивнул.

— Если он умер, страховая может не платить автоматически.

Я молчал.

Он продолжил:

— А если бы оригинал уже исчез, то план вообще разваливался.

Я посмотрел на бумаги. и вдруг понял. Мы начали с кухни. Потом дошли до соуса, потом до семьи, до Ивлева, до тараканов. Потом оказалось, что человек просто придумал схему. Очень человеческую. Очень старую. Очень знакомую. Жадность и немного самолюбования.

Я медленно сказал:

— Значит убийство могло быть вообще не про соус.

Марк кивнул.

— Убийство всегда начинается с чего-то другого.

Он посмотрел на шкаф. И вдруг спокойно добавил:

— Даже тараканы согласны.

Из шкафа донёсся слабый стук. Марк даже не посмотрел.

— Нет, это не значит, что вам вернут командировочные.

Я не выдержал. Засмеялся. Первый раз за день.

Марк посмотрел на меня. И тихо сказал:

— Ну что — он захлопнул папку, — Кажется, теперь надо
выяснить только одно.

Я поднял глаза. Он посмотрел прямо перед собой.

— Кто узнал про его план раньше него самого.

И впервые за всё дело мне стало ясно: соус тут, возможно, вообще ни при чём. История началась не с рецепта. История началась с человека, который слишком сильно поверил в собственную легенду.

Мы сидели какое-то время молча. И это было странно. Потому что впервые за долгое время история начала складываться не в сторону очередного гениального заговора, а в сторону чего-то очень неприятного. Очень человеческого.

Марк листал материалы. Потом остановился, посмотрел в одну точку и сказал:

— Значит, всё это было не про соус.

Я кивнул.

Он медленно положил карандаш.

— Он пришёл туда не за деньгами.

Я посмотрел на него. Марк достал ещё один лист. Не наш, не полиции. Старый. Архивный. И положил между нами. Там было имя. Не критика, не Рената, а человека пятнадцать лет назад. Дело закрыто. Драка, несчастный случай, смерть. И рядом фотография.

Я посмотрел. Потом ещё раз, потом поднял глаза.

— Это...

Марк кивнул.

— Да.

Я молчал. Потому что внезапно начали сходиться вещи. Не соус, не страховка, не сейф, не легенда. Критик слишком много копал. Слишком много спрашивал. Слишком много узнавал. Но не про рецепт. Он узнал человека и пришёл уже не как ресторанный критик, а как человек, который решил вернуть долг за прошлое. Дальше всё стало проще. Ренат — бывший заключённый. Судимость давно закончилась, жизнь пошла дальше. Ресторан, соус, работа, семья. И вдруг человек, который много лет жил так, будто старые двери закрыты, узнал, что кто-то нашёл ключ.

Критик узнал его и начал давить. Не сразу. Не с криками, не угрозами. Постепенно. Работай бесплатно, делай то, молчи об этом. Иначе полиция. И вот в день спектакля, когда исчезновение должно было стать легендой, критик сказал Ренату одну фразу. Не про соус, не про деньги, а про старое дело. Что теперь он всё расскажет, что всё восстановит, что больше не даст жить спокойно.

И Ренат впервые за пятнадцать лет оказался не поваром, не хозяином кухни, не человеком, который начал новую жизнь, а тем парнем из прошлого и ударил первым. Не потому что хотел денег или защищал рецепт, а потому что человек, которого он когда-то считал оставленным позади, внезапно снова оказался прямо перед ним.

Я долго молчал. Потом посмотрел на Марка.

— И всё это время мы искали не того человека.

Он кивнул. Очень спокойно.

— Не первый раз, — задумался, — Люди любят красивые причины.

Я посмотрел на бумаги. Страховка, сейф, соус. Месть. Всё смешалось в одну историю. Марк потянулся к папке, закрыл её и сказал:

— Теперь осталось проверить одну деталь.

Я поднял глаза. Он посмотрел куда-то в сторону шкафа. И спокойно добавил:

— Потому что пока у нас есть только история, а мне больше нравятся факты.

Из шкафа донёсся тихий стук. Марк даже не обернулся.

— Нет, это не значит, что сегодня будет премия.

Я посмотрел на него. Он заметил мой взгляд и спокойно пояснил:

— Гертруда слишком рано поверила в драматичный финал.

Я невольно улыбнулся. Потому что впервые за всё дело почувствовал странную вещь. Мы не распутали мир. Мы просто нашли ещё одну очень старую человеческую причину и она оказалась куда проще любого секрета XIX века.

Подвал встретил нас не запахом крови и не драмой, а обычной влажностью старого здания и тишиной. Такой, которая бывает после того, как все уже поняли, что громкие версии закончились.

Вольский стоял посреди помещения. Руки в карманах.

Спокойный. Перед ним — Ренат, Лада, Тимур. Трое людей, которые за последние дни успели стать одновременно подозреваемыми, свидетелями и людьми, которые слишком много знали. Марк молча разложил на ящике несколько листов. Потом ещё один, потом ещё. Посмотрел на всех. И спокойно сказал:

— У меня есть доказательства на каждого.

Никто не удивился. Это было плохо. Значит, все давно ждали этого разговора.

Марк продолжил:

— На Рената — мотив, на Ладу — доступ, на Тимура — долг и попытки скрыть следы. — он достал ещё один лист. — Но проблема в том... — Он оглядел всех, — Что если я сейчас передам всё как есть — я посажу людей не за то.

Тишина. Ренат впервые поднял голову. Вольский продолжил:

— Критик не пришёл за соусом.

Никто не перебил.

— Он пришёл за мстью.

Ренат дёрнулся. Совсем чуть-чуть. Марк заметил и продолжил. Рассказал всё. Про старую драку, про сына, про шантаж, про угрозы, про спектакль со страховкой, про мать критика. И вот тут произошло то, чего я вообще не ожидал. Из бокового коридора вышла женщина. Тихо. В обычной рабочей одежде, с полотенцем через плечо. Я узнал её не сразу. А потом вспомнил. Уборщица, которая постоянно мелькала

где-то на краю. Всегда молчала, всегда уходила раньше. Она посмотрела на нас и спокойно сказала:

— Я знала.

Никто не ответил. Она подошла ближе, достала из сумки ключ и открыла маленькую каморку рядом. Внутри стояла коробка. Обычная, пыльная. В ней лежали ампула, рукопись и ещё несколько аккуратно сложенных бумаг. Она посмотрела на сына. Потом тихо сказала:

— Я не хотела ещё одной смерти. И убрала коробку к себе. Не как преступник, а как человек, который устал жить внутри чужой истории.

Марк молча посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на Рената.

— Контрабанда. — он спокойно достал отдельный лист. — Я знаю, куда уходили поставки. — пауза, — Сдаёшь и остаёшься человеком.

Ренат долго молчал, потом кивнул. Тимур побледнел. Марк посмотрел на него.

— А ты... — Он слегка улыбнулся, — Ты станешь официальным виновником кражи.

Тот открыл рот. Марк поднял руку.

— Украденное нашли в твоей машине. Полиция закрывает часть вопросов, а заодно закроет и долги.

Тимур посмотрел на него. Потом вдруг рассмеялся. Тихо, без радости и сказал:

— Красиво.

Марк пожал плечами.

— Ты бы тоже сочинил алиби.

Так закончилась история. Не взрывом, не драмой, не легендой, а очень тихим обменом чужих грехов на шанс начать нормально.

Мы вышли наружу. Дождя не было. Воздух был тяжёлый. Марк открыл дверь старой семёрки. Я сел, он сел рядом и через пару минут открыл бардачок, замер, а потом достал оттуда рукопись. Настоящую.

Я посмотрел на него. Он спокойно убрал её в папку.

— Это не улика.

— А что?

Он подумал.

— Напоминание. — захлопнул бардачок и продолжил, —
Поехали домой.

В офисе было тихо. Марк достал папку, закрыл дело, завязал верёвочкой и убрал в шкаф. Потом посмотрел на меня, достал конверт и протянул. Я открыл. Премия. Снова слишком большая. Я посмотрел на него.

Он пожал плечами.

— Работа была нормальная.

Я усмехнулся. Потом достал из-под пальто огромную упаковку печенья. Вагон Виллс. Положил на стол.

Марк завис.

— Это что?

Я спокойно ответил:

— Премия отделу аналитики.

Он посмотрел на шкаф, потом взял упаковку и сказал
внутри:

— Коллеги, премия прибыла.

Тишина, потом шорох. Марк кивнул. Очень официально.

— Принято.

Мы вышли, закрыли дверь кабинета. И в этот момент...

БУМ...

БУМ...

БУМ...

Кто-то очень сильно постучал в металлическую дверцу
внутри шкафа. Марк замер, медленно повернул голову, по-
смотрел на шкаф. и впервые за всё время громко сказал:

— Флюкхен деррент! Вайсшенк, шпайхен, фаттеркрац! —
пауза. Потом ещё тише добавил — Не открывайте.

Впервые за день я понял одну важную вещь. Какими бы
ни были тайны, какими бы ни были дела, нельзя закрывать
шкаф так, чтобы потом внутри кто-то начал стучать сильнее.

Глава 10

Семёрка заглохла только с третьей попытки. Я ещё
несколько секунд сидел за рулём и смотрел на приборную
панель. Машина словно обиделась на меня за то, что я опять
собираюсь её оставить одну. Где-то под капотом что-то жа-

лобно щёлкнуло. Потом ещё раз. И наступила тишина.

— Молодец, — сказал я машине. — Дожила.

Семёрка ничего не ответила. Но почему-то мне показалось, что если бы могла, то обязательно послала бы меня куда подальше. Я вылез наружу, закрыл дверь, подёргал ручку. На всякий случай. Сегодня обошлось без открытия багажника и самопроизвольного восстания дверей. Это уже выглядело как маленькое чудо.

Старое здание офиса стояло серым прямоугольником среди такого же серого утра. На третьем этаже горело единственные 4 окна. Наши. Я поднялся по ступеням, толкнул входную дверь. Внутри пахло старой краской, пылью и чем-то неуловимо советским. Как будто само здание помнило ещё времена, когда здесь выдавали профсоюзные путёвки.

Я начал подниматься по лестнице. Первый пролёт, второй. На площадке между этажами моргнула лампочка. Один раз. Потом загорелась нормально. Я не обратил внимания, поднялся выше. Шаги гулко отдавались по пустому подъезду. Где-то наверху скрипнула дверь. Потом всё стихло. На последнем пролёте лампочка снова моргнула.

Раз.

Два.

Три.

Коротко. Будто кто-то быстро выключал и включал свет. Я машинально поднял голову. В этот момент мне показалось, что откуда-то сверху донёсся шёпот. Очень тихий. Настоль-

ко тихий, что я даже не был уверен, что действительно его услышал. Словно несколько слов одновременно. Не громче шелеста бумаги.

— ...открой...

Я остановился, посмотрел вверх. Лестница была пустой. Никого. Только старая лампа продолжала спокойно гореть под потолком. Я постоял несколько секунд, потом усмехнулся.

— Кофе надо меньше пить.

И пошёл дальше. Но уже возле двери кабинета мне показалось, что шёпот прозвучал снова. На этот раз ещё тише, словно издалека.

— ...ждём...

Я резко обернулся. Пусто. Никого. Только лестница, серые стены и запах старого дома. По спине пробежал неприятный холодок. Я тряхнул головой. После последних дел мне уже скоро начнут мерещиться говорящие почтовые ящики.

Толкнул дверь кабинета, и вошёл. Марк сидел за столом. Сигареты, кофе, папка были рядом. Но что-то было не так. Он читал. Причём не просто читал. Он буквально впился глазами в документы. Так, будто пытался вытащить из бумаги ещё одну страницу, которой там не было. Я закрыл дверь. Обычно он уже на этом моменте говорил что-нибудь вроде: «Опоздал.» Или: «Хайнц поставил на тебя пять рублей, что ты опять застрянешь с машиной.». Сейчас ничего. Вообще ничего. Будто меня в комнате не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.